

Содержание

Цитата номера	3
Предваряя тему...	
С.В. Иванова О гражданственности, национальной идентичности, безопасности	4
Тема номера	
Круглый стол «Идентичность современной России: кризис ценностей, поиск смыслов и пути конструирования»	10
Т.В. Евгеньева Историческая память и национально-государственная идентичность в современной России.	27
Е.В. Бродовская Влияние посткоммунистической трансформации системы идентичностей на процесс политической ресоциализации граждан: анализ базовых тенденций	37
П.К. Гречко Идентичность человека, или Homo professionalis ...	51
Д.Н. Бухаров Вещь как приоритетные ценность и смысл в контексте проблемы человеческой идентичности .	64
В.А. Бажанов Проблема когнитивных искажений при оценке рисков и принятии инновационных решений	77
М.В. Гондаренко Региональная идентичность личности в условиях социокультурного кризиса.	92
Диагностика социума	
Н.Л. Смакотина Протестные процессы общества потребления в фокусе социокультурного анализа	106
С.В. Семко Образы «своих» и «чужих» как элементы национально-государственной идентичности российской молодежи в начале XXI столетия	120
И.В. Васенина Социальный потенциал российского студенчества: по результатам социологических исследований	133
Т.Н. Кухтевич Политические представления российской молодежи как основания формирования национально-государственной идентичности	149
А.В. Селезнева Неоязычество в России и Африке южнее Сахары как попытка конструирования идентичности	167
О.И. Кавыкин Фальсификация истории России в контексте идентичности: новая плоскость противостояния	177
В.В. Усачева «Похищение Европы»: образ Запада и национальная идентичность россиян	184
З.Р. Усманова Модели социокультурной идентичности жителей Северного Кавказа: федеральное и региональное измерения	194
Наши авторы	208
Summary	210
Информация для авторов	215

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-32332 от 09.06.08 г. Москва

Журнал «Ценности и смыслы» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК.

Редакционная коллегия

Иванова С.В. (главный редактор)
Бисеров А.Ю. (заместитель главного редактора)
Кадыкова А.С. (выпускающий редактор)
Брюшинкин В.Н. Оганесян С.С.
Воскресенский А.Д. Смакотина Н.Л.
Войтас С.А. Сорина Г.В.
Гаман-Голутвина О.В. Туманов С.В.
Гречко П.К. Тынянова О.Н.
Грифцова И.Н. Шариков С.В.
Диев В.С. Шишов С.Е.
Зубарева Е.Ю. Шкурко Н.М.
Меськов В.С. Ярмак Ю.В.
Микешина Л.А.

Адрес редакции: 115035, Москва, ул. Садовническая,
д. 58/60, стр. 1

Тел.: 8(495)951-28-70

E-mail: cennostiismisli@gmail.com

Сайт: www.inst-et.ru

Учредитель:

Институт эффективных технологий

Допечатная подготовка:

Оригинал-макет подготовлен ООО «БЕТА-Фрейм»

Формат 70×108/16. Подписано к печати 25.10.12

Печать офсетная. Объем 18,9 п.л.

Периодичность: 6 номеров в год

Дизайн обложки Ю.В. Вепринцева

Тираж 1000 экз.

При использовании материалов ссылка на журнал обязательна.
Мнение авторов может не совпадать с позицией редакционной коллегии.
Ответственность за содержание рекламных материалов несут рекламодатели.

Индекс для подписчиков **42194**

© Журнал «Ценности и смыслы», 2012

Отсутствие «врага вообще», распространение демократии, денационализация элит и возвышение диаспор размыли границу между национальными и транснациональными идентичностями. Как известно, идентичность нации определяет ее национальные интересы.

Самюэль Хантингтон

С.В. Иванова

О гражданственности, национальной идентичности, безопасности

Автор обозначает несколько болевых точек в проблематике о гражданско-национальной идентичности, которые влияют на проблемы внешней и внутренней государственной политики, укрепления государственности и обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: национально-гражданская идентичность личности, национальная безопасность, российская государственность.

Номер данного журнала посвящен в целом исследованиям гражданской идентичности, проведенным под руководством Т.В. Евгеньевой в последние три года политологическим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках федеральной целевой программы Минобрнауки России. В дополнение к результатам этих исследований, освещенным впервые на заседании Круглого стола (тема была поднята журналом в 2010 году, [16]), читатели могут ознакомиться с актуальными выступлениями проф. В.Д. Нечаева, проф. П.К. Гречко, проф. Н.Л. Смакотиной и мн. др. Все эти материалы дополнены статьями авторов, нашедших новые грани в освещении этой сложной темы.

Мне бы хотелось тезисно обозначить несколько существенных болевых точек в этой проблематике.

Все рассуждения о российской государственности после развала Советского Союза окрашены этим событием, и, вероятно, это не закончится в обозримом будущем. Далее последовал опыт 90-х, «парад суверенитетов», утрата целостного законодательного, образовательного (и иных) пространств, балансирование на грани развала России. Это заставляет нас помнить, как быстро подготавливаются политиками и элитами подобные события, какую беспомощность ощущает большинство граждан, не способное противостоять, не имея организационных возможностей. Либеральное ли «прекраснодушие», расчетливый ли цинизм в стремлении «поделить пирог», отсутствие ли какого бы то ни было гражданского чувства — не суть важно на сегодняшний день, что привело СССР

к государственной трагедии. Сегодня появляется анализ того, как удалось сберечь Россию [8]. Действительно, сегодня имеют значение лишь уроки, которые мы извлекли из происшедшего, чтобы этот опыт не был повторен на России.

Угрозы настоящего времени — спустя два десятка лет — сильнее, состояние мироустройства нестабильнее, нас захлестывает волна кризисов различного порядка [9]. Финансово-экономический кризис 2009 года порожден, по убеждению, геополитическими ситуациями и нравственной «эрозией», разъедающей мировое сообщество. Глобализация, информационный бум, опасности техногенных и природных катастроф, спекулятивные политические технологии гегемонистского толка, осознание конечности запасов недр, грядущее переустройство мира на расовых, политических и религиозных, судя по лозунгам, а на самом деле экономических и геополитических основаниях, — вот тот неполный перечень внешних вызовов национально-гражданской идентичности в любой стране. И в России, с ее недрами и просторами, не в последнюю очередь...

При этом важно учитывать достаточно острые внутриполитические проблемы.

Что понимать под национальной идентичностью? Как она создается и чем цементируется?

Нельзя не согласиться с акад. РАН В.А. Тишковым, что в вопросе о понятиях «царит путаница», чреватая опасностями для общества и государства [10]. Иногда можно услышать заявления, что неправомерно ставить вопрос о единой нации в России даже в гражданском ключе и поэтому сам термин «национальная идентичность» не корректен. По мнению ряда исследователей, национальную идентичность можно разделить на гражданскую, свойственную населению всей многонациональной страны («мы — россияне»), индивидуальную (личностную), этнонациональную, присущую лицам определенной национальности и целой нации, этносу. Возможно, этот взгляд и является, по мнению М. Прайса, «романтичным», но в целом понятны все плюсы и минусы такого подхода, а главное — его значение для безопасности государства.

Известно, что в мире существует несколько вариантов государственного устройства с этнонациональных позиций: моногосударства, где все государство целостно, состоит из одной нации с однородной культурой, религией, традициями и т. п.; государства с доминирующей нацией при наличии небольших этносов, в той или иной мере поддерживаемых, но никак не влияющих на политику и экономику; мегагосударства, к коим относится Россия, с большим числом влиятельных, мощных наций, желающих самоопределения и самоидентификации в той или иной степени полноты и самостоятельности.

Здесь же особо следует отметить влияющие на Россию процессы идентификации, начавшиеся в Европейском Союзе. С одной стороны, мульт-

тикультуральные процессы и иммиграция разрушают идентичности стран Европы и способствуют созданию единой идентичности, об этом хорошо сказано у Бьюкенена («Смерть Запада»), но, с другой стороны, есть мнение, что адаптационные механизмы сработают [8] и, следовательно, предсказание о гибели западноевропейской цивилизации сильно преувеличено. Некоторые исследователи считают феноменом национальную идентичность в США, где из приехавших людей различных национальностей сформировалась единая нация — американский народ, однако идентичность местного населения оказалась под вопросом, вероятно, не в последнюю очередь из-за опасности претензий единственно правоприменяющего народа на владение этими землями. Сегодня аборигены в США маргинальны, но не они влияют на деструкцию идентичности, приметы которой увидел С. Хантингтон [11]. Таким образом, на переломе находятся Европа, США, многие другие страны, и Россия — не исключение. От разрешения этой ситуации, от сформированности национально-гражданской идентичности зависит геополитическое и экономическое место в мире, сохранение «лица» и территорий, то есть — сохранение государства.

Современные исследования, о которых сказано выше, показывают, что проблемы государственного самоосознания и самоопределения — после растерянности в 90-х гг. — начинают решаться.

При всех разногласиях важно представлять, что национальная идентичность, как и любая другая, видоизменяется, постоянно дополняется под воздействием очень многих условий и факторов, единственное — она должна быть. Можно предположить, что так активно описываемую десятью годами ранее в научной литературе «стадию слома» идентичности, мы начинаем проходить, но до завершения этого процесса не так близко. Повторю мысль, высказанную некоторое время назад: вопрос «Кто мы?» для нас второй после вопроса «На чем стоим?» [15].

Мы часто используем политический опыт западных стран, однако надо отметить, что государственная власть явным образом стала в последнее время учитывать российские традиции, мифостроительный фундамент, присущий нашей идентичности. Историческая культурно-социальная память, сохраняющая мифы, традиции и устои, действительно, помогает в создании жизнеспособных гражданских структур.

В условиях глобализации и новых поисков Россией своей идентичности многие явно смотрят на запад, считая, что мы к нему ближе. При этом всем понятно, что ведущие западные страны смотрят на нас с цивилизационной точки зрения как на младшего брата. Это несправедливо, но не случайно. Мы подчас стремимся к парадоксальному: хотим остаться суверенной великой страной с самобытной культурой, но ищем, с кем нам идентифицироваться. В качестве исторического вопроса в целом понятен, надо согласиться с той группой исследователей, которая утверждает нашу принадлежность к восточно-христианской цивилизации [4]. В качестве

политического вопрос сегодняшней властью поставлен остро. Если судить по экономическим основаниям, то контакт с западом нарастает, например, вступление России в ВТО.

Думается, что пора оставить споры о том, надо или нет утверждать в сознании граждан многонациональной и многоконфессиональной страны, что мы — единый российский народ, а продумывать пути политического развития этой уже не раз высказанной властью позиции.

Сложность этой работы определяется тем, что при формировании индивидуальной идентичности граждан страны важно «соблюсти паритет» между своей идентичностью, как представителя российского народа, и принадлежностью к определенной нации, этносу. При государственной поддержке всех наций и национальностей на территории страны, а такой опыт был и есть, это сложно, но разрешимо.

Теоретически, в проблемном плане, это довольно хорошо оформлено. Рассуждения о концепциях идентичности («культурной национальной идентичности», «гражданской политической идентичности» — по П. Алтеру, Э. Смитю, М. Игнатъеву, Р. Брубакеру, Д. Скопфлину и др.) представляют в своей работе М.Ю. Бунаков и В.Н. Лукин [1], и мы не видим необходимости подробно останавливаться здесь на этом. Однако, важно учитывать не только эти концепции, но и исследования русских философов Н.А. Бердяева, П.Я. Данилевского, В.В. Зеньковского, И.А. Ильина, К.Н. Леонтьева, Л.П. Лосского, В.С. Соловьева, С.Л. Франка, связанные с представлениями о формировании духовности, национального характера, народной души и т. п. Формирование идентичности лежит также и в этой плоскости.

Определенность с позицией национальной идентичности приносит определенность в осознании себя всеми гражданами, накладывает отпечаток на их мироощущение, поведение, нравы, мораль, состояние духа. От этого в конечном счете зависит будущее страны, возможный исход событий в результате выбора ответов на вызовы современного нестабильного мира.

В заключение выделим несколько ключевых задач:

— формирование общегражданского российского проекта национальной идентичности на основе правового и политического равенства, общности идеологии, гражданских институтов и территории;

— актуализация достойного, общего для всех граждан исторического прошлого, поддержка традиций, формирующих гражданскую патристическую позицию через искусство, образование, СМИ, институты гражданского общества;

— цивилизационная идентификация всех крупных этносов, населяющих страну. Например, цивилизационная, национально-культурная идентичность русских связана с социально-культурными, историческими корнями с восточно-христианской цивилизацией, в этом мы согласны с позицией А.Н. Окары [4], татар — с исламской цивилизацией и т. п. Это

особенно важно, так как здесь пройдет обязательный водораздел «свой — чужой», который присутствует при процессах идентификации [9]. Из этого следует:

— сохранение культурной национальной идентичности через поддержку родных национальных языков, религии, национальных культурных традиций, искусства в рамках, не нарушающих прав других граждан (мы в отличие от США, где все — американцы за редким исключением, еще века не уйдем от осознания внутри страны Я-Другой по признаку национальности);

— создание государственного гражданского имиджа и планомерное формирование своей позиции в море наднациональных и межгосударственных проблем; влияние на российскую элиту, стремящуюся подчас к наднациональной космополитической идентификации в ущерб интересам безопасности государства.

Наши авторы в своих материалах, участники обсуждения на круглом столе заявили о состоянии и путях решения многих проблем. Позиция научного сообщества, безусловно, заслуживает внимания.

Литература

1. Бунаков М.Ю., Лукин В.Н. Национализм и национальная идентичность в условиях глобализации: проблемы концептуализации. // *Credo-New*, 2006, Вып. 46, № 2.
2. Кортунов С.В. Становление национальной идентичности: какая Россия нужна миру. — М.: Аспект-Пресс, 2009.
3. Национальная идентичность — это принятие исторического опыта нации. Интервью РА В.Л.Цымбурского. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a120.htm>
4. Окара А.Н. Восточнохристианская цивилизация как субъект мирового развития в XXI веке. // «Ценности и смыслы», 2010, № 5(8).
5. Прайс М. Телевидение, телекоммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность. — М.: издательство Московского университета, 2000.
6. Ранчин А. Литературный текст и национальная идентичность (Рец. на кн.: Grimstad K.A. Styling Russia Multiculture in the prose of Nikolai Leskov. Bergen: University of Bergen, 2007, 256 p.). «НЛО», 2009, № 95.
7. Рикер П. Повествовательная идентичность. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.modernlib.ru/books/riker_p/povestvovatel'naya_identichnost/read/
8. Рябов А. Национальная идентичность перед вызовом глобализма. // «Сообщение», 2003, №2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.soob.ru/n/2003/2/concept/6>
9. Софронова Л.А. О проблемах идентичности. — М.: Индрик, 2006, с. 8—24.
10. Тишков В.А. Российский народ и национальная идентичность. // «Россия в глобальной политике», 2008, №4.

11. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. — М.: «АСТ», «Транзиткнига», 2004.
12. Харсеева А.В. Духовные аспекты национальной безопасности современной России: дисс. канд. филос. наук, 09.00.11. Краснодар, 2006, 171 с. РГБ ОД, 61:07-9/242
13. Этнос и политика. Хрестоматия. Автор-сост. А.Л. Прусаускас. — М.: издательство УРАО, 2000.
14. Alter P. Nationalism. \ A Hodder Arnold Publication, 2 ed., 1994
15. Иванова С.В. Национальная идентичность как фактор безопасности государства. // Сб. докладов и тезисов V межведомств. семинара (конференции) «Пограничная безопасность в условиях информационной войны». — М., Пограничная академия ФСБ, 2010.
16. Круглый стол «Проблемы национальной и личностной идентичности в условиях глобализирующегося мира» // «Ценности и смыслы», 2010, № 5(8).

**Круглый стол
«Идентичность современной России:
кризис ценностей, поиск смыслов
и пути конструирования»**

Ведущие круглого стола:

Иванова Светлана Вениаминовна, д. филос. н., проф., директор ФГНУ «Институт теории и истории педагогики» РАО

Нечаев Владимир Дмитриевич — д. полит. н., проф., ректор Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова

Евгеньева Татьяна Васильевна — к. и. н., доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Выступающие:

из ФГНУ «Институт теории и истории педагогики» РАО:

Богуславский Михаил Викторович — член-корр. РАО, д. п. н., проф., зав. лабораторией истории педагогики и образования

Селиванова Наталия Леонидовна — член-корр. РАО, д. пед. н., проф., зав. лабораторией теории воспитания

Турбовской Яков Семенович — д. пед. н., проф., зав. лабораторией философии образования

из Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова:

Селезнева Антонина Владимировна — к. п. н., ст. преподаватель кафедры социологии и психологии политики факультета политологии

Смакотина Наталия Леоновна — д. соц. н., проф., зав. кафедрой глобальных социальных процессов и работы с молодежью факультета глобальных процессов

Титов Виктор Валериевич — к. п. н., м. н. с. кафедры социологии и психологии политики факультета политологии

Усманова Заира Романовна — аспирантка кафедры социологии и психологии политики факультета политологии

из Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова:

Бродовская Елена Викторовна — д. п. н., зав. кафедрой политологии и конституционного права

из учреждений РАН:

Кавыкин Олег Викторович — к. и. н., старший научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии Института Африки РАН

Семененко Ирина Святославовна — д. полит. н., зав. сектором прикладных социально-политических исследований ИМЭМО РАН

Усачева Вероника Владимировна — к. п. н., с. н. с. Центра истории и культурной антропологии Института Африки РАН

из других организаций и учреждений:

Оганесян Сергей Саядович — д. пед. н.

Список всех участников Круглого стола не приводится за неимением возможности расширить рамки публикации

С.В. Иванова: Сегодня в стенах Института теории и истории педагогики Российской академии образования мы проводим круглый стол на тему: «Идентичность современной России: кризис ценностей, поиск смыслов и пути конструирования», инициатором которого стал факультет политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Татьяна Васильевна Евгеньева со своими учениками пришла к нам с этой идеей, и мы ее поддержали. Журнал «Ценности и смыслы» уже имеет опыт обсуждения темы идентичности в 2010 году. По итогам был выпущен номер журнала с CD-диском. Сейчас в 2012 году проблема не стала менее актуальной, появились новые исследования, которые проводились факультетом политологии МГУ им. М.В. Ломоносова совместно с Московским государственным гуманитарным университетом им. М.А. Шолохова. В недрах этих вузов зреет научная школа по исследованиям вопроса идентичности. Сегодня в журнал поступило несколько статей, касающихся идентичности, очень интересных статей, в том числе тему идентичности продолжает проф. П.К. Гречко из Российского университета дружбы народов. Мы тему идентичности продолжаем и, наверное, она неисчерпаема. И журнал, и сайты наших институтов и вузов отразят эту проблематику. Я не буду начинать непосредственно обсуждение, мои позиции освещались ранее, хочется предоставить слово нашим гостям.

Т.В. Евгеньева: Интерес к теме национально-государственной идентичности в условиях глобализации продиктован серьезными вызовами современности, среди которых сохранение целостности государства, его политического и культурного влияния в глобальном мире. Жить и развиваться может только тот народ, который имеет целостное представление о себе, о том, кто он и куда идет, поскольку на административных скрепах государство долго держаться не может.

В России идентификационный кризис отразился на всех поколениях наших граждан, но, в первую очередь, он затронул молодое поколение. Самоидентификация личности в советский период основывалась на сложившейся в течение длительного времени системе социокультурных и политических мифов, определяющих представления личности как об окружающей ее природной и социальной реальности, так и своем собственном месте в ней. «Картина мира» советского человека, будучи мифологической по своей природе, тем не менее достаточно успешно стабилизировала его сознание и поведение.

Разрушение этой «картины мира», начатое в годы перестройки и особенно активно продолженное после 1991 года, привело к дестабилизации всей системы представлений значительной части общества. Отказ от самоидентификации личности в качестве «советского человека» при отсутствии адекватной компенсации легло в основу формирования кризиса идентичности.

Об этом свидетельствуют данные исследований, посвященных проблеме национально-государственной идентичности россиян, которые проведены сотрудниками кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова в различных регионах России.

Сегодня можно говорить о том, что среднее и старшее поколения россиян смогли преодолеть этот кризис за счет переноса большинства элементов советской идентичности на российскую. Молодое поколение в условиях кризиса идентичности, ставшего следствием сильнеешего социокультурного кризиса, оказалось дезориентированным.

Результаты исследования демонстрируют также, что процесс формирования национально-государственной идентичности молодого поколения не может происходить стихийно. Если политические элиты современной России, являющиеся главным актором политических трансформаций, не смогут вовремя предложить привлекательную систему символов для самоидентификации молодежи в качестве граждан России, всегда найдутся иные политические субъекты, предлагающие собственные, часто негативные символы, формирующие идентичности, противоречащие интересам российского общества и государства. Эти символы, тиражируемые средствами массовой информации и в сети Интернет, могут впоследствии становиться инструментами целенаправленного манипулирования массовым сознанием и политическим поведением молодежи, стимулом для формирования радикальных националистических, экстремистских движений и организаций.

В.Д. Нечаев: Я пытался проанализировать предвыборную кампанию В.В. Путина через призму политической мифологии и связанных с ней процессов построения общероссийской идентичности. В 90-е годы я разрабатывал проблематику политической мифологии, в том числе, и в контексте формирования региональных самоидентификаций. В частности, анализировал, какова роль политических лидеров в процессе выработки идентичности. Как представляется, вывод, который был сделан тогда, актуален и сегодня: основной ресурс конструирования идентичности — это социальная и политическая мифология.

С начала 2000-х гг. очевидно, что проблема отсутствия национально-государственной идентичности в России становится все более острой и требует кардинального политического решения. Логично было бы предположить, что в основе этого решения должно лежать целенаправленное или спонтанное политическое мифотворчество: конструирование некоего набора мифологических образов, мифологем, через призму которых происходил бы процесс самоидентификации граждан с государством, нацией, отдельным регионом.

В 90-е годы мне довелось изучать эту проблему через анализ региональных политических мифов, в том числе и тех, которые создавали вокруг себя губернаторы, другие участники региональных политических процессов. В этих конструкциях достаточно отчетливо прослеживались такие базовые элементы, как образ «героя», определенные каноны восприятия регионального пространства и политического времени, кросс-региональные стереотипы и ряд других моментов.

Опираясь на данный подход, было достаточно интересно наблюдать за тем, как выстроена предвыборная кампания В.В. Путина, на каких политико-мифологических конструкциях и психологических механизмах она базировалась. Это было актуально в связи с тем, что в политической системе России начали все более отчетливо проявляться отдельные элементы кризисной динамики. Результат В.В. Путина на выборах позволяет говорить о том, что стратегия политического конструирования, выбранная действующей властью, в целом оказалась эффективной. Можно говорить о том, что «путинский миф» и связанная с ним российская идентичность за последние годы обрели некоторую устойчивость.

На мой взгляд, такая устойчивость наиболее ярко проявляет себя в том, что возник определенный образ российского пространства. Когда мы говорим о России, мы понимаем страну в ее нынешних географических границах. Российские граждане перестали стесняться самого слова «россияне», смирились, например, с тем фактом, что Казахстан не входит в состав России.

Немаловажно, что в ходе предвыборной кампании В.В. Путина было использовано противопоставление «порядок — хаос» в отношении России и окружающего её мира. С одной стороны, потенциальным избирателям транслировался образ хаоса — системного кризиса, в который погружаются США и государства ЕС. С другой стороны — его антипод — образ стабильной и развивающейся России как иллюстрация «порядка». Подобная дихотомия типична для всех политико-мифологических конструкций.

В ходе конструирования «исторического времени» акцент был сделан на нескольких ключевых темпоральных точках. Первая — это распад СССР как мифологическая «гибель Атлантиды», событие, с которого начинается отсчет политического времени новой России. 90-е годы в этой конструкции выступали как эпоха кризиса и социального хаоса, а 2000-е годы — как время преодоления его последствий.

Следует понимать, что политический миф воспринимается на уровне обыденного сознания как реальность. Поэтому его конструирование приобретает особое значение в период электоральных кампаний, в «переломных точках» развития российской политической системы. Дискуссии вокруг российской истории и российской идентичности оживляются именно в «переходные периоды» политического развития. Но если в конце 1980-х гг. исторические дискуссии были связаны с декомпозицией советской исторической «картины мира», кризисом политической системы СССР, то сегодня

ня предметом таких споров становится попытка государства взять на себя роль ведущего субъекта «исторической политики», задающего параметры формирующейся общероссийской идентичности. И споры вокруг российской истории, её преподавания (например, вокруг учебника А.Ф. Филиппова) свидетельствуют о том, что процесс кристаллизации национально-государственной идентичности в современной России, несмотря на все сложности и противоречия, продолжается.

В.В. Титов: Проблема национально-государственной самоидентификации российской молодежи является, безусловно, актуальной. Во-первых, молодежь — не только долгосрочный ресурс национального развития, социально-экономической и политической модернизации российского общества, но и важный субъект современного политического процесса. Во-вторых, с проблемой формирования общероссийской идентичности молодых россиян напрямую связан потенциал консолидации российского общества и устойчивость политической системы России.

Мне хотелось бы остановиться на результатах исследования, о котором говорилось ранее и в котором мне довелось принять участие. Исследование включало в себя два этапа. Нами опрошено более четырехсот респондентов в возрасте 18—30 лет. Исследование позволило выявить ряд тенденций формирования национально-государственной идентичности молодых россиян. Обозначим наиболее «проблемные» из них.

Первая проблема — слабый когнитивный потенциал самоидентификации. Нередко даже те представители молодого поколения, которые называют себя «россиянами» и «патриотами», обладают весьма поверхностными представлениями о российской истории. По существу, «исторический вакуум» стал серьезным препятствием для выстраивания полномасштабной модели самоидентификации молодежи с Россией, её историей, культурой. Это еще раз подчеркивает необходимость выработки и реализации исторической политики не просто как некоего набора несогласованных между собой «пожарных» мер реактивного характера («борьба с фальсификацией истории» и т. п.), а как широкого комплекса долгосрочных управленческих решений и действий.

Вторая — высокий уровень этнической конфликтности в молодежной среде.

Третья — отсутствие государственной «политики идентичности» в постсоветской России.

Четвертая — отсутствие внятного, целостного образа будущего, вокруг которого молодое поколение могло бы «выстраивать перспективу» — видеть возможности собственной личностной реализации в контексте развития российского общества в целом.

На наш взгляд, указанные тенденции являются крайне значимыми для понимания особенностей и проблем формирования общероссийской идентичности современной молодежи.

З.Р. Усманова: В продолжение прозвучавшего выступления хочу добавить несколько выводов о современных моделях идентичности молодежи в республиках Северного Кавказа. Двадцать лет — достаточный срок формирования нового молодого поколения, впитавшего элементы особенной культуры, мировоззрения, ценностей, отличных от тех, носителями которых является их старшее окружение. Естественно, что характер изменений в обществе в целом, и у молодежи как особом слое, не затронутом предыдущим советским этапом формирования идейно-ценностной картины мира, не однороден в масштабах страны. Особенностью новой России выступает локализация смыслов, этнизация, замыкание сознания масс на свою территорию, сужение социального пространства до «своего» региона. Такой характер трансформации смыслов послужил оформлению значительных различий в социально-психологических, морально-нравственных, идейно-политических взглядах региональных обществ. Молодежь наиболее ярко демонстрирует эти различия, как результат взросления и социализации в изменившихся условиях реальной действительности. Наиболее заметны эти процессы в среде молодежи Кавказа ввиду ее ментальных особенностей, что нередко приводит к абстрактно-идейным противоречиям и реальным конфликтам на их почве. Подобная ситуация заключает в себе комплекс исследовательских проблем, выявление ряда особенностей политического сознания молодежи в национальных республиках. Это необходимо для того, чтобы объяснить явление локализации социокультурного и гражданско-политического пространства в сознании современной молодежи СКФО; выявить объективный и деструктивный потенциал подобной трансформации смыслов, их роль и значение для современной молодежи; предложить варианты формирования общероссийской поликультурной надидентичности, способствующей функционированию России как интегрированного и целостного государства.

Для анализа идентификационной картины мира молодежи Кавказа мы избрали следующие ее компоненты:

- представления о государстве Российская Федерация, стране Россия;
- представления о государственных, социальных и гражданских институтах;
- представления о государственной власти и лидерах федерального и регионального уровня;
- пространственно-территориальные представления молодежи о стране;
- представления молодых граждан об особенностях культуры, традициях, этнической и конфессиональной принадлежности, а также стереотипы в массовом сознании, «событийный фон» и другие составляющие.

Проследив с помощью проективного графического тестирования и глубинных интервью содержание представлений о стране России и республике проживания в молодежном сознании, мы попытались сравнить особенности этих представлений у респондентов из различных республик, а также выяснить, насколько эти представления вплетены в единый образ

страны или, напротив, являются несвязанными элементами многосоставной конструкции.

В результате мы определили линии локализации смыслов и интеграции молодежи на основе конструктов, имеющих важное значение для целостности их картины мира. Первый (низкий уровень — основание идентификационной пирамиды) — социокультурное, идейно-смысловое и традиционное пространство этноса. Второй уровень (идейный скреп) — это гражданско-государственная идентификация, социо-экономическое, формально-идеологическое и культурно-смысловое пространство России. Третий уровень (широкий скреп, к которому обращаются в случае противоречий или конфликтов предыдущих ориентиров) — конфессиональная принадлежность, а именно исламская идентификация, потому что иные религии на Кавказе не выполняют функцию надкультурного, надтрадиционного и надгосударственного скрепа. Надкультурой, выполняющей функцию скорее антикризисного решения, нежели глубинного ценностно-мотивационного основания самоидентификации молодого кавказца, выступила исламская культура. Появление множества «местных» интерпретаций ислама еще раз подтверждает, что полем борьбы за поиск смыслов стала религия, а не государственная идея, и именно этот факт настораживает общественность и требует целенаправленного решения, единой политики в этой сфере.

Налицо потребность в обретении новых политических принципов, интегрирующих разнородное российское общество в рамках единой концепции нации и государства, которая на сегодняшний день пока не решается в положительном ракурсе.

А.В. Селезнева: Наше исследование акцентировало внимание на самой младшей когорте в структуре современной молодежи — российских старшеклассниках — юношах и девушках 16—17 лет, которые находятся на пороге совершеннолетия и переживают трансформацию жизненного уклада, связанную с окончанием школы и необходимостью получения профессионального образования. Источником для изучения послужили продукты творческой деятельности школьников — написанные в свободной форме 1000 эссе по политической проблематике. Представим результаты.

Подавляющее большинство считает прошлое России «богатым» (71,4%), «сложным» (92,8%) и «значительным» (78,4%). «Золотым веком» в истории нашей страны назван XVIII век. Чувство гордости вызывают события, которые оказали положительное влияние на развитие страны (Куликовская битва, реформы Петра I, полет в космос). Наибольшее количество сожалеет о событиях далекого прошлого, которые, по их мнению, негативно сказались на развитии нашей страны, принесли разрушения и человеческие потери (татаро-монгольское иго, крепостное право).

Представления о «врагах» России не менее важны для понимания особенностей политического сознания, поскольку образ «врага» играет важную идентифицирующую роль. Более половины старшеклассников (51,5%)

считают, что у России всегда были «враги»: *«У России всегда было много врагов, а друзей было либо мало, либо совсем не было»*. Основными «врагами» школьники называют тех, с кем у России были вооруженные конфликты: *«С древнейших времен у Руси были враги. Это и монголо-татары, которые сжигали целые города и морили людей. Это и немецкие и шведские рыцари, и французы, и турки, и фашисты»*. Современная Россия тоже имеет «врагов»: *«С тех самых пор ничего не изменилось»*. Треть опрошенных нами старшеклассников типологизирует «врагов» России на внешних и внутренних. Главный внешний враг для большинства школьников (66,7%) — это Соединенные Штаты Америки. Вражда с США, в представлении старшеклассников, имеет не столь давние корни, но высокая напряженность отношений в период «холодной войны» и гонки вооружений наложила отпечаток на все последующие годы. Кроме того, в список «врагов» школьники включают Украину (21,2%), Грузию (18,1%), Китай (15,1%), Евросоюз (12,1%), НАТО (12,1%), страны Прибалтики (12,1%). Однако, *«по сравнению с США эти враги — просто мелкие сошки, от них исходит неприятное жужжание»*.

Наиболее привлекательным политическим лидером для старшеклассников является Петр I. Наиболее противоречивой, но не менее интересной и привлекательной для молодых людей является личность И. Сталина: *«Для кого-то И. Сталин — тиран, уничтожавший любые проявления личности в человеке, злостный искоренитель инакомыслящих людей, для кого-то — полубог, олицетворяющий собой всю мощь великой державы и поднявший ее с колен. Но то, что он признанный всеми лидер — однозначно так»*. Тройку лидеров в политических предпочтениях замыкает В. Ленин. Полученные данные свидетельствуют о том, что интересными и значимыми для молодых людей являются противоречивые личности, сильные, а главное внесшие существенный вклад в развитие нашей страны.

Для старшеклассников, политическое сознание которых еще находится в процессе формирования, значимыми агентами политической социализации являются учителя и СМИ, транслирующие разную в содержательном отношении информацию, что затрудняет формирование национально-государственной идентичности молодежи как монолитного конструкта. Акцентируя внимание на том, что наши респонденты являются жителями более однородных в национальном и конфессиональном отношении регионов центральной России, мы все же можем констатировать наличие некоторых, пусть пока и фрагментарных, элементов идентичности именно национально-государственного типа. Данное обстоятельство, в некоторой степени, может служить основанием для оптимизма в отношении возможностей формирования единой социальной идентичности молодежи.

Н.Л. Смакотина: Результаты исследования, которые были здесь предложены, представляют серьезный интерес для понимания тенденций в сфере формирования национально-государственной идентичности. Но я хочу углубить подход к рассмотрению проблемы: нужно рассматривать иден-

тичность в более тесной связи с состоянием общества в целом. В.Д. Нечаев произнес слово, которое, на мой взгляд, во-многом характеризует и состояние современного российского общества. Это слово «хаос». На самом деле хаос зарождается в условиях национальной неопределенности, а выходом из состояния хаоса является идентичность.

Мы должны обратить внимание на то, каким образом формировались жизненные представления и ценности российской молодежи в последние два десятилетия. И еще хочу отметить два момента. Первый — открытым остается вопрос, какие ценности современная российская молодежь будет транслировать следующим поколениям и как она это будет делать. Второй — требует особого внимания такая социальная ценность, как доверие. Для российской молодежи характерен дефицит социального доверия в целом и, в особенности, доверия к институтам власти. Процесс разрушения доверия начался в 90-е годы, а его последствия мы ощущаем и сегодня. Мы периодически наблюдаем повышение доверия молодежи к отдельным социально-политическим институтам по сравнению с 90-ми годами. Кроме того, уровень доверия к российской власти различается по регионам. Например, в республиках Северного Кавказа он несколько выше, чем в некоторых других регионах. Но это не меняет общей тенденции.

Интересно, что, несмотря на определенный кризис семейных ценностей, молодежь в большей степени доверяет семье.

Однако, рассматривая проблему идентичности, необходимо учитывать и то, чего в большей степени боится российская молодежь. Исследования показывают, что на протяжении многих лет неизменно присутствует страх нищеты, нестабильности и произвола власти. Это формирует некую доминанту доверия/недоверия и оказывает влияние на формирование моделей поведения большинства граждан.

Наконец, необходимо сказать о двух фундаментальных и одновременно противоречивых по своему внутреннему содержанию ценностях молодежи — защищенности и свободы. При этом, говоря о свободе, мы должны рассматривать данную категорию во всем ее многообразии, в самых различных формах ее проявления в современном обществе. Интересно, что молодежь 90-х (которая сегодня является родителями) ожидает от своих детей приверженности таким ценностям, как ответственность, нравственность, уважение.

Основная мысль моего выступления заключается в том, что мы не можем говорить о молодежи как усредненной группе. Мы сегодня должны принять множество идентичностей, множество ценностей, множество моделей поведения. Пока не ясен ответ на вопрос, к чему приведет эта множественность, но очевидно, что сложившаяся ситуация будет оказывать серьезное влияние на дальнейшее развитие российского общества. Я думаю, что нам необходимо рассматривать факт неоднородности молодежи в качестве отправной точки дальнейших научных дискуссий.

В связи с поставленными вопросами нельзя не упомянуть прошедшие выборы, их результаты в Москве и реакцию молодежи на эти результаты. Они наглядно продемонстрировали, что российская столица — яркий пример неоднородности молодежи как социально-политического сегмента общества. Московская молодежь продемонстрировала множественность не только социальных, но и политических идентификаций, отсутствие какой-либо доминирующей идентификационной установки. И в связи с этим новую актуальность приобретает необходимость детального изучения всего спектра социальных и политических молодежных идентичностей.

О.В. Кавыкин: Я хотел бы рассказать об идентификации части граждан в качестве так называемых «родноверов», то есть неоязычников. Эта тема развивается в более широком контексте исследований: «Язычество и неоязычество в современном мире». Возрождение язычества — не новое явление для наших культур, оно возникло в период, когда в нашей стране наблюдался кризис идентичности, и он воплотился в попытках представителей отечественной интеллигенции дать ответ на вопрос «кто мы?». На закате советской эпохи этот ответ пытались дать с помощью конструирования образа славного прошлого. Некоторые опирались на идеализированный образ Российской Империи или «Святой Руси», а некоторые — на образы дохристианского наследия. У вторых появилась благодатная почва, потому что мы достоверно знаем о древних славянах немного; это дало возможность практически произвольно (с включением своих личных установок) конструировать образы прошлого и проецировать их на современный этап. В совокупности тех мифологизированных образов «своего» и «чужого», «славного прошлого» и т. д., которые пришли к нам еще из советской эпохи (и продолжает развиваться в последние годы), можно выделить два полюса: относительно толерантный, «народнический» и достаточно интолерантный, националистический. Эти «полюса» — крайние точки зрения; конкретные высказывания и действия будут находиться между ними, но, в основном, они связаны как раз с этими тенденциями — народнической и националистической. Характерной для современности тенденцией является радикализация как взглядов, так и деятельности отдельных индивидов, отождествляющих себя с «родноверием». Обращение к дохристианскому, языческому наследию как основанию идентичности наблюдается также у части интеллектуалов в странах Запада (с начала XX в.) и в других странах, в частности, в Нигерии (с 60-х гг., в качестве молодежной субкультуры — с 80-х гг. XX в.). На это расширяющееся влияние в мире следует обращать внимание при оценке идентичности.

Н.Л. Селиванова: Очевидно, что проблема идентичности неразрывно связана с ценностями. Именно в ценностной плоскости лежат острые проблемы российского общества... Я поддерживаю высказанную здесь мысль, что необходимо перестать воспринимать российскую молодежь как некий монолит, она серьезно дифференцирована. Мы привыкли обращать вни-

мание на две крайности: одаренных молодых людей и тех, кто вызывает беспокойство. При этом основная масса — большинство, которое определяет «лицо» российской молодежи — остается вне нашего поля зрения.

У нас в институте несколько лет назад состоялась защита докторской диссертации на тему «Педагогическая поддержка формирования социокультурной идентичности школьников». Обращаясь к этому исследованию, хочу выделить два момента. Во-первых, мне кажется, что у нас существует путаница в терминах: гражданская идентичность не всегда отделяется от этнической. В этом смысле важным является понятие социокультурной идентичности, которое представляется наиболее емким и включает в себя иные типы идентичности (гражданскую, национальную, этническую и т. д.). Во-вторых, нужно обратить внимание на понятие «педагогической поддержки». В связи с этим очень важной является роль школы как института, формирующего образцы самоидентификации и поведения молодежи. В качестве примера можно привести известную педагогическую систему В.А. Караковского, которая много лет вырабатывала и предьявляла такие образцы.

И. С. Семененко: Считаю поставленную на обсуждение тему исключительно важной для будущего нашей страны. По данным опросов Института социологии РАН, опубликованным в посвященном итогам двадцатилетия реформ аналитическом докладе, сегодня 95% населения РФ в той или иной степени воспринимает себя как «граждане России», из них 72% ощущают свою общность с гражданами России «в значительной степени». Авторы доклада, указывая на кардинальные изменения в образе государства за прошедшие два десятилетия, оценивают российскую идентичность как «исторически быстро формирующуюся». При этом отмечается, что «ставшая массовой, уверенной и достаточно сильной российская идентичность, цементирующая российскую политическую нацию, — безусловно, важный итог двадцатилетия, но идентичность эта хранит в себе болезненный опыт перемен и негативизм фобий и переживаний»¹. Между тем сегодня характер прочтения собственного исторического опыта работает в России на воспроизводство социокультурных расколов. Не сформировалось объединяющего граждан страны видения имперского прошлого, революционных потрясений XX в., сталинского режима и перестройки. Ожесточенные споры вокруг понимания российской истории как национальной и общероссийской стали неотъемлемой частью современного политического дискурса. Соответственно, размытым оказывается и понимание «национального», которое в традициях опыта предыдущих десятилетий продолжает отождествляться в политическом дискурсе либо с «националистическим», либо с этническим, либо сугубо с государственным началом.

¹ Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2011. С. 201 — 202, 210.

Чтобы ответить на нынешние вызовы, российское общество в поисках ресурсов эффективного социально ориентированного развития не может обходить стороной свое понимание национального и не соотноситься с теми изменениями, которые претерпевают сегодня нация и национальное государство. Это ключевые условия его самоопределения как сообщества ответственных друг перед другом и за судьбы страны граждан.

Динамика политической идентичности в национальном сообществе может служить качественным показателем его демократического развития. Многогосоставная, сложная идентичность, для которой характерно сосуществование разных значимых для человека социальных ориентиров, актуализирующихся в конкретных жизненных ситуациях, доминирует в развитых обществах и служит критерием их гражданской зрелости. Расползание «размытой», текучей, вяло переживаемой на личностном уровне идентичности чревато угрозами манипулирования сознанием в интересах тех групп, которые могут предложить привлекательные лозунги радикального эмоционально насыщенного толка. Низкая значимость гражданских составляющих идентичности подрывает основы правового сознания. В результате запускаются взрывные протестные механизмы социальной мобилизации: «человек действующий» превращается в «человека манипулируемого» и «человека разрушающего». Переломить эту тенденцию может создание институциональных опор общества *сограждан*.

Сегодня в публичной сфере сталкиваются различные практики формирования идентичностей. От того, какие ценностные ориентиры и какие модели идентификации получают общественное признание, а какие окажутся на периферии общественного развития, в определяющей степени зависит и траектория эволюции национально-территориальных сообществ, и сама возможность перехода находящихся на разных стадиях развития обществ в категорию современных.

Как отмечал создатель школы социально-политической психологии в современной России Г.Г. Дилигенский в одной из своих последних работ, «сегодняшняя Россия — это во многом общество раннего модерна, имеющее проблемы начала XIX века, но существующее в рамках постмодерна»¹. Формирование нации в информационную эпоху в обществе, живущем разными своими стратами в разном историческом времени, требует переосмысления содержания национального как органического сплава идентичностей — гражданских, этнических, религиозных и конфессиональных, социокультурных. Нацстроительство опирается уже не столько на «ежедневный плебисцит» в отношении государства и его институтов, сколько на заинтересованный диалог носителей разных идентичностей на основе согласия вокруг базовых демократических ценностей и норм общежития, в том числе правовых, и утверждение инклюзивной гражданской идентичности.

1 Дилигенский Г.Г. Была некая историческая критическая точка // Россия в условиях трансформации. Вып.5. М.: 2000. С.98.

Коллектив ИМЭМО вместе с коллегами из других ведущих российских исследовательских центров подготовил двухтомное издание, посвященное концептуализации базовых понятий по проблематике политической идентичности и анализу тенденций динамики идентичности в современном мире. Книга «Политическая идентичность и политика идентичности», выпущенная издательством РОССПЭН, — это словарь терминов и понятий и монографическое исследование «Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке». Авторы надеются, что выход в свет этого труда будет способствовать развитию дискуссии вокруг теоретических аспектов осмысления идентичности, наметит узловые точки и проблемы консолидации политической нации в современном мире и в России и перспективы становления гражданской идентичности как ресурса развития российского общества. Ответственность за такой исход лежит и на представителях научного сообщества. Консолидация политической нации и утверждение позитивной, ориентированной на развитие идентичности может стать действенным инструментом улучшения социального климата и качества жизни в России, соответствующего ожиданиям нынешних и будущих поколений граждан нашей страны.

М.В. Богуславский: Поскольку у нас междисциплинарный круглый стол, продолжим образовательную проблематику. Я хочу сказать три вещи, которые для меня очень важны. Во-первых, нужно не упускать контекст социальной идентичности. Он имеет для образования важное значение. Есть элиты, элиты космополитичны, и они себя идентифицируют, в том числе и в проекции на образование, совершенно не национально, не регионально, не профессионально и т. д. Есть на другом полюсе бедные люди, которые тоже космополитичны. Они себя ассоциируют по социальному признаку: «мы бедные». Вспомните, как во время погромов бедные русские спасали бедных соседей евреев. Вот такая космополитичность, а поиски идентичности и национальной и всякой другой проходят между этими двумя полюсами. Здесь находится и социальная идентичность, формируется понятие «своего круга», и это сейчас имеет большее значение, наверное, чем религиозная, национальная или локальная идентичность. И это тот зуммер, который в модификации будет звучать наиболее сильно.

Теперь второе. Мы знаем шесть индукционных установок, которые идут из-за вечного спора, что есть Россия. Вот эти шесть установок и определяют идентификационное пространство для людей. Я бегло напомним: Россия — это часть славянского мира, Россия — это Россия и Россия — это другая Европа. Эти шесть идентификаций образуют культурно-образовательное вариативное пространство школ как образовательных учреждений. Например, в Туве и Бурятии они прямо ориентируются на восток, а Калининград — на Европу.

И, наконец, третий момент. Был представлен итоговый доклад Стратегии 2020. Глава 11-ая называется «Новая школа». В этом докладе на самом деле представлены четыре идентификации: консервативная, стабилизационная,

модернизационная и инновационная. Получается четыре кластера: первый — государственно-социальный, консервативный, который называется «вперед в СССР»; второй — стабилизационный, т. е. социально-демократическая идентификация, третий — умеренно-либеральный или либерально-демократический. Думается, что эти идентификации для сферы образования более важны, чем круг локальных, рациональных, региональных, личностных идентификаций.

С.С. Оганесян: В современном мире исследование идентификации невозможно без критериев. Здесь было предложено столько критериев, что можно даже растеряться. Поэтому и прозвучала мысль о хаосе или порядке. Мы с вами знаем, что абсолютного «порядка» надолго быть не может, поскольку в этом случае не будет развития. Наша особенность заключается в том, что на просторах нашей громадной страны проживают люди с совершенно разным типом ментальности. Народы севера — это один тип ментальности, жители Москвы и Санкт-Петербурга — это другой тип ментальности. Мы входим в эпоху, когда все более проявляется разномыслие. Происходит арабская весна, где образованная молодежь начала действовать, а дальше уже инициативу взяли те, кто находится на другом цивилизационном уровне. Даже Китай уже заявляет о том, что необходимо переходить на многопартийную систему. Поэтому мы должны понимать, что концепции образования, разработанные в прошлом, не всегда вписываются в менталитет новой эпохи, в которой человек ощущает себя самодостаточным и периодически подвергает сомнению общепринятые суждения. На мой взгляд, в российском дискурсе, в отличие от западноевропейского, нет четкого разграничения между понятиями этноса, нации, народа. Поэтому проблема формирования идентичности нуждается в серьезном междисциплинарном изучении.

Я.С. Турбовской: Слушая предыдущие выступления, я задал себе вопрос: кто наиболее заинтересован в формировании общероссийской национально-государственной идентичности? Можно предположить, что это — государство. Тогда возникает другой вопрос, почему многие его шаги отдаляют нас от этой цели. Для меня проблема сводится к выявлению факторов, которые должны влиять на формирование российской идентичности. Это и Конституция, и законы, и условия, в которых живут люди. Кроме того, следует учитывать разные уровни идентичности: от национально-государственного до личностного. И здесь очень важно, чтобы на личностном уровне идентичность воспринималась как выбор самого человека, а не что-то навязываемое извне. Идентичность в первую очередь — концентрация эмоциональных чувств человека, а не формально-логических рассуждений.

Нам самим необходимо ответить на вопрос, какая нам нужна идентичность. Социологи признают, что в современном мире мы встречаем широкий спектр идентичностей разного уровня. Но для понимания места каждой из них необходимо выстроить иерархию, на которую могло бы опираться российское общество. В моей книге «Русский язык: между не-

приятно и любовью» я заявляю, что невозможна ситуация формирования национальной идентичности там, где государственный язык не является родным языком. Из этого следует необходимость уделять больше внимания обучению русскому языку.

Если мы с вами пришли к пониманию того, что проблема национально-государственной идентичности действительно является важной для общества, мы должны определить конкретные задачи, которые нужно решить на федеральном и региональном уровнях, а также понять, какой вклад может внести школа в решение данной задачи. Для того, чтобы что-то сделать, нужна политическая воля.

Е.В. Бродовская: Представляется, что на формирование системы идентичностей молодежи современной России в большой степени оказывают влияние референтные группы, соотнесение с которыми происходит не в реальном, а в виртуальном пространстве. На базе Центра киберполитики и прикладных политических исследований МГГУ им. М.А. Шолохова был реализован проект «Протестная активность москвичей после выборов депутатов Государственной Думы ФС РФ (декабрь 2011 г.)». Модель исследования базировалась на триангуляции методов: включенного наблюдения, Интернет-опроса и содержательного анализа материалов социальных сетей, печатной продукции, распространявшейся на митингах.

Результаты позволяют говорить о том, что московское Интернет-сообщество настроено по отношению к участникам декабрьских акций протеста лояльно. Наблюдается очень высокий процент информированных о событиях на Болотной площади (80%). Это преимущественно респонденты в возрасте 18—29 лет (что практически совпадает с параметрами протестующих), получившие сообщения из социальных сетей, других материалов сети Интернет или приглашение знакомых/друзей (39 % опрошенных лично приняли участие в акциях протеста в Москве). По мнению респондентов, основными причинами, побудившими людей выйти на акции протеста, проходившие в Москве 5, 10, 24 декабря 2011 г. стали: нарушения, допущенные во время выборов в Государственную Думу РФ, а также желание увидеть в российской политике новые лица. Следовательно, в позиции протестующих просматривается не столько недовольство и раздражение ситуацией вокруг выборов, сколько сформировавшийся в молодежной среде (можно сказать в новом Интернет-поколении) запрос «на альтернативу», «на перемены».

По итогам исследования мобилизационного потенциала влияния социальных сетей на инициирование протестной активности, можно сделать следующие выводы:

— социальные сети стали базовой площадкой функционирования *координационных* (по митингу 24 декабря таких групп 3) и *организационных групп* (13 — facebook, общее число участников — более 1700 чел.) Отмечен высокий уровень дифференциации функционала организационных групп: от разработки агитационной продукции до обеспечения безопасности;

— тематические страницы, созданные в сети facebook, можно дифференцировать на два типа: *организационные страницы* (основная цель — пригласить пользователей на мероприятие, в данном случае акцию протеста), идентифицировать которые можно по такому элементу адреса, как *events*; *страницы обсуждения* (основная цель — поддержание определенного эмоционального настроения аудитории), элемент идентификации в адресе — *groups*. Социальные сети демонстрируют высокий уровень потенциала мобилизующего воздействия на протестную активность молодых людей.

Данные контент-анализа печатных материалов, распространявшихся во время митинга 24 декабря 2011 г. в Москве, свидетельствуют о том, что только в 2-х из 20 случаев модальность материалов была связана со стремлением стимулировать эскалацию протеста; в 2-х случаях — с популяризацией революционного способа изменения политического порядка. Кроме этого, предлагаемые стратегии поведения носят конвенциональный характер (в слоганах используются преимущественно позитивные глаголы: «сплачиваться», «побеждать», «требовать», «скажем», «защитим», «победим» и т. д.). Негативно ориентированные слоганы встречаются дважды: «валить» и «разгромить» — по отношению к режиму.

Протестовавшие на проспекте Сахарова были охвачены общей положительной эмоцией, связанной с переживанием своей силы, солидарности и преодолением «эффекта одиночества». Такое качество участников протестных акций указывает на высокий потенциал их самоорганизации. Кроме того, позитивный опыт мирного протеста, вызвавшего повышение реактивности политической системы, способствовал пролонгированию протестной активности.

В.В. Усачева: Хотелось бы обратить внимание на тезис о том, что кризис идентичности — это перманентное состояние, а вот негативная идентичность — очень серьезная проблема для России. Мы не такие как все, но какие мы? Национальная идентичность россиян в последние десятилетия характеризуется постоянной неустойчивостью, используем этот оксюморон. Этому способствуют и процессы глобализации, которые приводят к размыванию национально-государственной идентичности не только в России, но и во многих других странах мира, не переживших столь масштабных изменений за последние десятилетия. Кроме того, России, так сказать, «повезло» — складывание национальной идентичности совпало по времени с кризисом национального государства как такового, что усложняет процессы самоидентификации россиян.

Многие ученые утверждают, что в ближайшие два десятилетия в национальных моделях идентичности сохранит свое значение «классическая» типология, основанная на различии двух полярных по своим цивилизационным основаниям типов: «западного» и «незападного». При этом «западный» тип модели идентичности может стать своего рода универсальной моделью идентификации в глобализирующемся мире. Мы проанализиро-

вали интернет-форум сайта ИноСМИ, чтобы посмотреть как современная российская интеллигенция интерпретирует понятия Запад, Европа, Россия и т. п. и как образ Запада и Европы влияет на процессы самоидентификации россиян. Здесь не так важны были исторические корни образа Запада в России, а скорее функция, которую образ Запада играет в логике построения национальной идентичности россиян. И мы обнаружили, что по-прежнему образ Европы, образ Запада играет очень важную, если не ключевую роль в национальной идентичности Россиян. Темы: «кто мы: европейцы или нет?»; «Россия как другая Европа», и даже — «Россия как хранительница подлинной европейской культуры», по-прежнему крайне актуальны.

В целом, анализ материалов форума подтверждает, что базовые понятия для формирования национальной идентичности россиян не рационализированы, а, следовательно, неизбежно мифологизированы. И здесь мы опять четко видим противостояние двух групп или моделей — условных «западников» и «славянофилов» или традиционалистов, как их можно назвать. Черты, которые они приписывают Западу, Европе и России, все те же, что и два столетия назад. Но сейчас эти два течения объединяет понимание того, что Европейский союз — новая форма легитимированной современной Европы, и что в обозримом будущем для России в ней места нет. Присоединение России к Европе в данном контексте становится таким же маловероятным, как присоединение Китая или Индии. По всей видимости, ответом на подобный отказ в «евроидентичности» является, отмечаемое социологами, укоренение в массовом сознании россиян представлений о российской «евразийской», «евроазиатской» идентичности, хотя содержательное наполнение этих понятий остается неопределенным. Чрезмерная умозрительность понятия евроазиатской идентичности объясняет, почему большая часть современных интеллектуалов не в силах отказаться от своей европейской идентификации. Как сказал один из них: «Легко предлагать “вернуться лицом к Азии”, развлекаться всякими евразийскими фантазиями. Выписаться из Европы нельзя, даже если очень хочется. И сделанного за последние более чем 300 лет не вернешь».

Историческая память и национально-государственная идентичность в современной России¹

В статье содержится анализ места исторической памяти в процессе формирования национально-государственной идентичности. Теоретическим основанием для анализа служит культурно-исторический подход к пониманию идентичности, представляющей собой одновременно социокультурный феномен и продукт целенаправленного конструирования. В статье констатируется наличие в России не преодоленного до сегодняшнего дня идентификационного кризиса, затронувшего, в первую очередь, молодое поколение россиян. В качестве вывода предлагается необходимость выработки государственной исторической политики, в рамках которой образы и символы российской истории могли бы способствовать самоидентификации молодого человека в качестве гражданина России.

Ключевые слова: историческая память, историческая политика, исторический миф, исторические символы, идентичность, кризис идентичности, национальная идентификация, образы пространства и времени, образ героя, образ врага.

В основе исследования места исторической памяти в процессе формирования национально-государственной идентичности в современной российской общности в современном российском обществе может быть положена идея о социокультурном кризисе, ломающем сложившуюся в обществе структуру социальной идентификации одновременно с господствующей в нем системой традиционных ценностей и норм.

В психологической науке кризис идентичности понимается как результат постепенного разрушения представлений, лежащих в основе самоидентификации личности: представления о собственном целостном, устойчивом «Я» (утрата самоидентификации, начинающаяся нередко с исчезновения «признания» со стороны окружающих), представления о непрерывности своего существования во времени и пространстве ввиду исчезновения четких представлений о том и о другом (сужение пространства и времени), а также разрушение

Т.В. Евгеньева

¹ Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Политико-психологические механизмы формирования национально-государственной идентичности в современной России», грант РГНФ №12-03-00307.

системы личностных смыслов (потеря смысла жизни). По мнению И. Следзевского, «в кризисных и катастрофических ситуациях исторический принцип движения социального мира во времени (удаление от мифологического начала мира) сменяется эсхатологическим: сжатие в одну точку мифологического пространства сменяется его расширением в направлении мира социального, миры приобретают объемность и динамику, тогда как социальное пространство-время свертывается в черную дыру («распалась связь времен») [12, с. 20].

В качестве главной причины проявления российского социокультурного кризиса конца 80-х — начала 90-х гг. именно в форме кризиса национально-государственной идентичности ряд авторов выделяет как начавшиеся в середине 80-х годов процессы «дегероизации истории России изнутри», так и «вызов национальных историй извне, разрушающие привычные представления и символы веры русских» [3, с. 300].

Среди работ этого периода, посвященных анализу проявления основных признаков кризиса идентичности в современной России, можно назвать работы Л. Ионина, И. Следзевского, В. Ядова. Истории развития социально-психологических предпосылок кризиса было посвящено обобщающее исследование «Тенденции социокультурного развития России, 1969—1990-е гг.» М., 1996, в котором подробно рассматривались настроения неудовлетворенности, предшествующие, как правило, разрушению самоидентификации значительной части членов общества. Авторы работы выделяли такие элементы формирующегося кризиса идентичности, как ломка жизненных стереотипов, маргинализация, ощущение отверженности, сопровождающееся психологическим дискомфортом. Анализу социально-психологического состояния общества в 90-е — 2000-е гг. были посвящены многолетние исследования кафедры социологии и психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, представленные в двух коллективных монографиях [9; 10].

Самоидентификация личности в советский период основывалась на сложившейся в течение длительного времени системе социокультурных и политических образов и символов, определяющих представления личности как об окружающей ее природной и социальной реальности, так и своем собственном месте в ней. «Образ мира» советского человека, будучи мифологическим по своей природе, тем не менее, достаточно успешно стабилизировал его сознание и поведение (см. коммент. 1).

Разрушение этого «образа мира», начатое в годы перестройки и особенно активно продолженное после 1991 года, привело к дестабилизации всей системы представлений значительной части общества. Ценности и нормы, определявшие процесс самоидентификации личности, неожиданно изменили свое значение, а общепринятые цели деятельности оказались лишенными смысла. Разрушение самоидентификации личности в качестве «советского человека» при отсутствии адекватной компенсации и привели к нарушению процессов национально-государственной (гражданской) самоидентификации.

Однако предпосылки социокультурного кризиса конца 80-х — начала 90-х годов XX века начали складываться задолго до того, как Михаил Горбачев объявил о начале реформ. В 70-е годы, особенно во второй половине, мы могли наблюдать неожиданный всплеск интереса в обществе к российской истории. Огромной популярностью пользовалась художественная литература на исторические темы. Книги В. Пикуля издавались большими тиражами и перепродавались спекулянтами по значительно более высоким ценам. Это лишь одно из проявлений поисков массового сознания ответа на вопрос «Откуда мы?», являющийся одним из вариантов вопроса «Кто мы?». В ситуации конца 70-х — начала 80-х годов отражается закономерность кризисного сознания, наиболее отчетливо проявившаяся в конце 80-х: в условиях кризиса привычного образа мира общество начинает поиски новой идентичности, анализируя собственную историю.

Конец 80-х — 90-е годы XX века можно с полным основанием назвать периодом активных поисков новой идентичности.

Одно из направлений, по которому происходит процесс поиска новой идентичности, представляет собой обращение к неким «высшим» ценностям, воспринимаемым чаще всего в упрощенной, стереотипизированной форме, придающим внешнюю осмысленность ежедневному существованию. Ценности эти могут быть найдены в «героическом» прошлом отдельной личности, группы или народа. В ситуации непонятого настоящего и неопределенного будущего ответ на вопрос «Откуда мы?» становится единственным основанием для ответа на вопрос «Кто мы?». Отношение к прошлому становится, таким образом, единственной доступной массовому сознанию формой самоидентификации.

Обостренный интерес к прошлому, попытки с его помощью не только понять настоящее, но и смоделировать будущее, свойственны каждой культуре в условиях кризисного развития. Предчувствие катастрофы порождает желание перенестись в иное, мифологическое время, неосознанно отождествляемое с Золотым веком (см. коммент. 2). Соединяясь с образами пространства, стереотипизированный образ прошлого формирует впоследствии новый образ мира, объясняющий массовому сознанию суть происходящих процессов.

Временные представления массового сознания в кризисный период характеризуются разделением на сакральное мифологизированное время, располагающееся в прошлом и периодически воссоздающееся посредством ритуала, и профанное время, начинающееся и заканчивающееся сегодняшним днем. История подразделяется на два неравноценных периода: предыстория, мифологическое время, отдельные элементы которого служат для объяснения происходящего в настоящем, и собственно история, начинающаяся, как правило, здесь и сейчас. А историческое развитие воспринимается не как движение в будущее, а как развитие в направлении к прошлому, к тому мистическому периоду, где заложены основы, корни настоящего.

М. Элиаде, в работе «Космос и история» подробно исследовавший модели пространства и времени, характерные для мифологического сознания, ут-

верждает, что «через все поколения проходит красной нитью сопротивление конкретному историческому времени и стремление периодически возвращаться к мифологическому Первоначалу, к «Великому времени» [14, с. 127].

В мифологическом восприятии героическое прошлое продолжает жить в настоящем, постоянно находится как бы внутри него. Оно предстает гораздо более живым и привлекательным, чем настоящее. Культурные герои прошлого продолжают определять настоящее, а события прошлого заново воспроизводятся в настоящем посредством специальных ритуалов. По мнению М. Элиаде с помощью ритуала общность пытается как бы воссоздать сакральное мифологическое время.

Этим объясняется кажущееся необъяснимым на рациональном уровне чересчур эмоциональное отношение сознания к историческим событиям далекого прошлого, усиливающееся в условиях кризиса. Такое отношение можно было наблюдать, например, среди участников массовых митингов в Татарстане в начале 90-х годов, посвященных очередной годовщине взятия Казани войсками Ивана Грозного. Казалось, участники митингов воспринимали эту трагедию, как происходящую здесь и сейчас. В мифологизированном прошлом и сегодня лежат основные мотивировки деятельности политических лидеров и партий национал-патриотической ориентации («Великая» Россия, Украина, Грузия и т. д.)

В условиях идентификационного кризиса история становится тем экзистенциальным пространством, в котором личность заново находит свою идентичность, смысл своего существования, основу для объединения с общностью. При этом в качестве основания для создания исторической мифологии могут быть избраны реальные исторические события, оказавшие как позитивное, так и негативное влияние на развитие общности. Американский исследователь в области этнической психологии В. Волкан определял их как «избранная общая травма» и «избранная общая слава» [2, с. 41–42].

При этом ближайшая история ассоциируется, как правило, с действиями сил зла, как бы извратившими изначально «правильное» направление развития, что и привело к кризису, а «настоящая» история переносится все дальше в прошлое. Так, в начале перестройки «настоящая» история ассоциировалась с ленинским периодом, а врагом был Сталин, позже «настоящая» история переместилась на дореволюционный период, а роль врагов играли уже большевики. С точки зрения противоположной мифологии, «настоящая» история, наоборот, заканчивается со смертью Сталина, а главным врагом становится уже Горбачев. Сегодня для значительной части общества именно такой подход становится особенно популярным. Чем дальше в прошлое удаляется тот или иной исторический период, тем в большей степени действует механизм «избирательности памяти», в соответствии с которым сознание человека вытесняет негативные события и факты и в своих воспоминаниях опирается лишь на позитивные. Идеализация советского прошлого, ассоциирующаяся для представителей разных

поколений с фигурами И. Сталина или Л. Брежнева, стала своеобразным ответом массового сознания на разочарования 90-х (см. коммент. 3).

Отрывочное, хаотичное восприятие не только российской истории вообще, но и совсем недавнего (советского и постсоветского) прошлого особенно характерно для молодого поколения, социализация которого пришлось на 90-е годы, когда в курсе школьной истории появилось бесчисленное количество учебников, противоположным образом излагающих и оценивающих те или иные исторические события и явления, а многие школьные учителя истории сами не знали, что следует говорить об истории России XX века, поэтому на всякий случай не говорили ничего.

В процессе всей истории развития человеческого сообщества кризисные периоды рождали потребность в идентификации с вождем или героем прошлого, в качестве одного из главных условий самоидентификации личности. Не только давно умерший, но и живой герой постепенно теряет в массовом сознании свойства живого человека и приобретает символические характеристики. Для понимания этих характеристик достаточно сравнить содержание мифологизированных биографий современных политических лидеров, претендующих на роль вождей разного уровня, в которых конкретные события личной жизни приобретают одинаковый символический смысл. Анализируя эти «сочинения» и сопоставляя основные элементы биографий, можно увидеть степень мифологизации образа того или иного политического лидера.

Исследования показывают, что, начиная с 2000 года, в массовом сознании происходило становление образа единственного героя — Президента РФ В.В. Путина, который воспринимался этим сознанием в большей степени в качестве символической фигуры (символ новой национально-государственной идентичности), чем реальной личности.

Враг так же индивидуализируется, его действия в истории нации приобретают символический смысл, так как через него в наш мир приходит все враждебное и злое. Враждебные силы носят человеческий облик, однако, это лишь маска, скрывающая оборотню (отсюда популярный в политической мифологии образ вражеского агента, агента влияния и т. д.). Тайными кознями врагов можно объяснить и оправдать любые просчеты и неудачи, несоответствие результатов поставленным целям и т. д. А. Клибанов определяет это явление как «стремление решать сложные вопросы, редуцируя и упрощая их до плоской древней идеи, что в любой проблеме есть злобный виновник, который является ничем иным, как персонификацией мирового зла» [4, с. 85]. Так, например, в массовом сознании закрепилось представление о мистическом влиянии на историческое развитие России таких фигур как Григорий Распутин или Лаврентий Берия. При этом интерес к этим фигурам особенно обостряется в период социокультурных кризисов. Косвенным подтверждением такого интереса можно считать периодическое появление на телеэкране передач, посвященных новому исследованию обстоятельств, связанных с жизнью указанных персонажей.

Таинственные силы зла — причина всего плохого и неприятного и в нашей сегодняшней действительности. В зависимости от того, как идентифицировала себя данная культурная или политическая общность, на роль врага в последние годы предлагались и привычные евреи в мифологизированном варианте «жидо-масоны», и окопавшиеся в новых демократических структурах коммунисты или «продавшиеся Западу» демократы, пресловутые «агенты влияния», и тоже «агенты», но уже международного исламского терроризма, а также конкретные личности, наделяемые особым, тайным влиянием на носителей власти. В последние годы в средствах массовой информации можно было встретить несколько фигур, наделяемых свойством таинственного влияния на российские социальные и политические процессы. На их фоне в начале 2000-х выделяется образ Б. Березовского, прячущегося в Лондоне и оттуда «плетущего нити заговоров» против России. Не случайно Б. Березовский всегда появлялся именно там, где совершаются события, воспринимаемые массовым сознанием как антироссийские. Можно вспомнить его странное посещение Грузии под вымышленным именем или не до конца подтвержденное намерение переехать в Киев.

Описанный механизм очень успешно используется в известной программе А. Караулова «Момент истины», построенной, как правило, по принципу разоблачения «тайных» заговоров против российского общества. (Не берясь оценивать, в какой степени содержание программ соответствует реальности, мы анализируем в данном примере лишь форму подачи информации телезрителю).

Интересно проанализировать трансформацию, произошедшую в последние пятнадцать лет с образом Запада. В советский период российской истории Запад однозначно воспринимался массовым сознанием как отрицательный символ, противопоставляемый советскому пространству по принципу «мы» — «они». Такое восприятие в принципе не противоречило российской культурно-исторической традиции, в рамках которой национально-государственная самоидентификация российского государства в течение длительного периода времени строилась на противопоставлении образу Запада. В зависимости от конкретных политических интересов государства этот образ ассоциировался с представителями различных национальных общностей, таких как шведы, поляки, французы, немцы. На последнем этапе место конкретного врага прочно заняли Соединенные Штаты.

С началом горбачевской перестройки в массовом сознании начинает активно формироваться противоположный образ Запада, ассоциирующийся с центральной ценностью периода реформ — ценностью демократии. История России начинает восприниматься как своеобразный волнообразный процесс сближения-отступления, при котором отступление от «западных» ценностей символизирует остановку в развитии, отход от «правильной» линии движения исторического процесса.

С начала 2000-х годов можно отметить возвращение к привычному образу Запада, символизирующему если не мировое зло, то, по крайней мере, опреде-

ленную опасность для национальной самоидентификации. Пример — оценка массовым сознанием военных действий США и ряда стран Западной Европы в Ираке или Ливии, в рамках которой такие неоднозначные политические лидеры, как Садам Хусейн или Муаммар Каддафи, получают поддержку значительной части россиян в качестве символа, противостоящего обобщенному Западу.

Если образ героя ассоциируется с понятием «чудо», то образу врага соответствует в политической мифологии понятие «заговора». При этом как бы подразумевается, что в основе и того и другого стоят некие сверхъестественные силы добра или зла, а конкретная личность это лишь представитель (пророк или тайный агент) этих безличных сил. В качестве примера можно привести поиски рядом политических аналитиков и политических журналистов связи между назначением в сентябре 2011 года Майкла Макфола (считающегося специалистом по «цветным революциям») послом США в России и декабрьскими выступлениями «рассерженных горожан» в Москве.

Процесс самоидентификации сообщества приобретает законченную форму после формирования особой системы символов и ритуалов, с помощью которых происходит самоидентификация культурных, социальных или политических общностей, символизация сознания и ритуализация поведения, достигается эмоционально-психологическое слияние личности с группой. Роль символов и ритуалов в процессе идентификации национальных и культурных общностей подробно исследована в психологической науке, начиная с работ Г. Лебона и З. Фрейда [6; 13]. Они служат одновременно основой для формирования и способом существования и усиления устойчивых культурных и исторических мифов, характерных как для отдельной общности, так и для общества в целом. Известный представитель психоаналитического направления в психологии Э. Эриксон, исследуя молодежные субкультуры, подчеркивал значение особых ритуалов, символов, норм поведения, одновременно поддерживающих целостность группы и отделяющих ее от других [15].

Толпа, скандирующая очередной политической лозунг, необходима не только для оправдания акций политической власти или для воздействия на нее со стороны оппозиции. Толпа эта представляет ценность (по крайней мере, на символическом уровне) сама по себе, как главное условие, при котором за счет действия психологических механизмов массового внушения, подражания и эмоционального заражения личность окончательно теряет свои индивидуальные свойства и сливается с общностью, с «нами». «Основной характерной чертой толп является слияние индивидов в единые разум и чувство, которые затушевывают личностные различия и снижают интеллектуальные способности, — заключает С. Московичи, анализируя работы Г. Лебона. — Каждый стремится походить на ближнего, с которым он общается. Это скопление своей массой увлекает его за собой, как морской прилив уносит гальку. При этом все равно, каков бы ни был социальный класс, образование и культура участвующих» [7; с. 108]. Ритуал помогает его участникам освободиться от страха как перед мистическим врагом, так и перед неизведанным, не поддающимся восприятию будущим.

Повсеместное строительство многочисленных памятников-идолов является столь же необходимым элементом воздействия на историческую память поколений, как и последующее их торжественное разрушение. Из глубин архаических форм социокультурной и политической идентичности происходит и господство «магии имени», эта не до конца осознанная вера в то, что изменение названия города, района или улицы (так называемое возвращение исторических названий) сможет изменить к лучшему и жизнь их обитателей. Разрушение символов прошлого создает иллюзию «управления временем», являющегося в мифологическом сознании одним из признаков власти. Новая политическая власть символически уничтожает старую, новый политический миф уничтожает материальных носителей старой мифологии [1; с. 154—171]. Появление все новых предложений по переименованию улиц и районов Москвы, исходящих от самых различных общественных и политических акторов (последний пример: выступление министра культуры В. Мединского, поддержанное рядом представителей православной церкви), свидетельствует, прежде всего, о неразрешенной до сегодняшнего дня проблеме отношения к собственной истории и отсутствию согласия по поводу ответа на вопрос «Откуда мы?».

В содержательном плане роль исторической памяти в процессе поисков идентичности в современной России может быть представлена в виде нескольких направлений. На соотношение этих направлений в массовом сознании влияют как историко-культурный характер социальной среды, так и степень внедрения в массовое сознание исторических образов и представлений.

Одно из них связано с потерей личностью собственной идентичности, что мотивирует поиск новых форм и способов идентификации с культурной и социальной средой. При этом на начальном этапе кризиса на первый план выходят наиболее очевидные этнические или этно-конфессиональные характеристики, по которым и происходит самоидентификация. Позже она дополняется самоидентификацией региональной, где регион выступает в качестве особым образом идентифицированного субъекта, мистического единства общности с территорией, своеобразного аналога русской общины-мира. В отсутствие у значительной части граждан (прежде всего представителей молодого поколения) целостного представления о российской истории каждая из этих общностей пишет свою историю и поддерживает ее с помощью собственной системы символов и ритуалов. При этом символический смысл приобретают такие события как празднования Дня города или юбилея региона, где его реальный возраст играет абсолютно второстепенную роль. «Древность» региона, его «укорененность» в истории вместе с «особой» ролью, сыгранной им в отдельные периоды в судьбе России, служат средством символического повышения статуса общности. «Выдающиеся земляки» играют роль героев складывающегося исторического мифа, позволяя сегодняшнему региональному лидеру претендовать на роль культурного и политического вождя [8].

Второе направление связано с тем, что историческая память, включающая в себя функцию познания и обоснования сегодняшней социаль-

ной реальности, может стать важным фактором политического развития в том случае, если с его помощью обосновывается существование определенной политической системы (режима), либо претензии определенной личности или группы на особую роль в системе политических отношений (в том числе претензии на власть). В этом случае он включает в себя элемент целенаправленного идеологического производства. В связи с этим вполне закономерным представляется обращение к конкретным историческим сюжетам в программных документах политических партий и движений. Результатом такой деятельности стало одновременное существование в современной России нескольких различных, иногда противоположных в своих оценках реальных исторических событий национальных историй, имеющих собственную периодизацию, собственных героев и врагов, и, как следствие, собственный взгляд на закономерности исторического развития.

Однако в ситуации поиска российским обществом оснований для формирования национально-государственной идентичности особое значение приобретает третье направление, связанное с целенаправленной деятельностью по «возвращению» в массовое сознание, в сознание молодежи исторических образов и символов, позволяющих формировать представление о национальной истории как о целостном, неразрывном процессе, в котором современный человек может найти обоснование и оправдание собственному существованию и в качестве личности, и в качестве гражданина. В этом должна заключаться основная цель государственной исторической политики, реализация которой может быть осуществлена только в тесной взаимосвязи с государственной молодежной политикой, обладающей всей совокупностью средств и методов формирования политического сознания и национально-государственной идентичности подрастающих поколений. Исследователи отмечают, что «грамотное осуществление молодежной политики, организация работы с молодежью, воспитание гражданственности и патриотизма как интегральных качеств личности средствами образовательных учреждений и СМИ может быть эффективным только тогда, когда опирается на понимание особенностей видения мира современной молодежью, специфике ее отношения к себе и окружающим людям» [11, с. 58].

К сожалению, в современной России государственная историческая политика больше похожа не на системную и целенаправленную деятельность по формированию идентичности, а скорее на набор отдельных ответных шагов по отношению к заявлениям и действиям идеологических противников или конкурентов, таких как создание Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России (май 2009 — февраль 2012).

Комментарии

1. Категория «образ мира» используется в значении, предложенным А.Н. Леонтьевым. По его мнению, образ мира — не зеркальное отражение

в сознании человека и общества явлений и процессов действительности, а особая конструкция, формируемая такими институтами, как семья, школа или средства массовой коммуникации.

2. Страх перед будущим и возможные формы его компенсации являются предметом специального анализа в сборнике «Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века». М., 1999.

3. Наиболее показательным примером могут служить результаты конкурса, проведенного в 2008 году Институтом истории РАН и телеканалом «Россия», в ходе которого в Интернет-голосовании И.В. Сталин периодически занимал первое место и лишь усилиями организаторов к подведению окончательных итогов переместился на третье.

Литература

1. *Бочаров В.* Власть и время в культуре общества // *Пространство и время в архаических и традиционных культурах.* — М., 1996.
2. *Волкан В., Оболенский А.* Национальные проблемы глазами психоаналитика с политическим комментарием // *Общественные науки и современность.* 1992. № 6.
3. *Зубкова Е., Курьянов А.* Возвращение к «русской идее»: кризис идентичности и национальная история // *Национальные истории в советском и постсоветском государствах.* — М., 1999.
4. *Иванова С.В.* К вопросу о национальной идентичности в России и Германии (российская идентичность в сравнении со значимым Другим) // *Пространство и время.* 2010. №2.
5. *Клибанов А.* Народная социальная утопия в России. — М., 1977.
6. *Лебон Г.* Психология масс // *Психология народов и масс.* — М., 1995.
7. *Московичи С.* Век толп. — М., 1996.
8. *Нечаев В.Д.* Региональный миф в политической культуре современной России. — М., 1999.
9. *Образы власти в постсоветской России / под ред. Е.Б. Шестопа.* М., 2004.
10. *Образы российской власти: От Ельцина до Путина.* — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.
11. *Селезнева А.В., Дождиков А.В.* Политическое сознание современной российской молодежи: политико-психологический анализ // *Социально-гуманитарные знания,* 2012, №2.
12. *Следзевский И.* Архаический культурный текст как специфический мир пространства и времени // *Пространство и время в архаических и традиционных культурах.* М., 1996.
13. *Фрейд З.* Коллективная психология и анализ Я//»Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 1. Тб., 1991.
14. *Элиаде М.* Космос и история. М., 1987.
15. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

Влияние посткоммунистической трансформации системы идентичностей на процесс политической ресоциализации граждан: анализ базовых тенденций

В статье рассматриваются взаимосвязанные процессы трансформации системы идентичностей и политической ресоциализации граждан в условиях посткоммунистической трансформации.

Ключевые слова: посткоммунистическая трансформация, идентичность, кризис идентичности, политическая ресоциализация.

В начале XXI столетия в России происходит структуризация ценностно-нормативной системы общества. Выражением этого процесса являются, с одной стороны, поиск и формирование адекватных социально-экономическим и политическим условиям норм, ценностей и моделей поведения, а с другой, — углубление дифференциации субкультур преимущественно традиционалистского и модернистского характера. Принадлежность личности к указанным субкультурам обусловлена, на наш взгляд, ценностным расслоением поколений (поколение понимается в социокультурном смысле), так как обновление социально-политических ценностей и норм существенно ограничивается ориентациями и установками, приобретенными на этапе ранней (базовой) социализации.

Аксиологическая трансформация общества, в отличие от перманентного процесса постепенного усвоения стандартов сложившейся политической культуры, представляет собой интенсивное по времени, комплексное по формам и неопределенное по последствиям (функциональное/дисфункциональное) изменение структуры и динамики ценностной системы. Отталкиваясь от этого определения, подчеркнем, что в обществе, переживающем аксиологическую трансформацию, сосуществуют и наиболее ярко проявляют себя два противоположных процесса: десоциализация и ресоциализация. В основе их различия лежат такие параметры усвоения инновационных для дан-

Е.В. Бродовская

ной культуры ценностей, норм, установок и образцов поведения, как глубина (поверхностное/инструментальное усвоение), характер (вынужденное/добровольное усвоение), результативность (отторжение/ легитимизация новой системы ценностей). От соотношения между тенденциями десоциализации (отторжение ценностей политической системы) и ресоциализации (усвоение новых норм и ценностей, осуществление деятельности на их основе) во многом зависит не только преодоление негативных последствий «социализационного лага» (термин Р. Инглхарта), но и результативность трансформационного процесса в целом.

Появление понятия «ресоциализация» было связано с разработкой ряда моделей политической социализации, авторы которых стремились опровергнуть идею «устойчивости» детских и юношеских представлений о политике и обосновать концепцию «открытости» политического сознания индивида к изменениям в течение его жизни (Р. Сигел, Д. Сирс, Ф. Васбурн и др.) [1]. В целом сложились два основных подхода к пониманию политической ресоциализации: *традиционный* (А. Оллпорт, А. Маслоу, Г. Роджерс и др.) и *трансформационный* (Ф. Шмиттер, Г. О’Доннелл и др.).

Сторонники первого подхода рассматривают ресоциализацию в качестве феномена самоактуализации личности, в основе которого лежит ее способность к саморегуляции, переоценке культурных норм и традиций. В данном случае политическая ресоциализация отождествляется с процессом вторичной социализации, который происходит на протяжении жизни индивида и характеризуется его влиянием на отбор и усвоение знаний, норм, приемов взаимодействия с властными структурами. Согласно логике представленной точки зрения, ресоциализация выражает непрерывную самокоррекцию личностью своих ценностных представлений, идеологических принципов и предпочтительных способов политического поведения.

Второй подход трактует политическую ресоциализацию как стадию, завершающую демократический транзит, которая сопряжена с закреплением и утверждением в обществе новых (противоположных ранее господствовавшим) ценностей, образующих мотивационную основу социальной и политической активности индивида. При этом политическая ресоциализация анализируется в двух основных проекциях: как стихийный (в ходе участия в демократических процедурах) и управляемый (в ходе организованного ресоциализирующего обучения) процесс.

Мы разделяем вторую позицию и считаем, что ресоциализация, протекающая в рамках трансформационных процессов, как правило, носит (особенно на постсоветском пространстве) вынужденный характер, тогда как вторичная социализация является преимущественно органичным, поступательным и непрерывным процессом. Ресоциализация выступает как своего рода реакция на радикальные перемены в институциональной и ценностной сферах общества. Вторичная социализация связана с постоянным наращиванием опыта и реализацией различных социально-политических ролей.

Исходя из этого, под *политической ресоциализацией* мы понимаем детерминированный трансформацией институционального и ценностного пространств общества и протекающий в стихийных и организованных формах процесс интенсивного изменения (на массовом и индивидуальном уровнях) сложившихся у граждан политико-культурных ориентаций и установок.

Ценности выполняют свое предназначение, если они восприняты и усвоены на уровне личности, общества и государства. Усвоение предполагает воплощение конкретной ценности в модели поведения, позволяющей адаптироваться к изменяющимся условиям среды. Сложность этого процесса связана с необходимостью переориентации сознания людей. По замечанию И.М. Чудиновой, усвоение ценностей (ресоциализация) находится в прямой зависимости от возможностей их реализации. Степень гарантированности реализации ценностей зависит от уровня экономического развития страны и совершенствования социально-политических институтов [2]. К основным социально-экономическим и политическим механизмам ресоциализации граждан трансформирующегося общества мы относим: изменение социальной и политической идентичности, доминирующих адаптационных стратегий и установок, уровня легитимности и реципрокности в отношениях власти и граждан (табл. 1).

Изменение социальной идентичности (отождествление индивидом себя с определенной социальной позицией, социальным статусом) предполагает динамику как во внутренних механизмах (стереотипах социокультурной среды; ролевых ожиданиях; способностях к интериоризации социально значимых ценностей), так и внешних проявлениях (стиль поведения; соотношение ориентаций на первичные и вторичные референтные группы) рассматриваемого процесса. Трансформация политической идентичности (отождествление субъектом политического процесса себя с определенной политической позицией, признаваемое другими субъектами политических отношений) связана как с формированием новых ситуационных, так и с изменением устойчивых *трансверсальных типов* идентичности [3, с. 115 — 117]. Следовательно, изменение социальной и политической идентичностей в трансформирующемся обществе сопряжено с процессами освоения личностью новых социальных статусов и политических ролей, т. е. с процессами социальной и политической адаптации.

Изучение проблемы идентификации личности в нестабильных условиях современного общества опирается на глубокие теоретические традиции (Э. Эриксон, У. Огборн, Э. Дюркгейм, Р. Тернер, Н. Смелзер и др.) и подходы, концентрирующие внимание на различных типах идентичности, формирующихся в кризисном социуме (В.Я. Ядов, П. Штомпка, Ж. Тощенко, Н.М. Лебедева, Е.Н. Данилова, Е.А. Бреднева и др.). Общим для них является положение, согласно которому общество задает индивиду социокультурные рамки солидаризации, так как потребность включения в социальные связи является базовым свойством личности, самоопределяющейся в системе многообразных групп и общностей.

Таблица 1

Взаимообусловленность социально-экономических и политических показателей процесса ресоциализации

Социально-экономические механизмы ресоциализации		Политические механизмы ресоциализации					
Идентичность		Адаптация		Легитимность		Реципрокность	
Показатели							
Ориентация на первичные референтные группы	Ориентация на вторичные референтные группы	Вынужденная	Добровольная	Низкий уровень доверия к социально-политическим институтам	Высокий уровень доверия к социально-политическим институтам	Непризнание личной ответственности за события, происходящие в стране	Признание личной ответственности за события, происходящие в стране
Ситуационные типы	Трансверсальные типы	Прогрессивная	Регрессивная	Низкий уровень интереса к политике	Высокий уровень интереса к политике	Отсутствие попыток защитить свои права	Наличие попыток защитить свои права
Избегание социального статуса	Демонстрация социального статуса	Пассивная	Активная	Низкая оценка деятельности властей и институтов гражданского общества	Высокая оценка деятельности властей и институтов гражданского общества	Нерезультативность обращений к государственным и общественным структурам	Результативность обращений к государственным и общественным структурам
Макро-ориентации	Микро-ориентации	Модернистская	Традиционалистская	Ориентация на патернализм	Ориентация на автономию	Непризнание взаимных обязанностей граждан и государства	Признание взаимных обязанностей граждан и государства

На протяжении всей жизни индивид самоопределяется, пересматривая систему норм и ценностей, находя свое место в структуре социально-политических отношений. Следовательно, идентичность — динамичная структура, благодаря которой индивид может ориентироваться и адаптироваться в общественно-политической среде. Нам близка точка зрения Е.А. Бредневой, по мнению которой роль процесса идентификации состоит в том, что, включая человека в процесс социализации, он выполняет защитную (адаптивную) функцию. То есть идентичность — это то, что дает человеку ощущение значимости своего бытия в рамках данного социума, выступая в качестве символического средства объединения с одними и дистанцирования от других [4].

Идентичность характеризуется сложной и разветвленной структурой солидаризаций как на макро (представления о сопричастности к обществу, государству, нации), так и на микро (межличностное доверие) уровнях.

Исходя из того, что индивид, отождествляя себя с определенной группой (референтной), разделяет с ней единые ценности и нормы и взаимодействует в рамках соответствующих символов и смыслов, можно выделить гражданский, этнический, идеологический, социально-имущественный и иные типы идентификации.

Функционирование механизма идентификации сопряжено с переживанием личностью ряда кризисов. По мнению Э. Эриксона, резкое изменение общественных условий существования зрелой личности вызывает потерю чувств личной тождественности и исторической непрерывности. В новых условиях люди должны включиться в новые социальные отношения, сформировать новые цели, систему ценностей и оценок. Трудности подобной перестройки идентичности могут вызвать невротическое состояние, которое Эриксон обозначил как диффузность или потерю идентичности (ощущение утраты смысла жизни). Подчеркивая положительное значение кризиса идентичности, Эриксон определяет его в качестве поворотного пункта в личностном развитии, выбора между прогрессом и регрессом, неизбежного и необходимого для становления личности [5].

Позитивный смысл кризиса идентичности признается многими учеными (Ф. Перлз, Р. Мэй, Дж. Каплан, В. Хесле, Л.С. Выготский и др.). Считается, что кризис идентичности является важнейшим механизмом переоценки ценностей. Однако, отмечается, что наиболее болезненными и опасными для дальнейшего развития общества являются не личностные диффузные состояния идентичности, а деформация коллективной идентичности, связанная с разрушением социальной структуры и отношений. К проявлениям кризиса личностной идентичности относят: невозможность установления доверительных отношений, диффузию временной перспективы, пониженное самоуважение, изменения в трудовой деятельности, негативную групповую идентичность и др. [6].

В то же время для деформации коллективной идентичности характерны: столкновение новых убеждений со старыми, разрушение готовых, привычных

шаблонов символики, интерпретации, восприятия, толкования социальных действий, что в конечном итоге приводит к нарушению структуры социальных отношений и переживается как травма [7]. И если кризис личностной идентичности рассматривается преимущественно как неизбежный и органичный процесс, то деформация коллективной идентичности происходит под влиянием ряда факторов, свойственных для периодов трансформационного развития общества (имеются ввиду такие факторы, как изменение структуры и динамики базовых ценностей, неравномерное развитие сегментов культуры, переосмысление прошлого, обновление образа жизни, столкновение с образцами и стандартами иной культуры и т. п.). Личностные и коллективные кризисы идентичности синхронизируются в условиях трансформирующегося общества, для которого часто свойственны размытость и нечеткость целей и ценностных ориентаций.

Анализируя состояние социальной идентичности на постсоветском пространстве, Н.М. Лебедева выделила несколько векторов, отражающих изменения в этом процессе:

- от стабильности к неустойчивости, диффузности, неопределенности;
- от унифицированности к разнообразию;
- от глобальности к артикулированности, детализации;
- от потребности в самоуважении к потребности в смысле;
- от оценочной полярности к антиномичному обществу [8].

Рекомбинация идентичности — смена одномерной модели сложной и разветвленной системой, с одной стороны, существенно расширила жизненные возможности россиян, способствуя реализации потребностей в самоутверждении и самовыражении. В ходе системной трансформации была преодолена ограниченность набора идентичностей, которые носили преимущественно гражданский, партийный (классовый) характер и в определенной мере обеспечивали социальную однородность советского общества. С другой стороны, повышение альтернативности идентичности сопровождалось явлениями аномии и нивелирования общегражданского сознания.

На протяжении преобразований в России в той или иной мере трансформировались четыре основных типа идентичности: семейно-родственный, профессионально-групповой, конфессионально-этнический, общественно-политический. При этом самая высокая степень интенсивности (интенсивность идентичности выражается в позиции конкретной группы в общей иерархии солидаризаций респондентов) присуща семейно-родственному типу идентичности (в целом можно отметить возрастание значимости первичных референтных групп, компенсирующее общую неустойчивость социально-политической среды).

В то же время все типы социальных связей ослабли (особенно гражданская солидарность). Это обстоятельство может рассматриваться как реакция на ценностный кризис. Вместо концепции гражданской солидарности значительная часть респондентов поддерживает концепцию достижения «общего согласия», выражающую стремление восполнить низкий уровень

участия в общественной и политической жизни. Обозначенная ситуация связана, на наш взгляд, с сохранением низкой степени доверия россиян к своим согражданам, что существенно затрудняет укрепление горизонтальных отношений в обществе, которые необходимы для эффективного функционирования институтов гражданского общества. По данным, полученным в ходе реализации проекта «Исследование мировых ценностей» (World Values Survey, 1995—1999 гг.), почти 74 % россиян считали, что «нужно быть очень осторожными» в отношениях с людьми, и только 23 % выразили готовность «доверять большинству людей» [9].

Содержание гражданской идентичности («граждане России») базируется на таких, признаваемых респондентами, особенностях образа российского общества, как «духовные качества» (63,6 %), «честность» (40 %), «патриотизм» (68 %), «интеллект» (61,6 %) [10, с. 105]. В целом же состояние гражданской идентичности в современной России характеризуется сочетанием виртуальных и реальных оснований. Наличие виртуальных идентичностей (например, «советский народ») обусловлено тем, что в обстоятельствах нестабильного развития общества личность стремится идентифицироваться с теми группами, членство в которых позволяет ей решить проблему смысловой определенности. Демократическое развитие политической системы усиливает плюралистичность отношений и вариативность ориентаций в обществе (т. е. усиливает неопределенность), поэтому именно для идейно-политического типа идентичности современных россиян в наибольшей степени характерно диффузное состояние.

Ориентация на совместную общественно-политическую деятельность существенно уступает семейно-родственным, профессиональным и профессионально-этническим типам идентичности (более половины опрошенных (61 %) никогда не чувствовали близости с людьми, которые разделяют их политические убеждения). Для россиян характерна политическая индифферентность к политическим вопросам (73 % респондентов подчеркнули, что им близки «те, кто не интересуется политикой») и пассивная гражданская позиция (65 % респондентов соотносят себя «с теми, кто уверен, что от его действий ничего не зависит»).

Обращает на себя внимание высокая интенсивность идентичности, сочетающей «либеральное западничество» и «традиционное почвенничество». По мнению ряда российских ученых [11], такое сочетание характеризует тип сознания, свойственный «атомизированному потребителю», персонифицирующему практику «адаптационного индивидуализма», для которого присущ разрыв между запросом, ориентированным на западные потребительские стандарты, и нежеланием или неготовностью увязывать этот запрос со встречными требованиями, предъявляемыми либеральной социально-политической практикой.

Более половины россиян утратили смысловую определенность соотношения себя с теми или иными идейно-политическими категориями и групп-

пами, т. е. не являются сторонниками никаких идейных течений и сил, их представляющих. Следовательно, идейно-политические ориентации по-прежнему дифференцируют российское общество, а утрата значительной частью населения идейно-политической идентичности может рассматриваться как своего рода «гиперкомпенсация» монополии партийно-классовой идентификации в советской России. Кризис (утрата) того или иного типа идентичности стимулирует поиск других социальных категорий, идентификация с которыми позволяет восстановить баланс самотождественности личности.

Так, в трансформирующейся России наметился определенный рост самоидентификации на имущественных основаниях («с людьми того же материального достатка»). Вместе с тем динамика социально-слоевой самоидентификации россиян свидетельствует скорее о поляризации сознания населения. При исследовании социальных самооценок россиян обнаруживаются тенденции, с одной стороны, к завышению, а с другой, — к занижению личного социального статуса. Одновременно сформировались группы, ориентированные на социальную «элитарность» и на низовое положение в социальной структуре общества.

Существует заметный разрыв между реальной и желаемой идентификацией (между субъективной оценкой собственного социального положения и реальным статусом в социальной иерархии). Для желаемой слоевой самоидентификации респондентов характерна максимальная интенсивность солидаризации с позициями «высший» и «средний» класс. При этом наиболее разнообразная групповая наполняемость наблюдается у причисляющих себя к «среднему» слою (с ним соотносят себя практически все социальные группы). Навысшие показатели «усредненной» самооценки россиян были зафиксированы в начале преобразований (52 % в 1992 г.) и в 2001 г. (40 %) [12, с. 52]. Вместе с тем «средний» слой, выделяемый на основе самоидентификации, вряд ли можно рассматривать как аналог реального среднего класса, потому что он внутренне неоднороден, является гетерогенным по составу, доходу, потреблению, видам адаптационной активности, ценностным ориентациям.

Подобное завышение (занижение) самооценки социально-слоевого положения объясняется тем, что в России все более распространенной становится «негативная» социальная идентичность. В условиях, когда группа, к которой принадлежит личность, утрачивает (в его глазах) позитивную определенность, она будет стремиться реализовать одну из вероятных в данной ситуации стратегий:

- оставить эту группу (физически);
- размежеваться с ней психологически и претендовать на членство в группе, имеющей более высокий статус;
- размежеваться с ней психологически и претендовать на членство в группе, имеющей более низкий статус;
- прилагать усилия, чтобы восстановить позитивную определенность собственной группы [8, с. 52].

Вторая стратегия требует от индивида меньших усилий, так как виртуальная принадлежность к группе с более высоким социальным статусом позволяет индивиду преодолеть чувство психологического дискомфорта, не меняя реального поведения и социального положения. Вместе с тем не стоит преувеличивать глубину диффузии идентичности россиян. Даже в периоды значительного ухудшения показателей социально-экономических условий жизни индикаторы субъективного восприятия положения не давали всеобщей негативной картины. По данным опроса 4000 домохозяйств в 38 регионах РФ распределение респондентов по индексу социального самочувствия оставалось достаточно стабильным. Однако при сохранении общих пропорций наблюдалось изменение состава групп, отличающихся своим социальным самочувствием [13, с. 248]. Сложилась ситуация своеобразной «подвижной стабильности», которой присущи динамичные процессы внутренней социальной диффузии, взаимобмена контингентами между зонами благополучия, риска и неблагополучия.

Минимизация субъективной дистанции между слоями в условиях стабильной неравновесности социальной структуры и высокой динамики в ней имеет двойственную природу (традиционную и трансформационную). По мнению Т.И. Заславской, мы имеем свидетельство невероятной живучести уравнилельных представлений и ценностей того, что большинство россиян не принимает сильной дифференциации доходов и не осознает ее необходимости для эффективного развития экономики. Кроме того, распад прежней и формирование новой имущественной стратификации ведет к тому, что, попадая в нижние страты, ранее хорошо обеспеченные люди сохраняют высокие притязания, а разбогатевшие бедняки предъявляют сравнительно умеренные запросы к доходам [14, с. 393]. Декларации широкого круга респондентов об их принадлежности к «среднему классу» могут быть основаны на так называемом «синдроме ординарности» [15, с. 440—441] (представляет собой особый тип ментальности, который связывает идентификационные предпочтения членов общества с переживанием ими своей принадлежности к числу людей «простого рода», «обывателей», «рядовых граждан», «таких, как все»), позволяющем символически минимизировать ответственность перед самим собой и перед обществом.

Субъективное занижение социального статуса означает, что в условиях нестабильного общества в целях лучшей адаптации к меняющимся условиям некоторые индивиды склонны определять себя через те социальные категории, принадлежность к которым не является престижной. Проблема идентификации в ситуации социально-политической нестабильности состоит в том, чтобы сначала найти «свою» группу, определиться в неопределенной социальной реальности. С точки зрения Н.М. Лебедевой, в данном случае ведущей может стать потребность в смысле, а не в самоуважении. Мы считаем, что обозначенные выше противоречивые тенденции субъективного завышения и занижения социального статуса можно расценивать как проявления кризиса самоидентификации, который теснейшим

образом связан с социально-экономической дифференциацией общества, с формированием новой системы отношений равенства/неравенства.

Принадлежность респондентов к тем или иным уровням социально-слоевой идентичности детерминируют различные факторы, наиболее весомыми из которых являются занятость в определенном секторе экономики, социальный статус, материальное положение и возраст. Молодой возраст, наличие собственного дела или руководящие позиции на предприятии (вовлеченность в рыночный сектор экономики и выполнение руководяще-управленческих функций) образуют комплекс ресурсов, который позволяет занять верхние ступени социальной иерархии. Так, 60% тех, кто сумел заметно повысить свой социальный статус, составила молодежь до тридцати лет включительно. В наибольшей степени улучшение положения характерно для тех, кто работал на вновь возникших предприятиях (частных, кооперативных) или занимался различной индивидуальной трудовой деятельностью. Каждый пятый в этой группе, по сравнению с дореформенным временем, повысил свой социальный статус, и еще около 40% сумели его сохранить (63% руководителей и 79% «самозанятых» также сумели либо сохранить, либо повысить свой статус) [16]. В то же время в состав ниже среднего и низшего классов входят, прежде всего, городские и сельские пенсионеры (свыше половины всего состава), рабочие (около трети), а также неблагополучная часть специалистов-бюджетников и служащих (около седьмой части).

Бедные составляют массовый слой в современной России. У этой части населения сформировались черты групповой определенности, такие, как ценностно-нормативные установки, структура потребления, качество и образ жизни, идентификационные предпочтения (77% российских домохозяйств характеризуются нулевым имущественным потенциалом) [17]. Бедность является следствием многих взаимосвязанных факторов, самыми значимыми среди которых являются:

— экономические (падение доходов населения, высокий уровень социально-имущественной дифференциации, низкая заработная плата, безработица и др.);

— социальные (инвалидность, старость, маргинализация, детская безнадзорность и др.);

— демографические (неполные семьи, семьи с высокой нагрузкой иждивенцев, молодежь и старшее поколение со слабыми позициями на рынке труда и др.);

— политические (распад страны, разрыв межрегиональных связей и нарушение властной вертикали, военные конфликты, вынужденная миграция и др.);

— регионально-географические (депрессивные монопромышленные районы, дотационные регионы с низким экономическим потенциалом, северные регионы, зависящие от централизованных поставок продовольствия и ресурсов и др.) [18, с. 32].

Слой новых (трансформационных) бедных сформировался под влиянием преимущественно экономических, политических и регионально-географических факторов. «Старые бедные» — это представители домохозяйств, которые принадлежали к бедным слоям (под влиянием преимущественно социальных и демографических факторов), хотя глубина их бедности была значительно меньше. Среди представителей данной категории больше рабочих, в том числе неквалифицированных и безработных. Структура их доходов строится из социальных трансфертов (пенсии; различные виды пособий) и помощи родственников.

Группу «новых бедных» представляют люди активного возраста (30—50 лет), причем 59 % из них — специалисты с высшим образованием. Слой «новых бедных» отличается высокой гомогенностью, так как состоит из представителей массовой интеллигенции [12, с. 44—45]. Соотнесение себя с группой, для которой свойственны низкие текущие доходы, невозможность приобщения к новым стандартам потребления, значительно снижают уровень потребления массового типа, сводя его к минимуму. Подобная социальная идентичность оказывает существенное влияние на восприятие трансформационных процессов в целом. Осознавая экзогенную (внешнюю) природу потери социального статуса, «новые бедные» в большей степени, чем другие категории граждан, ориентированы на патерналистские способы изменения создавшегося положения (чаще апеллируют к государству).

Таким образом, определяя особенности структуры и динамики различных видов идентичности в постсоветском обществе, можно выделить ряд моментов, характеризующих процесс ресоциализации граждан России.

1. В ходе системной трансформации российского общества были преодолены унифицированность, глобальность и оценочная полярность, свойственные для социальной идентичности советского периода развития. На смену ограниченному набору социальных категорий и идеологических оснований приходит более разноплановый и разнообразный выбор. В результате этого, с одной стороны, повысилась интенсивность семейно-родственных, профессиональных, этнических идентичностей, существенно расширились возможности для формирования религиозной солидаризации. С другой стороны, увеличивается число людей, утрачивающих идейно-политическую идентичность и выражающих индифферентную позицию относительно политического участия. Этот процесс подтверждает уменьшение значимости более глобальных социальных и политических категорий (идеологических и гражданских и т. д.) в пользу менее общих, более конкретных и реальных (гендерных, возрастных и т. д.) оснований самоотнесения.

2. Идейно-политические идентичности дифференцированы и эклектичны (доминирует сочетание западничества и почвенничества). Следовательно, на смену четкой позитивной/негативной оценки социальных явлений приходит понимание последних в качестве внутренне амбивалентных. Вместе с тем эклектичность и амбивалентность идейно-политических идентичностей

отражают разрыв между запросом на западные потребительские стандарты и неготовностью к реализации требований, предъявляемых обществом.

3. Интегрирующие, свойственные практически для всего населения (более 90%), социальные идентичности россиян связаны с первичными референтными группами. В условиях нестабильной институциональной среды и кризисного социокультурного пространства индивид как бы «уходит в себя», более интенсивно включаясь в связи с родственниками, друзьями, сверстниками, земляками, людьми той же национальности и веры. В современной России сложились два типа индивидуальных стратегий социальной идентификации. Первая ориентирована на преимущественно первичные группы, связи с которыми компенсируют общую неустойчивость развития (стратегия «защиты», «избегания»). Вторая направлена на солидаризацию с группами преуспевающими и деятельными (стратегия «достижения», «извлечения выгоды»). При этом число россиян, реализующих «пассивную» стратегию, доминирует над «активным» меньшинством.

4. По-прежнему сохраняется значимость коллективных идентичностей, о чем свидетельствуют высокие показатели позитивной идентичности россиян практически по всем группам (исключение составляют гражданские, глобальные, идейно-политические солидарности). Однако, обозначенная ситуация также не лишена противоречий. При сохранении коллективных идентичностей наблюдается низкий уровень вовлеченности российских граждан в процесс решения общественных, прежде всего, политических проблем. Поколенческие, профессиональные и локальные общности являются для населения России более важными, чем общенациональная идентичность.

5. В целом можно отметить низкий уровень гражданской солидаризации и межличностного доверия, что является атрибутом традиционного общества и препятствует успешному формированию и функционированию гражданских структур. Возможно, отсутствие четкой концептуализации солидарностей как таковых, сочетание традиционалистских и модернистских тенденций в процессе становления новой системы идентичностей, дает индивидам некоторую свободу действовать и приспосабливаться к мало от них зависящим обстоятельствам. Стабильное доминирование ориентации на первичные референтные группы образует трансверсальный (устойчивый) тип идентичности, тогда как солидаризация со вторичными группами носит более или менее ситуативный характер.

6. Намечился рост самоидентификации россиян на имущественных основаниях. Этой тенденции противоречит диссонанс между субъективными оценками социального положения и реальным социальным статусом большинства населения. Анализ социально-слоевой и социально-групповой идентичностей свидетельствует о гетерогенном составе большинства социальных категорий российского общества (социальная структура, характерная для современных западных обществ, только начинает складываться в России). Исключением является относительно гомогенный слой

так называемых «новых бедных», состоящий из представителей массовой интеллигенции.

Исходя из выявленных особенностей рекомбинации идентичности членов российского общества, переживающего системную трансформацию, подчеркнем, что рассматриваемый процесс отличается разнонаправленными, часто противоречивыми изменениями, как способствующими, так и препятствующими ресоциализации граждан. Среди негативных, кризисных последствий рекомбинации идентичности можно выделить следующие:

- наличие «виртуальных» солидарностей (с общностями, не существующими в реальной жизни); высокая интенсивность идентичности с «воображаемыми сообществами», такими, как нации или люди той же веры, характерна для ситуации, когда классы и гражданское общество слабо развиты;
- диффузность и неустойчивость структуры идентичности (за исключением идентификаций базового уровня);
- нивелирование общегражданского сознания;
- субъективное завышение/занижение оценки социально-слоевого статуса;
- экстернальный локус контроля у категорий, соотносящих себя с низшими слоями общества;
- преобладание пассивных стратегий индивидуальной идентификации над активными моделями поведения и др.

С точки зрения изменений, произошедших в системе идентичностей, к позитивным предпосылкам ресоциализации российских граждан можно отнести несколько тенденций:

- разнообразие групп и оснований, по которым с ними самосоотносятся индивиды, способствует более адекватной адаптации (разнообразие увеличивает адаптивность системы);
- рост интенсивности идентичности с профессиональными и иными корпоративными группами повышает артикулируемость социально-экономических интересов их представителей;
- детализация идентичности отражает рост влияния на поведение прежде всего индивидуальных, а не групповых характеристик;
- определенный баланс между традиционалистскими и модернистскими, коллективистскими и индивидуалистскими параметрами системы идентичностей оставляет потенциальные возможности для развития активных и пассивных стратегий поведения;
- утрата смысла идентичности с одними социальными категориями стимулирует поиск иных оснований идентификации и др.

Литература

1. *Sigel R.S.* New Directions for Political Socialization Research//Perspective on Political Science. 1995. Vol. 21. № 1. P. 17—22; *Wasburn Ph.* A Life Course Model of Political Socialization//Politics and Individual. 1994. Vol. 4. № 2.

- P. 1—26; Sears D.O. Whither Socialization Research? The question of Persistence // Ichilov O. [ed.] Citizenship Education and Democracy. — N.Y., 1990. P. 69—97.
2. Чудинова И.М. Социально-политические ценности современного российского общества: проблемы их обновления и усвоения // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 5. С. 15—17.
 3. Качанов Ю.Л. Опыты о поле политики. — М. 1994.
 4. Бреднева Е.А. Специфичность идентификации в кризисном обществе // Российское общество в условиях социального кризиса. — Саратов. 2001. С. 32.
 5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М. 1996.; Он же. Детство и общество. — М., 1998.
 6. Овчинникова Ю.Г. О путях разрешения кризиса идентичности // Вестник Московского Университета. Сер. 14, Психология. 2003. № 4. С. 37—45.
 7. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1. С. 6—17.
 8. Лебедева Н.М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 48—58.
 9. Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Changes in 43 Societies. Princeton, 1997.
 10. Андреев А.Л. Россия и Европа: культурно-психологическая дистанция глазами социолога // Общественные науки и современность. 2003. № 3.
 11. Лапкин В., Пантин В. Образы Запада в сознании постсоветского человека // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 7. С. 68—83; Клямкин И.М. Политическая социология переходного общества // Полис. 1993. № 4. С. 41—64; Дилигенский Г.Г. Реформы и общественная психология // Власть. 1998. № 5. С. 8—16.
 12. Новые групповые образования: социальная идентичность // Социальное расслоение и социальная мобильность. — М., 1999.
 13. Козырева, П.М. [и др.] Динамика социального самочувствия россиян: Данные Института социологии РАН // Россия трансформирующееся общество. — М., 2001.
 14. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. — М., 2003.
 15. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. — М., 1996.
 16. Данные Института комплексных социальных исследований РАН (1992 — 2001 гг.) // Социс. 2002. № 10. С. 22—37.
 17. Арутюнян Ю.В. О социальной структуре общества постсоветской России // Социс. 2002. № 9. С. 26—40.
 18. Лайкам К. Государственные меры по регулированию дифференциации доходов населения и снижению бедности // Общество и экономика. 2002. № 12.

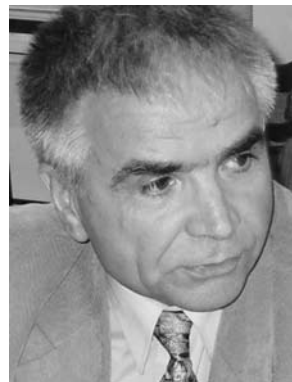
Идентичность человека, или Homo professionalis

Автор анализирует профессионализм как ценностно-нормативную систему, в превращенном смысле — как идеологию. По всему видно, что труд не только создал, но и продолжает создавать человека. Профессия определяется как опирающееся на знание и соответствующий опыт занятие (дело, труд, работа). Идентичность трактуется как приобщение индивида к ценностям, нормам и идеалам той или иной человеческой общности, в данном случае — профессионального сообщества. Профессионализм показывает обществу его возможное будущее. Профессионал отличается от непрофессионала ярко выраженной рефлексивностью своего мышления и поведения. Отстаивается перспектива становления «профессионального общества».

Ключевые слова: профессия, профессионал, профессионализм, занятие, профессиональные ценности, идеология, идентичность, рефлексивность.

Отношение к профессионалам и профессионализму у нас неоднозначное. С одной стороны, профессионал — это в высшей степени компетентный человек, в совершенстве владеющий каким-то делом, успешно ориентирующийся в своей области, специалист самой высокой пробы. Полностью отвечая соответствующим требованиям, профессионал делает честь любому делу. С другой стороны, в профессионалах могут ходить киллер, точно и без следов выполняющий свою грязную работу, искусный взломщик сейфов с деньгами, фальшивомонетчик, чью «продукцию» с трудом отсеивают даже специалисты, разработчик изощренно-запутанной схемы по уходу от налогов, хакер, способный взломать любую систему защиты компьютера, и т. д., и т. п. Впрочем, ничего удивительного в этой оппозиции нет — в конце концов, всем можно злоупотреблять, и факт недалеких, жадных и злых людей не запрещает нам, вслед за писателем, повторять: «Человек — это звучит гордо!».

Профессионалов часто обвиняют в технократизме: смотрят, мол, на человека как на бездушную вещь, все оценивают индексами эффективности и функциональности, признают только выгоду, дости-

П.К. Гречко

жительную мотивацию и прагматически успешную коммуникацию и пр. в том же духе. У нас несколько иное понимание технократизма, и это будет ясно из последующего изложения. Здесь же укажем лишь на то, что в до-современных и традиционалистски ориентированных обществах (речь не об истории — нашем времени) профессионализма с его дерзанием и конструктивизмом как раз недостает, он там хоть и в загоне, но одновременно и в большом дефиците. И это — одна из главных причин их инерционного исторического развития.

Несколько слов о термине «идентичность человека» — не индивида, не персоны или личности, не представителя определенной социальной группы, нации, страны, а именно человека, человека как такового. Этим термином мы бы хотели привлечь внимание к поиску родовой определенности в проблеме идентичности и идентификации. Группы, нации, страны и т. д. — все это видовые определения человека. Исторически, конечно, они оправданы. Долгое время человек развивался (накапливал силы) в рамках именно таких «видов». Но к настоящему времени он, несомненно, окреп в своем самостоянии, в его бытии явно обозначились глобальные и общепланетарные горизонты. Это еще не универсальность, не собственно общечеловеческая определенность, но реальное и убедительное движение к ней. Иными словами, мы сегодня вплотную подошли к будущему в данном вопросе. Будущее стало актуальным, оно стучится в дверь настоящего, им пора и нужно заниматься.

По отношению к своим эмпирическим воплощениям, по определению множественным и в каждом конкретном случае ограниченным, идентичность человека смотрится нормативно-должной и идеально-типической. Но, быть может, это и неплохо. Есть чем вдохновляться, к чему стремиться, куда двигаться. Короче, наш подход к профессионализму будет по преимуществу ценностно-нормативным, что не исключает обращения и к другим его аспектам, структурно-функциональному, например, имеющему дело со структурой занятости, с организацией (дифференциацией) и социальным контролем совокупной деятельности людей. Оправданность ценностного измерения профессионализма подтверждается, в числе прочего, и тем обстоятельством, что «стать профессионалом», «добиться профессионализма» — это сегодня вполне понятная мотивация (или субъективно-внутренняя ориентация) любой деятельности. В свете современной «сложностной» (complexity) методологии нет основания противопоставлять разные стороны исследуемого предмета, какими бы взаимоисключающими они ни казались, и не только на первый взгляд, правильное их объединять, увязывать, инфраструктурно и контекстуально расширять. Такая методология полностью отвечает цели настоящего исследования, опирающейся в свою очередь на природу изучаемого феномена. Простой и линейно организованной ее точно не назовешь. Ценностно-нормативный подход к профессионализму интересен еще и тем, что он ставит под сомнение тра-

диционное понимание профессионального как чего-то сугубо инструментального, а также релятивизирует, делает проницаемыми, притом в обоих направлениях, границы между общекультурным и собственно профессиональным. В конце концов, профессионализм — это род культуры, культура труда как умственного, так и физического. Культура качества (quality culture) — это, пожалуй, еще точнее.

В профессиональной идентичности есть, безусловно, стихийные элементы, появившиеся там как некий рефлекс на профессионально выполняемую работу, как «умственное испарение» постоянно расширяющегося практического опыта. Но в целом профессиональная идентичность — конструкт, она сознательно выстраивается, причем, как изнутри — силами самой профессиональной группы (наиболее продвинутой ее части), так и извне — под влиянием институциональной среды общества, государства, например. С одной стороны, от профессионалов ожидают определенного поведения, а с другой — и навязывают (прививают через образование и воспитание) его. Регулятивно-теоретическое и нормативно-оценочное сопровождение этих разнонаправленных процессов и составляет, по сути, поле профессиональной идентичности. От конструкционной природы профессиональной идентичности ее реальностный статус нисколько не страдает, более того — в нем появляются возможности и функции, которых в «естественном состоянии» не было бы вообще. Ну а перспективы комбинаторики здесь поистине безграничны.

Отталкиваясь в своем исследовании мы будем от двух основополагающих идей: первой — библейской («Итак, по плодам их узнаете их»); второй — энгельсовской («труд создал самого человека»). По поводу последнего есть продолжение: труд не только создал, но и продолжает создавать человека. По большому счету, человека еще нет, начатый Диогеном поиск человека — с фонарем, днем с огнем, по-прежнему актуален, идет, продолжается. Истории придется еще долго вытачивать эту болванку, чтобы из нее наконец-то получился «настоящий человек». И, разумеется, главное средство приближения такого будущего — труд. Он тоже не стоит на месте, меняет время и меняется сам — в сторону все большей технической вооруженности, творческой насыщенности и свободной самоопределяемости. Крот истории, хитрость разума, невидимая рука рынка и другие подобные им метафоры, кстати, очень популярные в просвещенной среде, — все это, в конечном счете, о труде, его мироустроительной силе, его освободительной логике, его исторически-преобразовательном потенциале. Не приходится доказывать, что профессионализация — один из главных каналов социализации человека, т. е. становления человека человеком.

Профессионализм, что понятно, невозможен без профессии, «выводится» из профессии — определение ее *differentia specifica* нам сейчас и предстоит. Так же как и профессионализм, профессия для нас будет нормативным образованием. Строго говоря, все понятия, поскольку они ори-

ентируются на сущности и игнорируют как несущественные явления, с неизбежностью идеализируют и тем нормативизируют изучаемую реальность. Итак, что такое профессия в своей сущности? Как раз на уровне явлений очевидно, что профессия — это сфера деятельности, род занятий. Но, видимо, не всякое занятие (не всякий занятый) есть одновременно и профессия (профессионал). Дистанция здесь может быть разной, даже исчезающе малой, но все-таки она есть, сохраняется, остается. Наполняют и тем самым сокращают эту дистанцию два ресурса — знание и мастерство, или профессиональная компетентность, если брать их вместе. Профессия есть занятие, предполагающее специальные познания, базирующиеся на знании и соответствующем, подтверждающем его опыте [6, р. 397]. Можно стать профессионалом и на базе одного опыта, но это скорее исключение, чем правило. Сейчас много пишут и говорят об экономике знания, об обществе знания. И это знак времени — мы движемся в сторону все большей профессионализации труда, что не исключает, о чем ниже, и другие его разновидности (1).

Профессия, как профессиональный труд, достаточно сложна — и по своему предмету (предметам), и по средствам его обработки, и по тем технологическим действиям-операциям, которые их, предметы и средства, реально сопрягают. В подобных высказываниях наречие «достаточно» выражает обычно необходимую меру, нужное количество. В данном случае у нас есть возможность его уточнить: достаточно — значит, коррелятивно тем вызовам, угрозам и рискам времени, в котором данная профессия существует, — на локальном, региональном и глобальном уровнях. Открытость общества, в котором мы живем, и нарастающая конкуренция в мире диктуют именно такой — интегральный и одновременно разноуровневый — подход. Сама по себе профессия тоже не лишена рисков, связанных с неверно принятыми решениями, заводящими ситуацию в тупик, с отрицательными последствиями даже в целом положительных действий (не бывает лекарств без тех или иных побочных действий), с вторжением стихии или случая в рационально рассчитанную линию поведения, с тем, наконец, что мы сегодня живем в обществе риска, — без таких «вкраплений» профессиональной деятельности в ее жизненной полноте не бывает. При всем том рисковая неопределенность профессионального труда ниже (должна быть ниже) неопределенности того риска, на устранение которого он направлен. В противном случае с рисками нельзя было бы бороться в принципе.

Главное достоинство профессионального труда, профессионализма — его свободно-творческая определенность. В отличие от просто занятия, которое может быть обыденно-рутинным, шаблонным, механическим, занятие профессиональное, по определению, предполагает большее — инициативу, новизну, неординарное решение, предвидение возможных последствий и т. д. Свобода и творчество в профессиональной деятельности обусловлены опять же ее сложным устройством. Сложность, конечно, со-

здает определенные препятствия для успешной деятельности, но одновременно в ней и больше возможностей — строительного материала человеческой (профессиональной) свободы. В последней структурно фиксируются возможность, ее познанный выбор и практическая реализация с учетом, безусловно, условий необходимости, но это уже контекстуальный аспект проблемы. В отличие от вольницы и волюнтаризма, свобода предполагает ответственность. Ответственность в случае свободно выполняемой профессиональной работы распространяется не только на людей, но и на вещи. Ответственность и стыд, если плохо сделано, перед самим делом, в анонимной, что касается конкретных индивидов, перспективе. Это далеко от ситуации «бог не увидит, свинья не съест». И видит, и поедом ест профессиональная совесть, чувство долга, гордость за принадлежность к определенному профессиональному цеху. От ответственной, а значит и совестливой свободы к качеству профессионального труда переход самый прямой. Свободно-творческое начало профессии, профессионализма, по сути, антроподицеино, оно вносит смысл, оно придает направление и (через этот вектор) полноту экзистенциально пустому самому по себе существованию человека. То есть труд не только «создает», но и оправдывает человека — в нем заключена правда-истина его земного бытия. Нам понятен в данной связи Н.А. Бердяев, поднявшийся до религиозной высоты в интерпретации творчества человека. «Мы стоим, — настаивал он, — перед неизбежностью оправдать себя творчеством, а не оправдать свое творчество. В творческом акте должно быть внутреннее самооправдание, и всякое внешнее его оправдание бессильно и унижительно» [1, с. 341].

Как и любой «-изм», профессионализм по-своему ангажирован, страстен и в этом смысле односторонен, даже флюсовиден. Однако, сравнительно говоря, односторонности в нем меньше всего. Более того, он претендует, и не без оснований, на разработку универсалистских стандартов — в рамках отдельных профессий и, в перспективе, в профессиональной сфере общества в целом. Принудительная сила логики, аналитики, предметных связей и зависимостей является в этом плане важнейшей точкой опоры. Видимо, мы не погрешим против истины, если скажем, что универсалистские стандарты профессионализма могут выступать в качестве модели для выработки культурных универсалий общества и человечества в целом. В условиях множащихся различий, центробежных тенденций, стремления к автономизации и индивидуализации, притом на всех уровнях — макро, мезо и микро, возможности этой модели трудно переоценить. Универсалистские стандарты профессионализма существенны также для формирования в полном смысле глобального образа жизни на Земле.

В «нормальном» обществе успехи на профессиональном поприще поднимают человека по статусной лестнице, открывают перед ним двери социального лифта. Сейчас много всяких обществ предлагается, вплоть до хорошего. Не будем вступать в эту дискуссию, тем более что к теме нашего

исследования она имеет косвенное отношение. В данном конкретном случае под нормальным обществом будем понимать общество, в совокупной деятельности которого профессиональный труд по праву занимает центральное место, общество, принимающее и ценящее профессионализм. Не всегда и не везде так было и есть. Возьмем наше, российское, общество. Можно всегда найти или привести удачные примеры, но в целом картина такова: энергии профессионализма хватает только для подъема на нижние и средние этажи, далее все решают родственные и иные связи, знакомства, коррупция и т. п. В результате имеем то, что имеем, — неконкурентоспособность, стабильность в форме «нового застоя», отсутствие перспектив для здорового и честного карьерного роста, утечку мозгов в более нормальные страны, плохое морально-политическое самочувствие людей, особенно молодежи.

Обратимся в данной связи к еще одному обществу — меритократическому (анг. *merit* — заслуга, достоинство). Опять без подробностей, но с самоочевидным указанием на то, что среди заслуг («по заслугам») на первом месте стоят профессиональные успехи и достижения индивида. Ценить и продвигать человека по ним — высшая справедливость, которая (опять же в нормальных обществах) кладется в основу работы всех социальных институтов. Более того, профессиональные *merits* — один из основных ресурсов легитимации этих институтов. Не приходится доказывать, что в отсутствие легитимных (не просто легальных) социальных институтов в обществе идет, не прекращается скрытая гражданская война с постоянным переделом собственности и, соответственно, власти. Кто имеет право нами управлять? И Кто может быть на законных основаниях богатым? — это, безусловно, великие вопросы истории, особенно обостряющиеся на ее переломных этапах, на таких, скажем, как нынешний.

Отдельно следует сказать здесь о политике. Политике исторически продвинутой, современной, отвечающей духу постмодерного времени. Безусловно прав в данной связи Э. Гидденс, настаивающий на связи освободительной политики («свободы от») с жизненной политикой («свободой для»), или политикой самоактуализации. Более конкретно, под освободительной политикой он понимает «радикальную вовлеченность, озабоченную освобождением от неравенства и порабощения», а под жизненной политикой — радикальные обязательства, «которые обращаются к дальнейшим возможностям удовлетворительной и счастливой жизни для всех, для которой нет «других»» [2, с. 300]. Профессиональный труд создает наибольшие возможности для утверждения и торжества свободы во всех ее видах и формах. Преданность делу, следование его логике, деловой и коллегиально-горизонтальный формат общения, соблюдение принятых стандартов качества — эти и другие характеристики профессиональной деятельности содействуют повышению самостоятельности и свободы личности как субъекта этой деятельности. Что до самоактуализации, то это просто доминантная базовая

потребность (вспомним А. Маслоу) профессионала. Творческое самовыражение и самоутверждение — самый сильный, на уровне самодостаточности, мотив жизненной активности профессионала. Профессия — это не ремесло, которому можно просто обучить, вложив энное количество знаний, умений и навыков в голову и руки человека. Профессия уходит своими корнями в призвание, «естественную склонность», настроенность души (лежит — не лежит) индивида. В английском языке это фиксируется даже семантически: *vocation* переводится и как *призвание*, *склонность* (strong feeling, dedication), и как *профессия*, а в религиозных контекстах, дополнительно, — и как *божественное призвание* (divine call).

В русской культуре очень привлекательна фигура интеллигента (саму эту культуру часто называют интеллигентской), которую интересно сопоставить с рассматриваемым здесь профессионалом (профессионализмом). Между ними много общего: развитый ум, творческое горение, внутренняя порядочность и т. д. Но не меньше и различий или противопоставлений, даже фронды, если иметь в виду воинственность в отстаивании или позиционировании этих различий. Общая и именно интеллигентская черта всех перечисленных выше качеств — озабоченность «народным вопросом», борьба за правду, или истину-справедливость, неумный энтузиазм по поводу морального здоровья нации и пр. столь же экзистенциально-героические переживания. Информация к размышлению: там, где властителями дум являются как раз интеллигенты, народ почему-то всегда живет неустроенно, тяжело и угрюмо, одним словом, плохо.

Профессионалы ищут подтверждения активной духовной жизни в эффективных формах общественной организации, в практически успешных делах и начинаниях, в то время как для интеллигентов духовная жизнь самодостаточна, обладает, по определению, первенством над «внешними формами общезития». И это притом что слова об общественном благе, народном деле, целостном мировидении буквально не сходят с их уст.

Профессионалы-интеллектуалы разрабатывают и предлагают общественному мнению, гражданской *public sphere* тексты, проекты, «дорожные карты». Интеллигенты, напротив, питают слабость к литературе, особенно художественной, любят вставать в гражданскую позу и делать красивые заявления, издают всякого рода миссии и манифесты, пишут публичные письма-обращения, как правило, к государству, власти.

В отличие от профессионалов, ищущих диалога и сотрудничества с властью, интеллигенты, поскольку они «за народ», настаивают на вечном антагонизме мысли и власти, с удовольствием играют роль гонителей и мучеников этой самой власти, хотя власти, властности в их нравоучительных и всегда вертикально выстраиваемых произведениях хоть отбавляй. Парадоксально, но факт: критикуя на словах власть, интеллигент в то же время демонстрирует очевидное верноподданническое поведение, более того, ему при этом «за державу обидно».

Свою миссию интеллигенты видят в неустанном просвещении народа, просвещении, однако, своеобразном — не работающими идеями, действительными мыслями, конкретными поступками, примерами-образцами, а тем, что должно, идеально положено, гранднарративами вечного, доброго, светлого. Явно просвещенческий (проект Модерна) подход к просвещению. Сегодня, в условиях конца идеологической эволюции человечества, потери доверия к гранднарративам, нарастанием деловитости в отношениях между людьми вопрос стоит по-другому — какое знание реально просвещает? Оказывается, не любые идеи и не всякие знания несут с собой действительно эмансипационный потенциал. Профессионал не интеллигент, хотя без *intelligence* он тоже не обходится, профессионал — это интеллектуал, дружащий с логикой, аргументацией, дискурсом. Дискурс у интеллигента тоже есть, но весьма своеобразный — «растекашесь мыслью по древу» называется. Обратите внимание, не мыслью, а мыслью, которая почти всегда «опосля», после запоздалого пробуждения, вспомним: декабристы разбудили Герцена; Герцен разбудил народовольцев; народовольцы разбудили Ленина ... Пока последнее (нынешнее) звено в этом исторически-сонном ряду: «рассерженные горожане» с Болотной и Сахарова разбудили наконец-то отечественных модернизаторов. Когда же интеллигент пытается обуздать это свое мыслительное растекание, то оно с неизбежностью превращается в «не могу поступиться принципами» или же в банальный догматизм. Ни в чем не твердые: ни в логике (она для них сродни болезни духа), ни в интересах (отстаивают не свои — народные), ни в гражданской позиции (ее заменяет соборность и всемирная отзывчивость), интеллигенты конъюнктурны и бесхребетны. Никак не могут решить, чего же им действительно хочется — «не то конституции, не то севрюжины с хреном...», как писал когда-то проницательнейший М.Е. Салтыков-Щедрин. Показательна в этом плане эволюция их требований, опять же по Салтыкову-Щедрину: сначала «по возможности», потом «хоть что-нибудь» и наконец «применительно к подлости». А в недавнем прошлом народ видел, как они колебались вместе с генеральной линией Партии.

Интеллигент по традиции противопоставляет технику, как нечто холодное и бездушное, организму с его синергийностью и природным теплом; профессионал же дружен с техникой и потому она у него все больше приближается к организму, приобретая в буквальном смысле человеческие черты, становясь без преувеличения все более человеческой. High, fine, smart — непонятно, чьи это теперь характеристики, техники или человека? Яркий (хотя для многих и спорный) пример профессионального сочетания техники, технологии и человеческой экзистенции — трансгуманизм. Избавить — с помощью техники, технологии — человека от страданий, приостановить старение, отодвинуть смерть — разве это не благородно и недостоинно того, чтобы им заниматься?

В общем, сравнение профессионала с интеллигентом можно продолжать и продолжать, но и сказанного, полагаем, достаточно, чтобы сделать

вывод: интеллигенция сегодня — исчезающий класс, ей на смену уверенно идет племя хоть и молодое, но уже знакомое — профессионалы и интеллектуалы. Уход такого явления не может не восприниматься с грустью. Впрочем, это уже прошлое, а с ним, как заметил когда-то К. Маркс, нужно расставаться весело.

Любая система имеет свои механизмы контроля. Система профессий и занятий не является исключением. Профессионализм можно рассматривать как механизм или способ контроля: изнутри (самоконтроль) — по отношению к отдельным профессиям и как бы извне — по отношению к различным занятиям. Профессиональный контроль в обозначенном плане противостоит государственному и, в меньшей степени, корпоративному контролю, где велика роль административно-бюрократического начала [9]. Профессионализм — форма неформального, «мягкого» контроля. Конечно, и профессионалы «собираются» в организацию или ассоциацию, и в этом смысле профессионализм принимает форму институционального контроля. В любом случае бюрократии и административного зуда здесь много меньше. Профессиональный контроль и самоконтроль есть то, что, пользуясь словами Гегеля, можно было бы назвать поиском соответствия предмета своему понятию. Понятие в таком случае возникает в результате идеализации соответствующей профессиональной практики. Не нужны начальствующие посредники, гнущие ситуацию под какую-то текущую политическую задачу, проверяющими становятся ваши же коллеги, правда, в специфической экспертно-оценивающей роли или функции. Профессионально-контролирующие отношения — отношения не вертикальные, административно-властные, а горизонтальные, экспертно-коллегиальные. Как пишет Э. Фрейдсон, профессионализм — это некая третья логика в отличие от логики рынка и организации [9]. Поскольку профессионалы выступают от имени дела, выполняемой, притом эффективно и качественно, работы, то преследуемые ими интересы, как правило, совпадают с интересами общества. «Как правило» — не больше, так как полного или стабильно-однозначного совпадения здесь никогда не бывает.

Разумеется, рисовать профессионализм только положительными красками было бы неправильно. Он несет с собой не только привлекательные качества, оказывает не только благотворное воздействие — им можно манкировать, злоупотреблять, манипулировать. Общая форма такой негативной характеристики хорошо известна — это идеология, т. е. превращение ценностно-нормативной системы профессионализма в идеологическую конструкцию, перевод ценностей и норм в «технически решаемые задачи», в техники жизни и труда [4, с. 62 и др.]. В соответствии с классическим пониманием, идеология есть самосознание того или иного класса, выстраиваемое вокруг его коренных интересов. Все упирается в природу этих интересов, но универсальной она никогда не бывает. Большевики в свое время делали исключение для интересов пролетариата, но на поверку это

оказалось мифом. Идеология профессионализма представляет собой манифестацию и теоретическое обоснование интересов социальной группы профессионалов — естественно, не нейтральное, а так или иначе спрофилированное, в интересах интересов, если позволено будет так выразиться. Идеологическое теоретизирование относительно профессионализма пытается обосновать доминирующе-властное положение профессионалов на рынке труда, их вертикально-восходящую мобильность, своеобразную монополию на компетенцию, привилегированный статус и соответствующий (высокий) доход. По справедливому утверждению Дж. Эветтс, «идеология профессионализма... включает такие аспекты, как исключительная собственность на область экспертизы и знания и право (power) определять природу проблем в этой области, а также контролировать доступ к их потенциальным решениям» [6, p. 407].

Идеологическое манипулирование профессионализмом проявляется в различных формах. Чаще всего наблюдается противопоставление (всяческое возвышение) одной какой-то профессии или группы родственных профессий всем остальным профессиям и занятиям. В англо-американском мире, например, в традиционно привилегированном положении находятся медики и юристы, у нас в свое время «физики» были в почете, а «лирики» — в загоне, сегодня, похоже, обратная ситуация — лирики (в основном юристы и экономисты) имеют в общественном сознании явно завышенный рейтинг в ущерб физикам. В последнее время этот перекося активно обсуждается и медленно, но все же устраняется. Социально более широкое значение имеет идеологизация профессионализма в форме воинственного противопоставления профессий всем остальным занятиям, до некоего образца якобы не дотягивающим. Никто не спорит, имеется немало очень простых, монотонных, «грязных» занятий или работ (уборка улиц и дворов, уход за лежачими больными и т. п.), но считать их низкими, ниже человеческого достоинства, нельзя. Кто-то ведь должен выполнять и подобные виды работ — в общественном разделении труда, в совокупном наборе занятий и дел они необходимы и должны быть уважаемы. Научно-технический прогресс одни из таких работ устраняет, другие существенно облегчает, модернизирует, перевооружает, но пока они есть и в обозримой перспективе сохранятся — с этим остается только считаться. Крайние или экстремистские формы идеологизации профессионализма ведут к своеобразной социальной сегрегации, к возрождению уже на новом этапе забытых было понятий черни, быдла. Есть все основания квалифицировать их как разжигание социальной розни и не только морально осуждать, но и преследовать по закону. Хорошо, с инициативой, качественно и в срок сделанное дело сродни профессионализму вне зависимости от его области и предмета. Внутренние связи и зависимости делают системно зависимыми друг от друга все виды деятельности, все профессии, занятия, дела. Возьмем, к примеру, фундаментальную науку. Толку от нее мало там,

где нет (по аналогии с «польским сантехником» в Европе) «токаря шестого разряда» — некому, получается, воплощать задумки ученых в металл.

Профессионализм нередко отождествляют с рационализмом. И не без оснований: разум, которым пользуется профессионал, есть не что иное, как работа *Ratio*. Из этого корня, в конечном счете, растет вся аналитика, техничность (от *technique* — специальные приемы, методы, способы) и технологичность нашей деятельности. Нормально, когда рациональность соединяется с поиском оптимальности и не игнорирует свое человеческое происхождение. В противном случае, и это уже ненормально, рациональность вырождается в формальность и далее, по линии приложения, — в бюрократизацию, что убедительно показал М. Вебер [10], и макдональдизацию, столь же убедительно представленную Дж. Ритцером [3]. В широком социальном смысле, бюрократизация и макдональдизация являются формами все того же идеологического вырождения профессионализма. Данное вырождение, что очевидно, не ограничивается профессиональным полем, а распространяется на все общество.

Любая ценностно-нормативная система, включая профессиональную, определяет так или иначе свое отношение к морали — ядру ценностной нормативности любого общества. В современной литературе представлены различные точки зрения на эту проблему — и со знаком плюс, и со знаком минус, от профессионализма «как нравственной черты личности» до профессионализма как «душевного и духовного нигилизма», превращающего «нас в зверей». В прошлом, надо сказать, отношение к профессионализму было более спокойным и доверительным. Так, Э. Дюркгейм рассматривал профессионализм как форму морального сообщества [5], а Р.Г. Тоуни видел в нем силу, способную подчинить «безудержный индивидуализм» потребностям сообщества [9].

Проблему морали профессионализма можно разделить на два вопроса: первый, внешний, касающийся отношения профессиональной сферы к морали, как она существует в социетальных границах, или в рамках общественного целого; второй, внутренний, концентрирующийся на специфике морали в той или иной профессии и профессиональной сфере в целом, т. е. на собственно профессиональной морали. Влияние «внешней» морали на профессию и профессионализм опять же двоякое, как поощряющее (незаинтересованный поиск истины, например), так и осуждающее (скажем, охлаждение неумеренного энтузиазма тех, кто готов клонировать все и вся или производить генномодифицированные продукты). Гораздо более интересна, конечно, «внутренняя» мораль профессии и профессионализма — возможна ли она там в принципе? Банально, но факт: профессионалы тоже люди и ничто человеческое им не чуждо. Иначе говоря, в любой профессии, поскольку она часть данного общества, работает и обыкновенная (человек как моральное существо) мораль. Прямого перехода к профессионалу как моральному существу тут, конечно же, нет,

тем более если профессионализм не стал еще для человека в полную меру его идентичностью. Но эти два статуса, по меньшей мере, сближаются, когда профессионализм переходит во внутренний план субъекта и там по-настоящему укореняется. Иначе говоря, профессиональная работа с неизбежностью накладывает свой отпечаток на человека, ее представляющего или выполняющего, определяя так или иначе образ мышления и поведения человека.

Общая определенность «профессиональной» структурализации внутреннего мира человека давно известна — это рефлексивность, или самоотчетность с артикуляцией я-начала во всех начинаниях, мыслях и поступках человека. Рефлексивность снимает инерцию, инерцию традиции, вообще следования принятым правилам поведения, разворачивает любую схему в процесс, который можно индивидуально и ответственно корректировать. Через профессиональную мораль сегодня проходит главный путь в становлении рефлексивной этики общества, этики, органически сочетающей в себе некий общий социально-политический климат, индивидуальные чувства и рациональную компетентность. В рефлексивной морали подлежит обсуждению все — не только цели, средства и результаты, но также предпочтения, оценки, побудительные мотивы и т. д. В перспективе взыскуемого коммуникативного консенсуса рефлексивное обсуждение можно рассматривать в качестве «мягкого» аргументативного обоснования морали, закрепляемого далее в образцах профессионального поведения, к которым обычно и апеллируют профессионалы. Ценностная поддержка и нормативное закрепление — это есть и в морали, и в профессионализме.

Подведем итоги. Профессионализм как ценностно-нормативная система выражает культуру жизненно-трудовой активности людей, подтверждая известную мысль о том, что труд сделал и продолжает делать человека. В духе М. Вебера профессионализм можно понимать как дух мира труда, реально мотивирующий человека к рефлексивно осмысленной деятельности. Есть все основания полагать, что ценности, нормы и идеалы профессионализма притягательны для человека труда, что их интериоризация имеет своим результатом формирование соответствующей — профессиональной — идентичности. Как и все в этой жизни, профессиональная идентичность имеет тенденцию (видимо, энтропийную) «портиться». Результат известен — это идеология. Идеология как результат или форма вырождения ценностно-нормативного профессионализма разжигает, по сути, социальную рознь, возвышая отдельные профессии (врачей и юристов — как в англо-американской статусной стратификации), противопоставляя профессионалов и непрофессионалов, явно преувеличивая силы и возможности формально-инструментальной рациональности (отсюда бюрократизация и макдональдизация). Профессионализм — механизм и форма социального контроля, более мягкого (*soft and smart*), чем административно-бюрократический, корпоративный, рыночный. Профессионал не

есть интеллигент в российском понимании этого слова. Профессионал — это интеллеktуал, субъектно олицетворяющий деловитость, логизм, аналитизм и технологизм общества. И именно как интеллеktуал профессионал разрабатывает и внедряет в дело универсалистские стандарты мысли и действия. Профессиональная идентичность — конструкт, выводящий нас на деятельно-родовую природу человека, открывающий перспективу формирования «профессионального общества».

Комментарий

1. Богатый материал по данному вопросу дают исследования исторической перспективы «профессионального общества». См., например: Perkin Y. *The Rise of Professional Society: England Since 1880*. London: Routledge, 1988.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества. Опыт оправдания человека // Бердяев Н.А. *Философия свободы. Смысл творчества*. М., 1989.
2. *Гидденс Э.* Последствия современности. — М.: «Праксис», 2011.
3. *Ритцер Дж.* Макдональдизация общества 5. — М.: «Праксис», 2011.
4. Ср.: *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология». — М.: Праксис, 2007.
5. *Durkheim E.* *Professional Ethics and Civic Morals*. London: Routledge, 1992.
6. Ср.: *Evetts J.* *The Sociological Analysis of Professionalism: Occupational Change in the Modern World* // *International Sociology*. Vol. 18, № 2.
7. *Fournier V.* *The Appeal to «Professionalism» as a Disciplinary Mechanism* // *The Sociological Review*, 1999. Vol. 47. Issue 2.
8. *Freidson E.* *Professionalism, the Third Logic: On the Practice of Knowledge*. Chicago: The University of Chicago Press, 2001.
9. *Tawney R.H.* *The Acquisitive Society*. Mineola, N.Y.: Dover Publications, 2004.
10. *Weber M.* *The Bureaucratic Machine* // *Social Theory: The Multicultural and Classic Readings* / ed. by Ch. Lemert. 3rd ed. Westview Press, 2004. Pp. 104-110.

Д.Н. Бухаров

Вещь как приоритетные ценность и смысл в контексте проблемы человеческой идентичности¹

В статье рассматриваются положительные и отрицательные аспекты стремления человека к обладанию вещными ценностями, а также дается характеристика формируемого в результате данного стремления типа его идентичности. Обосновывается утверждение о том, что человек, сконцентрированный на обладании вещью, внутренне уподобляется ей и тем самым отходит от осознания собственной сущности. Утверждается, что вопрос об идентичности человека должен быть поставлен как проблема выбора человеком приоритетной ценности.

Ключевые слова: идентичность человека, вещь, имманентная ценность, преемственность ценностей, смысл, экзистантность, самоутверждение.

Процесс преемственности ценностей, прежде всего, есть процесс передачи от одного поколения другому знаний о том, как жить, чем жить, зачем жить, или, если кратко, кем быть. Таким образом, каждое предыдущее поколение способно оказывать самое непосредственное влияние на идентичность поколения последующего. Если преемственность ценностей поддерживается, значит, представители различных поколений в чем-то (а именно, в принятии и реализации некоей ценности в качестве приоритетной) очень похожи друг на друга, что выражается в их способности иметь идентичность одного типа. Дабы не быть голословными, обоснуем последнее утверждение.

Вопрос соотношения таких категорий, как смысл и ценность, был достаточно подробно исследован В. Франклом. Смысл признается в качестве такового только одним человеком, тогда как есть смыслы, которые разделяются многими людьми в течение длительного промежутка времени. В этом случае смыслы становятся ценностями. Таким образом, ценности

¹ Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации (проект № МК-2493.2011.6 «Онтология веры: личностные и социокультурные механизмы преемственности ценностей»).

могут быть определены как универсалии смысла, вырабатывающиеся в типичных ситуациях, с которыми сталкивается общество [15, с. 288]. Таким образом, ценность есть общепризнанный смысл. Далее встает вопрос о том, какова природа ценности? На этот вопрос в частности отвечает современный исследователь смысла жизни С. Н. Яременко: «В самой реальности смысл жизни эмпирически нельзя обнаружить. Его можно установить в каждом отдельном случае как идеальное понятие, из совокупности которых складывается мысленный образ» [18, с. 5]. Исходя из того, что смысл жизни — это и есть ценность, то же самое можно сказать и о ценности в целом, а именно: настоящая ценность есть идея. Что же такое есть идея и как она соотносится с идентичностью человека? Ответ на этот вопрос можно найти в трудах П. А. Флоренского, который отмечал, что *εἶδος*, *ἰδέα* с древнегреческого языка переводится не только как идея, но еще и как «облик человеческий» [14, с. 161]. А что такое облик человеческий, как не человеческая идентичность? Отсюда становится очевидной непосредственная связь, существующая между процессом преемственности ценностей и процессом преемственности человеческой идентичности определенного типа. Исследованием этой связи мы и предлагаем заняться в данной статье. Рассмотрим, какой тип идентичности способен обрести человек в случае признания им имманентных ценностей в качестве наивысших ценностей, которыми, на его взгляд, возможно в целом исчерпать содержание ценности как категории. В данной статье в качестве подобной ценности мы возьмем вещь — то, чем, в принципе, можно обладать, и рассмотрим влияние, оказываемое ее представленностью в данном аспекте на идентичность человека.

Важность обладания вещами для человека обусловлена следующими факторами.

1) Через обладание вещами он стремится удостовериться в действительности собственного существования. В силу свойства вещи обладать относительным постоянством, факт ее существования несомненен. Существование же человека в силу сложностей, связанных с определением критерия его постоянства может быть поставлено под сомнение. Здесь может иметь место следующая логика: раз вещи существуют (в этом не может быть никаких сомнений), а «Я» ими обладает, значит, существует и «Я». Таким образом, обладание вещными ценностями является для «Я» своего рода доказательством того, что оно само действительно существует.

2) Важность вещи для человека обусловлена тем, что она наделяется им свойством выполнять своего рода репрезентативную роль. Иначе говоря, вещь приобретает способность «говорить» за своего обладателя и тем самым «выражать» его, своими свойствами подчеркивая черты его характера. Используя вещи в подобном качестве, человек тем самым стремится ответить на вопрос о собственном существовании опосредованно, то есть на основной вопрос идентичности «Кто я?» ответить посредством вещей.

3) Вещь выступает в качестве своего рода заменителя окружающих людей, с которыми у человека как у существа социального есть сущностная потребность общаться. Заметим, что речь в данном случае идет не о параноике, а об обыкновенном человеке, у которого нормальная естественная потребность проявлять заботу по отношению к другим людям преобразуется в потребность «общаться» с вещами. В данном случае он уделяет больше внимания не людям, а вещам, которые им в буквальном смысле слова «оживляются» и становятся его «собеседниками».

4) Вещь выступает в роли своеобразного конструкта, способного формировать идентичность человека. В этом случае имеет место ситуация, когда вещь (например, автомобиль) становится способной творить «Я» своего обладателя, ведь, по словам Э. Фромма, «приобретая автомобиль, владелец фактически приобретает некую новую частицу своего «я»» [16, с. 95].

5) Вещь способна вынести любое с ней обращение вплоть до полного ее разрушения, ведь, как отмечал А. А. Ухтомский, «с вещами всякое поведение допустимо» [11, с. 319]. Тем самым становится возможным реализация желания человека распространить свое господство в как можно более широком масштабе, и вещь в отличие от другого человека этому желанию не противится.

6) Вещь, становясь центром жизни человека, тем самым становится самим ее содержанием. Это приводит к тому, что постепенно происходит образование определенной привязанности человека к обладаемой им вещи. Как следствие этой привязанности образуется «новое живое единство» [4, с. 140], составляющими которого выступают человек и вещь.

7) Вещь способна выступать в качестве точки опоры человека, способствующей усилению его значимости. Дело в том, что подобный человек, по его представлениям, живет в условиях полной неопределенности: как окружающий его мир, так и он сам представляются ему чем-то зыбким и неустойчивым. Стремясь к самоутверждению, рассматриваемому им как его максимально прочное положение в наличном мире, человек, не рассчитывая в данном деле ни на самого себя, ни на других людей, ни тем более на нечто, выходящее за рамки наличного мира, только вещь склонен рассматривать в качестве возможного средства «упрочения» своего положения. В данном случае имеет место следующая логика: чем большим количеством вещей я обладаю, тем более прочное положение в рамках наличного бытия будет мне отведено.

8) Вещь выполняет роль буфера, выставляемого человеком между собой и остальным миром. Именно вещь выступает в качестве средства, при помощи которого человек отгораживается от остального мира и тем самым достигает в нем безопасного положения.

9) Вещь наделяется функцией удовлетворять духовный голод человека. Дело в том, что игнорирование человеком своей духовной составляющей, которое в описываемом нами случае проявляется особенно ярко, выражается как определенного рода неудовлетворенность человека проживаемой им жизнью. Возникает даже некоторое беспокойство, источник которого ос-

тается для него неидентифицируемым. Подобное беспокойство лишает его главного в данном случае — психологического комфорта и эмоционального равновесия. Таким образом, у него возникает проблема, для решения которой ему известен только один способ — повышение разнообразия имеющихся у него вещей. Так, увеличивая объем и делая все более и более разнообразным набор обладаемых вещей, человек применяет своего рода анестезию, средством которой в данном случае выступают полезные свойства вещей. А.И. Извеков выразил эту ситуацию следующим образом: «Конечно, в вещах передается только аналог смысла и отсылает ли он к чему-то большему, чем просто психологическому комфорту, определить практически невозможно на фоне эффекта самоуспокоения, ощущения, что можно заставить материальные блага приносить человеку еще и состояние относительного покоя, когда вопрос «зачем?» стоит не так остро» [3, с. 223].

Мы рассмотрели «плюсы», которые получает человек, «связываясь» с вещами и на этой основе утверждая себя. Однако рассмотрение вещи в качестве средства для самоутверждения человека было бы не полным, если бы мы ограничились плюсами и не коснулись минусов подобной связи. Минусы, однако, вытекают здесь из плюсов. Другими словами, то, что вначале выступало как плюс, в долгосрочной перспективе переходит в свою противоположность.

Говоря о минусах обладания вещами, начнем с того, что во время рассмотрения нами плюсов обладания вещью можно было заметить, что вещь выступает для человека в качестве основного средства, при помощи которого тот решает проблемы, связанные с его самовыражением. Однако, наделяя вещь репрезентативной функцией, он тем самым лишает себя способности говорить и совершать действия от своего собственного имени: в этом пропадает необходимость, поскольку о человеке судят (и он сам о себе судит) по наличествующим у него вещам. Тем самым он ставит себя и свою идентичность, которая в процессе человеческого самовыражения выступает в качестве основной цели, в зависимость от одного из средств достижения данной цели — вещи. Таким образом, имеет место ситуация, когда средство, заняв по отношению к цели приоритетное значение, само претендует на этот высокий статус. М. Бубер отмечал, что до тех пор, пока мир Оно (безличный, вещной мир) не претендует на то, что он и есть само бытие, он не является злом, но, начав претендовать на то, что все исчерпывается Оно, он им становится [2, с. 41]. Перефразировав М. Бубера, можно сделать следующий вывод: средство, претендующее на статус цели, также становится «злом», поскольку в этом случае оно, по словам Н.А. Бердяева, способно заслонить собою подлинные цели человеческой жизни.

По поводу того, что вещь способна добавлять к идентичности человека новые составляющие, внося тем самым новые оттенки в его «Я», необходимо отметить, что подобная точка зрения оправдана только в ситуации, когда человек рассматривает себя в качестве некоего проекта. Этим проектом он, как управляющий, по его мнению, способен манипулировать:

по своему желанию добавлять или, наоборот, устранять отдельные элементы, подвергать проект «перезагрузке», перестраивать его по своему усмотрению и т. д. В этом выражается его стремление в буквальном смысле реализовать себя, то есть на основе имеющихся у него «полезных свойств» суметь привлечь на себя максимально возможный «спрос» как со стороны общества, так и со стороны своего ближайшего окружения: «Появляется девиз: «продай себя!», что также означает, что меня покупают, и, значит, я полезен, — это критерий моего невыпадения, равноправности участия в общем деле» [3, с. 225]. Подобная склонность современного человека рассматривать себя именно таким образом может быть рассмотрена так же, как его желание путем самообновления становиться каждый раз кем-то новым. Однако противоречивость этого пути была выявлена еще С. Кьеркегором, который в середине XIX века писал: «Одни лишь низшие натуры забывают о самих себе и становятся чем-то новым. Так, бабочка совершенно забывает о том, что была гусеницей; возможно, она способна настолько полно забыть о том, что была бабочкой, что благодаря этому станет рыбой» [5, с. 43]. Заметим, что подобное воззрение на идентичность человека в наше время становится достаточно распространенным явлением.

Новое единство, которое образует собой человек и вещь, ставшая его содержанием, внешне представляет собой человека, внутренне же оно имеет «вещное» содержание. Это содержание имеет следующие свойства (по М. Буберу): «не длительность, но остановка, прекращение, оторванность, самоощипенение, отделенность, отсутствие отношений, отсутствие присутствия» [2, с. 22]. Человек, по природе своей будучи открытой системой, «связываясь» в данном случае с вещью, перенимает ее свойства, что в свою очередь приводит к его уподоблению вещи. Проникновение в него данного содержания приводит к его охлажденности, внутренней омертвелости, инертности, фрагментарности и стягиванию в прошлое. Несмотря на иллюзию, властвующую над человеком, что именно он обладает возможностями влиять и корректировать отношения между собой и объектами, через связь, устанавливающуюся между ними, объекты также обретают возможность оказывать на него свое омертвляющее воздействие, стягивая его в прошлое и лишая настоящего. Так Э. Фромм отмечал, что «при ориентации на обладание <...> мы суть прошлое, и мы можем сказать: «Я — это то, чем я был» [16, с. 148]. М. Бубер, рассматривая «Я» основного слова «Я-Оно», особо выделял тот момент, что в той мере, в какой человек удовлетворяется вещами, которые он узнает из опыта и использует, он живет в прошлом и его мгновение не наполнено присутствием. Однако помимо того, что он лишается настоящего и тем самым перестает быть «живым», он к тому же и внутренне дробится, становится множественным. Подобное дробление обусловлено тем, что, будучи полностью погруженным в мир вещей, человек в буквальном смысле слова оказывается плененным этим миром. Подобное пленение, по словам Г. Марселя, направлено лишь к тому, чтобы «разложить меня» [8, с. 121—122].

«Разложение» человека проявляется в том, что, проектируя на себя свойства вещи и тем самым проводя объективацию себя, он тем самым начинает смотреть на себя как на нечто, подверженное постепенному израсходованию, исчезновению, тлению, растворению в небытии, и со временем действительно становится таким. Так он приходит к выводу, что необходимо «экономить на себе» — расходовать себя на самовыражение в как можно меньшей степени, поскольку он — это все, что у него есть (или осталось). Появление данного страха приводит к своего рода параличу человека, его неспособности проявлять себя. Подобное состояние получило достаточно глубокое описание у Г. Марсея, отмечавшего, что в данном случае происходит медленное «загнивание» не только окружающего человека мира, лишённого смысла, но и его самого, отказавшегося от активности, и в первую очередь от активности внутренней.

В связи с использованием вещи в качестве средства для отгораживания человека от остального мира, вспомним, что П. А. Флоренский в свое время рассматривал самоутверждение как «обложение сердца человека корою» [13, с. 161]. Логично предположить, что именно из-за этой коры человек лишается способности быть чутким и восприимчивым к окружающему его миру, становится огурым: много ценного остается за гранью его восприятия. Осмелимся предположить, что одним из составляющих данной коры, ее, так сказать, ингредиентом как раз и является «вещная» составляющая: обкладываясь вещами, человек создает своего рода скорлупу, которая, несмотря на свое изначальное назначение — делать пребывание человека спокойным и безопасным, впоследствии оборачивается в практически непреодолимое без посторонней помощи препятствие на пути человека к Другому.

Утоление вещами человеческой жажды по духовному имеет эффект обезболивающего, действие которого, как можно догадаться, временно. Поэтому подобная попытка может расцениваться не иначе как стремление при помощи конечного удовлетворить жажду в бесконечном. Такую попытку П.А. Флоренский характеризовал так: «И, чем более старается Я удовлетворить свое слепое хотение, свою бессмысленную само-утверждающуюся как бесконечное, конечную похоть, тем более распаляется внутренняя жажда, тем яростнее вздымается высоковольтный гнев: Я дано себе только эмпирически, слепо, ограниченно, и потому это стремление бесконечную эту потребность удовлетворить конечным — по существу нелепо» [13, с. 190]. Отсюда становится ясно, что вещь не способна выполнять возложенную на нее роль, поскольку по своей природе является качественно иной, чем то, потребность в чем человек испытывает в случае духовного голода.

Когда же формируется подобная склонность человека жить вещным? Логичным будет предположить, что данная склонность проявляет себя тем ярче, чем дальше человек стоит от осознания собственной сущности. Подобная отдаленность от себя приводит к тому, что он становится ближе к объекту и тем самым становится склонным к объективации себя и дру-

гих: «Вещи приближаются ко мне в той мере, в какой я осознаю мою собственную чуждость себе, они сливаются со мной в той предельной точке, в которой я сам исчезаю для своего собственного взгляда» [8, с. 124—125]. Другими словами, данная склонность проявляет себя тогда, когда человек для самого себя становится неразличимым, неидентифицируемым. Неудивительно, что человек, не зная, кто он есть на самом деле, начинает стремиться к общению с якобы себе «подобными» — с вещами. Отсюда можно сделать важный вывод, что пока человек стремится к общению с вещным, до тех пор он не будет способен полноценно ответить на вопрос «кто я?» Ведь ответ на этот вопрос предполагает переход человека из налично данного в возможное существование, то есть в то, в котором человек пока еще не пребывает, но в которое при приложении определенных усилий он способен перейти. По мнению Г. Марсея, подобное (возможное) существование становится для человека возможным именно тогда, когда он оказывается способным осуществить разрыв порочного круга, образованного им и объектом, взятых в их конституирующих функциях [7, с. 173].

Рассмотрев плюсы и минусы концентрации человека на вещных ценностях, мы тем самым разобрали влияние, оказываемое на него его привязанностью к вещи. Сейчас мы предлагаем перейти к непосредственной характеристике результирующего показателя оказываемого влияния, а именно к рассмотрению типа идентичности, формируемого в данном случае. Этот тип идентичности мы обозначили как «Я-точка».

Идентичность человека типа «Я-точка» имеет такое обозначение в силу того, что человек, носитель подобного «Я», образно может быть представлен в виде точки или «пылинки». Масштаб его чрезвычайно мал, поскольку на фоне бесконечно большого числа ему подобных тел, выглядит он лишь незначительным атомом мироздания. С пылинкой его роднит также то, что он, подобно последней, готов «оставить» занимаемое им «место» по наступлении любого неблагоприятного обстоятельства. Это говорит о его неукоренности. Он со всей остротой ощущает свойственную ему случайность, благодаря которой его пребывание в мире абсолютно ничем не обусловлено.

Точка характеризуется тем, что состоит с «плоскостью» в достаточно тесных взаимоотношениях. Состояние, в котором она находится, есть ни что иное, как прикованность и статичность. Она прикована к своему положению так же, как человек прикован к своему телу (рассматриваемому в качестве ценнейшей вещи) и всему, что с ним связано. Со временем точка способна становиться «жирнее» или, наоборот, «худее», что говорит об упорчении, либо, наоборот, об ослаблении ее положения, но местоположения своего она никогда не меняет. Она на это неспособна, поскольку изменение ею своего положения равнозначно либо переходу в иное качество, возможность которого она за собой отрицает, либо же ее полному исчезновению. Подобные свойства в полной мере могут быть отнесены к человеку типа «Я-точка». Он изо всех сил цепляется за себя в качестве тела и за

«плоскость», на поверхности которой пребывает, тем самым признавая себя полностью зависимым от нее. Вцепившись в статичную «плоскость», он сам становится статичным. При этом все выглядит так, как будто плоскость держит его в своем рабстве. На самом деле это он ее не отпускает — человек потому и раб «плоскости», что сам ставит себя в подобное положение.

По словам Н.А. Бердяева, индивидуум, признавая над собой власть плоскости, становится в высшей степени детерминирован ее законами. Полностью подпадая под них, он тем самым вручает себя в полное их распоряжение, поэтому неудивительно, что он может быть легко ими растерзан. Он обречен перед всем, что сильнее его, и поэтому страшится всего этого. По словам Э. Мунье, человека в таком состоянии при малейшей мысли, что он способен вдруг потерять все то, что у него есть, буквально охватывает паника [9, с. 58]. Отсюда, законы борьбы за существование признаются им в качестве высших законов реальности, результатом чего является потрясающая рациональность сознания, характерная для подобного человека. Во всем он способен найти средство упрочнения собственного положения. Рассматривая других людей как конкурентов в данной борьбе, такой человек живет по простому принципу «выживает сильнейший». Следование этому правилу приводит к тому, что по отношению к другим он способен проявлять себя по-разному, представляя либо в образе услужливого раба, либо в образе безжалостного тирана. Однако, установка на жизнь по таким правилам, по словам А.А. Ухтомского, свидетельствует о ее скудности — дарвинистические принципы получают популярность лишь там, где осталось одно бессодержательное стремление удержать существование [11, с. 327]. «Существование» есть ничто иное как пребывание в качестве «существа», которое кроме как физиологически и психологически никак больше проявить себя не способно.

Точка проставлена на плоскости, поверхностью которой ее глубина и ограничивается. Человек подобного типа также может быть охарактеризован наличием у него свойства «поверхностности», которое проявляет себя в двух аспектах. Во-первых, поверхностность человека типа «Я-точка» проявляется в том, что он не стремится достичь прочности своего положения путем глубокого постижения сущности бытия, а именно: путем вращающегося в бытие своими корнями, в качестве которых образно может быть представлено его сознание, достичь понимания жизни. Напротив, подобно чернильному пятну, он стремится как можно шире расплзтись по плоскости и тем самым как можно громче заявить об имеющемся у него праве на существование. Устойчивость положения «Я-точки» достигается опосредованно — при помощи различных вспомогательных средств (вещей), выступающих в качестве внешних подпорок. Будучи сам по себе, он подобной устойчивостью не обладает, поскольку, как уже отмечалось, неукоренен. Во-вторых, подобный человек поверхностен в плане осознания и познания себя. По выражению С. Кьеркегора, человек этого типа (он

обозначал его как «человека непосредственности») «буквально знает себя лишь по платью; он не узнает своего Я ... иначе как сообразно своей жизни» [5, с. 287]. В этом «человек непосредственности» очень схож с «довлеющим себе особенным» М. Бубера: «Довлеющее себе особенное сознает себя самое как Так-и-не-иначе-существующее» [2, с. 52]. Своей исчерпывающей характеристикой подобный человек считает, с одной стороны, свою внешность, с другой, — неизменный цикл собственного существования, который и формирует его внешний портрет, выразимый в двух словах: «Я такое». Это роднит его идентичность с идентичностью вещи.

Очень точную характеристику человеку данного типа дал В.В. Библихин, назвав его «легким ничтожеством». Действительно, человек типа «Я-точка» неосознанно чувствует собственную несущественность, понимаемую как отсутствие у него некоего внутреннего веса. Как следствие этого, он стремится придать себе значимости в глазах окружающих внешними средствами, направленными на создание впечатления, произведение эффекта и пр. Тем самым он пытается доказать, что его масштаб значительнее, чем есть на самом деле. Отсюда, человек типа «Я-точка» может быть представлен как нечто «разбухшее» — то, размеры чего увеличены неестественным, чреватых отрицательными последствиями способом.

Не всегда остается до конца понятным, существует ли точка на самом деле и есть ли у нее хоть какое-нибудь содержание. Очень велики подозрения, что ее содержание не больше, чем видимость, а она сама — фикция. Для человека этого типа характерно пребывание в состоянии внутренней пустоты, которой он, однако же, пресыщен. Суть этой пресыщенности состоит в том, что принимая собственную пустоту за содержание, он не способен воспринять реальное содержание, идущее к нему со стороны Другого: «человек, которого мы анализируем, привык не обращаться ни к какому авторитету, кроме своего собственного» [10, с. 88]. Такой человек безъядерен, у него нет сердцевины. Он пуст и характеризуется лишь наличием внешней оболочки — является «бессамостным призраком» (Е.Н. Трубецкой), «сотканным из абстракций» (Э. Мунье). Человек данного типа есть ничто иное, как ноль, мнящий себя единицей. Ему нечего выражать вовне. Его лицо — «плоский блин» (М.К. Мамардашвили), «харя» (Л.П. Карсавин). Оно может абсолютно ничего не выражать кроме как отсутствия в данном «теле» внутреннего движения. Оно подобно лицу спящего или находящегося без сознания человека. Человек подобного типа по отношению к самой возможности обрести иную идентичность находится в состоянии, очень похожем на сон, и в этом проявляется его стремление забыться (забыть себя). Сон же этот, по словам А. Камю, есть ничто иное как «отравленное умиротворение».

Отсутствие содержания у человека подобного типа проявляется в том, что он невыносимо скучен. Его скука как состояние, переживаемое им самим, и его скучность как состояние, переживаемое при соприкосновении с ним Другого, могут быть определены как отсутствие в нем проявлений

внутренней жизни. Внутренняя жизнь «покинула» его. Он бесстрастен, равнодушен, ничто глубоко его не трогает. При этом внешне человек типа «Я-точка» может проявлять все признаки жизни. Проявляться это может в его достаточно кипучей деятельности. Однако уже Э. Фромм развенчал представление о том, что внешняя и внутренняя активность каким-то образом сопряжены друг с другом. По его словам, внешняя активность вполне может сопровождаться полнейшей внутренней пассивностью человека, что в случае с человеком типа «Я-точка» мы и наблюдаем. Данная идея находит свое подтверждение и в работах М. Бубера, который при рассмотрении «довлеющего себе особенного» отмечал, что оно обладает таким свойством, как функциональность. Человек такого типа способен быть очень эффективным в приобретении и использовании всего, с чем он соприкасается. Однако сколь угодно много он себе ни присвоил бы, отмечает М. Бубер, из этого, однако же, не выйдет его субстанции.

Точка характеризуется таким своим свойством как экзистантность, благодаря которому она есть нечто, что все еще существует, но когда-то перестанет существовать. В этом свете совершенно оправданным выглядит ее характеристика П.А. Флоренским как «тела на границе своего уничтожения» [12, с. 576]. На наш взгляд, именно экзистантностью человека подобного типа обуславливается его пребывание в состоянии закрытости по отношению к Другому. В силу того, что точка в чрезвычайной степени обеспокоена собственным существованием, она изо всех сил стремится сохранить себя представленной именно в данном качестве. Подобное стремление проявляется в том, что она, с одной стороны, боится раствориться, потерять себя в другой точке, с другой стороны, боится того, что их взаимодействие приведет к тому, что она будет вовсе стерта с лица плоскости. Это приводит к тому, что, по словам Э. Мунье, всякое отношение такого человека к Другому оказывается «гнусным принуждением» [9, с. 41]. Он не доверяет Другому, отрицает его, испытывая тем самым нечто, очень похожее на аллергию [6, с. 202], и поэтому всеми средствами стремится держать Другого на расстоянии. Это, в частности, проявляется в его отгораживании себя от Другого формами общения и оборотами речи [19, с. 391]. Тем самым, он стремится быть как можно более непрозрачным для взгляда последнего. Поддерживая состояние «герметичной непроницаемости души» (Х. Ортега-и-Гассет), он скрывает себя за занавесом неопределенности, благодаря которой способен затеряться в «массе» и тем самым оказаться в менее уязвимом положении. Отсюда можно сделать важный вывод: неопределенность есть то состояние, в поддержании которого человек типа «Я-точка» оказывается кровно заинтересован — он буквально жаждет его, поскольку оно позволяет ему достичь поставленных перед собой целей. Кроме того, проведение границы между человеком типа «Я-точка» и Другим выступает основой для ограниченности первого. В результате, широкое распространение имеет ситуация, когда люди ограниченного опы-

та гордятся своей ограниченностью и возводят эту ограниченность в норму [1, с. 46].

Точка может быть рассмотрена как черная дыра в миниатюре. Несмотря на свой малый размер она способна претендовать на господство над всей «плоскостью». Подобно ей, человек этого типа также был бы не прочь распространить свое влияние и господство в как можно больших масштабах. Будучи очень претенциозным, он хотел бы втянуть весь мир в орбиту своих интересов и тем самым использовать его по максимуму для удовлетворения своих все возрастающих потребностей — буквально «съесть» и «переварить» его.

У человека типа «Я-точка» проявляется склонность рассматривать себя в качестве центра мироздания — этаким центром тяготения, в которой якобы нуждаются и к которой должны быть устремлены все остальные точки. Из-за видения себя подобным образом он оказывается полностью сосредоточен на самом себе, а именно: склонен сводить всю среду, весь мир к единственной точке реальности, в качестве которой выступает он сам, и тем самым выступать как человек типа «Я и точка». Свои представления о себе и окружающем в отличие от представлений других он считает наиболее близкими к истине.

Несмотря на то, что человек типа «Я-точка» рассматривает себя как нечто, содержанием чего исчерпывается содержание всего мира, согласно С. Кьеркегору, он (как человек «непосредственный») является всего лишь еще одним явлением, еще одной деталью в необъятности временного, всего лишь составной частью остального материального мира. Это положение практически полностью совпадает с индивидуумом Н.А. Бердяева, согласно которому он не только может быть частью рода или общества, как и космоса в целом, но он и мыслится как часть целого. В случае с человеком типа «Я-точка» этот момент может быть представлен как его полнейшая принадлежность «плоскости» — он есть одна из ее частей. Отсюда, естественно, его стремление «встроиться в бытие» [17], вписаться в существующий порядок, занять хоть какое-то место, которое он мог бы считать своим. При этом плоскость в данном случае способна проникнуть в само нутро человека, тем самым уподобить его себе, сделать его таким же «плоским» и «одномерным». Она способна распятыть его на своей поверхности подобно тому, как это бывает с подопытной лягушкой, лишит его внутреннего содержания, овеществит и тем самым внутренне (духовно) умертвить.

Проникновение в человека плоскости может быть рассмотрено, как проникновение в него того, что Г. Марсель и Х. Ортега-и-Гассет обозначали как «он». «Он» характеризуется ими следующим образом. Во-первых, оно неопределенно и неопределимо, то есть безлико. Во-вторых, оно безымянно. В-третьих, «он» кажется полюсом любого избегания, всяческого уклонения — оно избегает занимать твердую позицию, выразимую в словах или-или. Любые попытки заставить его ответить на вопрос «кто?» заканчиваются тем, что он уходит от ответа. В-четвертых, оно безответственно, поскольку его невозможно поймать на одном месте: вот оно есть и его уже нет. В-пятых, оно не

имеет собственного голоса, поэтому выразаться оно способно только через находящегося в ее власти человека, который в результате этого теряет собственный «голос» и говорит только то, что ему диктует «он». Проникая в человека «он» уподобляет его себе, поэтому вышеперечисленные свойства «он» могут быть смело отнесены к человеку типа «Я-точка». Но главное, что хотелось бы выделить, — это то, что безличность «он», проникая в человека, делает его также безликим и неидентифицируемым, в результате чего его идентичность оказывается трудносхватываемой, а он сам деперсонализован.

Уподоблением человека плоскости можно объяснить пассивность подобного человека, взятую в ее внешнем и внутреннем аспекте. Это подтверждается С. Кьеркегором, отмечавшим, что «Я» подобного человека всегда остается пассивным: даже если это Я желает, оно всегда остается как бы в дательном падеже, как если бы ребенок говорил: «мне хочется». Только состояние «голода» и обзор средств его удовлетворения способны оживить взор и привести в движение подобного человека. Только благодаря внешнему стимулированию для человека типа «Я-точка» становится возможным преодоление его внутренней инертности. Отсюда его потребность в различного рода внешнем воздействии, которое можно обозначить одним словом как «щекотка»: потребность в юморе, в острых ощущениях (переживания состояния «безопасного», контролируемого, не угрожающего жизни страха), в различного рода возбуждении (сексуальном, наркотическом и т. д.). Человек такого типа отвечает на воздействие, то есть действует вынужденно, не свободно. Внутренних источников для прорыва пассивности (прозябания) у него нет. Отсюда, его стремление окунуться во внешние перемены, способные хоть на время отвлечь свое внимание от внутреннего застоя, преодолеть который он не в состоянии. Именно по отношению к такому человеку является эффективным употребление таких средств воздействия как «кнут и пряник», «хлеб» и «зрелища». Итак, можно сделать важный вывод: человек типа «Я-точка» приводится к жизни извне, а не изнутри. Живет он по большей части внешним, поэтому здесь, во внешнем и пытается найти себя.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы. Человек, связываясь с вещью, сам становится подобен вещи: представляет собой не более, чем тело, находящееся «на границе своего уничтожения». В этом случае его идентичность может быть определена при помощи методики, успешно применяемой по отношению к вещи, а именно: о его идентичности становится возможным судить на основе его внешних характеристик. Идентичность человека, связавшего себя вещами, может быть охарактеризована целым рядом негативных образов. Среди них более или менее нейтральным, насколько возможно лишенным эмоциональной окраски и потому наиболее близким к идеалу научного познания образом, способным выразить сущность человека подобного типа, является проставленная на плоскости точка. Именно точка способна образно передать всю трудность положения, в котором оказался подобный человек.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды / Н.А. Бердяев. — М.: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 1999.
2. *Бубер М. Я и Ты* / М. Бубер // Два образа веры. — М.: Республика, 1995. — С. 15—92.
3. *Извеков А.И.* Проблема личности постмодерна: Кризис культурной идентификации / А.И. Извеков. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008.
4. *Ильин И.А.* Путь духовного обновления / И. А. Ильин // Путь к очевидности. — М.: Республика, 1993. — С. 133—288.
5. *Кьеркегор С.* Страх и трепет / С. Кьеркегор; пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева. — М.: Терра-Книжный клуб; Республика, 1998.
6. *Левинас Э.* Избранное. Тотальность и бесконечное / Э. Левинас. — М.; СПб.: Университетская книга, 2000.
7. *Марсель Г.* Опыт конкретной философии / Г. Марсель. — М.: Республика, 2004.
8. *Марсель Г.* Присутствие и бессмертие. Избранные работы / Г. Марсель. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007.
9. *Мунье Э.* Манифест персонализма / Э. Мунье; пер. с фр.; вступ. ст. И.С. Вдовиной. — М.: Республика, 1999.
10. *Ортега-и-Гассет Х.* «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве: Сб. / Х. Ортега-и-Гассет. — М.: Радуга, 1991.
11. *Ухтомский А.А.* Доминанта / А.А. Ухтомский. — СПб.: Питер, 2002.
12. *Флоренский П.А.* Сочинения. В 4 т. Т. 2 / П.А. Флоренский; сост., общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачева. — М.: Мысль, 1996.
13. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи / П.А. Флоренский. — М.: АСТ, 2003.
14. *Флоренский П.А.* Философия культа (Опыт православной антропологии) / П.А. Флоренский; сост., вступ. ст. С.Г. Антоненко, вступ. ст. и коммент. С.М. Половинкин, игумен Андроник (Трубачев). — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
15. *Франкл В.* Человек в поисках смысла: Сборник / В. Франкл; ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева; вступ. ст. Д.А. Леонтьева. — М.: Прогресс, 1990.
16. *Фромм Э.* Иметь или быть? Ради любви к жизни / Э. Фромм. — М.: Айрис-Пресс, 2004.
17. *Хайдеггер М.* Тожество и различие [Электронный ресурс] / М. Хайдеггер; пер. с нем. А. Денежкина; ред. О. Никифорова. — М.: Гнозис; Логос, 1997. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/heideg/tozh-i-dif.html>.
18. *Яременко С. Н.* Смыслы и стили жизни как маркеры идентичности человека / С. Н. Яременко. — Ростов-на/Д.: ИЦ ДГТУ, 2008.
19. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / К. Ясперс; пер. с нем. — 2-е изд. — М.: Республика, 1994.

Проблема когнитивных искажений при оценке рисков и принятии инновационных решений¹

Статья посвящена проблемам, которые подлежат решению в случае прогностической оценки рисков инноваций с непременным учетом возможных социальных последствий инновационного процесса. Особое внимание уделено стимулирующей роли интеллектуальных заблуждений и ошибок, влияющих на итоговый результат и принятие решений.

Ключевые слова: эпистемология, социальная динамика, синергетика, вероятность, прогнозирование, образ будущего, риски, принятие решений, инновации, экспертные методы, интуиция, форсайт, когнитивные искажения, интеллектуальные ошибки.

Неопределенность будущего

Особый способ предвидения будущего — одно из эволюционных преимуществ человека. И этот способ видеть будущее, причудливо усложнившийся в процессе эволюции, сам по себе далеко еще не прекратил своего развития и продолжает развиваться.

Социальные науки в целом могут рассматриваться как один из тех путей, по которому пошла эволюция этого способа «видеть будущее» именно представителями Homo sapiens. Однако стиль жизни и образ мысли человека даже начала XX века не идет ни в какое сравнение с тем, что мы имеем сейчас. Изменения разительны и во многом благодаря тому потоку инноваций, который обрушился на человечество за прошедшие сто лет.

Многие социальные философы, социологи, футурологи уже сегодня предчувствуют качественное изменение всего человечества, которое может состояться на протяжении текущего XXI века. Однако дать достаточно исчерпывающую характеристику того нового, что нас ждет на самом деле, при всем многообразии попыток это сделать, увы, никто из

В.А. Бажанов

М.В. Гондаренко

¹ Работа поддерживалась грантом ФЦП Министерства образования и науки РФ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013.

них по отдельности, по-видимому, не в состоянии. Время пророков и прорицателей, похоже, ушло безвозвратно. Вблизи 2030 года ряд прогностических кривых, экстраполяция которых позволяла до самого последнего времени отчасти предвидеть черты ближайшего будущего, уходят в бесконечность. Рост неопределенности представлений о будущем одна из ведущих черт современного состояния общественных наук. Чем же определяется этот рост?

Во-первых, неопределенность возрастает в связи с взрывным характером развития технического прогресса, в особенности информационно-телекоммуникационных, нано-, био- и когнитивных технологий, непредсказуемое взаимодействие которых задает особую сложность прогнозирования социальной динамики [2] и подводит к мысли о необходимости для принятия эффективных решений создания центров, которые взяли бы на себя координацию «нелинейных по своему характеру, поливариантных и статистически детерминированных процессов инновационного развития» [6, с. 52].

Во-вторых, специфические вклады в динамику социальных процессов ныне вносятся процессами глобализации, которая в условиях как легального, так и нелегального неконтролируемого обмена новыми технологиями в сочетании с нарастающими масштабами инновационного процесса в целом также резко усиливает общую нестабильность социума, причем, как в региональном, так и в глобальном масштабе его анализа.

Обмен инновациями между различными центрами политического и экономического влияния, сам по себе трудно предсказуемый, вносит дополнительную долю неопределенности при построении образа ожидающей нас всех социальной динамики.

Можно с полной определенностью предполагать, что последняя отнюдь не будет унифицироваться, но напротив, будет становиться все более причудливой и непредсказуемой. В подобных условиях возрастают вероятности появления множества новых точек бифуркации, в которых растет неустойчивость социальных процессов, порождая, в конечном счете, их неожиданное разветвление и движение по альтернативным путям. Прежние представления о прогрессивной эволюции социальных систем путем накопления малых контролируемых обществом изменений в рамках синергетической парадигмы уступают свое место представлениям о скачкообразных подвижках, могущих привести не только к качественно новым социально желательным состояниям, но и к состояниям аномального неблагоприятного характера.

Третий (и весьма важный) фактор роста неопределенности будущего связан с отсутствием единой методологии и инфраструктуры независимой экспертизы рисков, связанных с принятием и распространением нового.

Наблюдаемый сегодня рост неопределенности будущего связан и с тем обстоятельством, что в разных фазах социального развития различных социальных структур состав и приоритеты релевантных факторов, которые

должны быть учтены при построении прогнозов и принятии решений и, соответственно, «дорожных карт» неизбежно меняются.

Унификация и стандартизация на уровне описания наборов релевантностей, по-видимому, с неизбежностью рано или поздно ведет к ошибкам и искажениям. Поэтому даже хорошо проработанные и детально формализованные прогнозные системы при определенных условиях утрачивают свою способность к предсказаниям, а шаги на пути к «желаемому будущему» согласно разработанной «дорожной карте» могут оказаться систематическим продвижением в тупиковом направлении.

Внесение же поправок с учетом совершенно новых начальных условий зачастую означает полную замену принципов и подходов прогнозирования, что как раз и наблюдается в последнее время в футурологии и прогностике.

В результате образ ожидающего нас будущего сегодня может быть представлен как надо всем доминирующий *хаос*, в условиях которого элементы порядка, если они пока еще и обнаруживаются, увы, уже не позволяют делать надежных прогнозов с опорой на знания, принципы и подходы, которые срабатывали ранее, но не срабатывают теперь.

В этой некомфортной ситуации постоянной изменчивости и неопределенности, по понятным причинам, у многих проявляется беспокойство. Последняя вполне оправдана, поскольку осознание тенденции к нарастанию новых ранее неизвестных нам рисков подтверждается уже состоявшимися событиями последних 50—60 лет.

Если же далее сосредоточить внимание на инновациях, то можно констатировать, что инновации сегодня действительно пронизывают всю нашу жизнь. Однако вполне очевидно, что среди множества нововведений, которые в последние десятилетия распространяются в различных сообществах и как будто бы должны нести безусловное благо, могут оказаться (и на самом деле обнаруживаются) инновации критического характера, те, которые отнюдь не всегда содействуют устойчивости и стабильности различных сообществ, но, напротив, влекут за собой их неустойчивость и даже более того увеличивают риски, причем зачастую риски не только региональной нестабильности, но и риски глобальных катастроф.

В этой связи вряд ли будет обоснованным и разумным практиковать слабодифференцированный подход к инновационному процессу и инновационному целеполаганию как к безусловно позитивному процессу, несущему всем людям безусловное благо (сущность этого подхода и особенности общепринятой интерпретации инновационного целеполагания обстоятельно изложены Г.В. Сориной [11, с. 138—139]). Тем более очевидно, что по отношению к инновациям, угрожающим потерей стабильности для какого-либо сообщества и, более того, несущим в себе риск угрозы самому выживанию человека как вида, может быть применима концепция «управляемого хаоса».

В то же самое время, с позиций синергетики, хаос необходим для возникновения нового. Возникает парадоксальная ситуация: хаос нужен нам для движения вперед, но хаос мешает нам видеть путь впереди, чтобы двигаться осознанно. В результате резко возрастают риски «падения в пропасть».

О важности экспертных методов

В социальной сфере при всем обилии имеющихся методов оценки инноваций, проектов и отдельных регулирующих воздействий до сих пор отсутствуют четкие критерии и процедуры отделения безопасных нововведений от нововведений несущих потенциальную угрозу.

Разумеется, эта ситуация напрямую связана со сложностью процедур вероятностного прогнозирования будущего. Эта сложность, которая может быть описана как хаотическая, достаточно сильно выражена даже в случае оценки рисков внесения отдельных изолированных друг от друга инноваций. Еще более она возрастает в случае оценки взаимосвязанных неоднородных комплексов инноваций, которые могут лежать в основе целого спектра инструктивных или неинструктивных решений. Действия по исполнению этих решений в нештатных ситуациях, вызванных процессами с повышенным риском, могут оказаться между Сциллой требований инструктивного решения и Харибдой неопределенности оптимального решения, снимающего эту нештатную ситуацию, когда «грань между жестким действием инструкции и индивидуальным вкладом субъекта в процессе решения порой достаточно размыта» [11, С. 184].

К тому же проблема оценки инновационных рисков именно в социальной сфере имеет свою специфику постольку, поскольку речь в данном случае идет не только и не столько об экономической эффективности отдельных инноваций, но, прежде всего, о том сложнейшем комплексе социальных последствий, которые могут быть сопряжены с развитием инновационного процесса.

Так, в экономической деятельности отдельных корпораций (крупных и мелких) ключевая функция инноваций заключается в усилении их конкурентных преимуществ. Здесь оценка рисков направлена, прежде всего, на отбор наиболее выгодных проектов и общий рост объема прибыли. Даже при использовании радикальных (наиболее рискованных) инноваций, направленных на обеспечение долгосрочных преимуществ перед конкурентами, может быть избрана такая стратегия управления рисками, которая позволяет корпорации растворить отдельные потери среди множества полученных выгод. Практика показывает, что корпорация может пойти на сознательный выбор заведомо крайне рискованных проектов, заведомо наносящих кому-либо какой-либо ущерб (например, даже самой репутации фирмы), если общий баланс в итоге складывается все-таки в пользу получения экономических преимуществ.

В социальной сфере 1) критерии отслеживания и оценки рискованных инноваций отнюдь не сводятся только к экономическим показателям;

2) риски отдельных инноваций являются «слаборастворимыми» и с трудом компенсируются иными выгодами; 3) малый ущерб от реализации рискованных проектов может с лихвой перевесить полученные преимущества и надолго подорвать имидж властей в глазах общественности.

Хорошо известно, что менеджмент инноваций достаточно широко использует так называемый cost-benefit анализ. Однако наиболее адекватная форма его применения (несмотря на то, что сам по себе этот метод включает в себя оценку влияния какого-либо проекта на общественное благосостояние) сопряжена, прежде всего, с оценкой *экономической* эффективности инноваций. Данный вид анализа направлен на оценку баланса издержек и выгод, и в целом зачастую вынужденно оставляет вне поля зрения аналитиков *неэкономические* критерии эффективности.

Основная причина, по которой ограничения метода не дают возможности распространить данный подход к оценке рисков *любых* инноваций, требование оценки «издержек» и «выгод» в некоей единой валюте, в качестве которой обычно используются деньги. При этом «издержки» социального, этического, экологического, политического или, наконец, эволюционного характера либо вынужденно игнорируются, либо оцениваются очень грубо, приблизительно.

Систематические исследования по оценке рисков имеют недавнюю историю, которая начинается всего лишь в середине 70-х годов прошлого века.

В настоящее время, по некоторым данным, известны десятки различных методов прогнозирования. Для нас существенно, что в тех ситуациях, когда число значимых факторов достаточно велико, а построение математической модели и ее корректная формализация затруднены (именно подобная ситуация типична при оценке как отдельных инноваций, так и исследования взаимодействия их отдельных паттернов), используются, прежде всего, методы, опирающиеся на мнение экспертов, которые, в свою очередь, выносят умозаключения и выводы, опирающиеся на их интуитивное видение.

Сама по себе эволюция методологии и методов предвидения будущего весьма поучительна и заслуживает отдельного специального анализа. Е.В. Балацкий, рассматривая известные ныне четыре основные технологии предвидения будущего (прогнозирование, планирование, футурологию, форсайт), обращает внимание на признаки преемственности в их становлении [3], благодаря которым можно говорить об этапности становления некоей общей технологии. С этих позиций технология форсайта, например, выступает в качестве своеобразного итога становления этой общей технологии [5]. При этом характерной чертой технологии форсайта является возврат к использованию интуитивной экспертизы, которая позволяет подключить к анализу коллективную интуицию большого числа компетентных экспертов.

В этом возврате к интуиции, но интуиции теперь уже коллективной, усматривается, с одной стороны, своего рода повторение стадии «пророков и прорицателей», но на новом более высоком качественном уровне, а

с другой, — обещание пока еще не ясной в своих основных чертах дальнейшей эволюции способности человека (как социального существа) строить образ будущего.

Осознание ограниченности формальных прогнозных моделей и возвращение к творческим потенциям человека (эксперта) весьма показательны. Однако новый виток развития технологий вероятностного прогнозирования, который недвусмысленно обозначает распространение и признание технологии форсайтов, как нам представляется, ставит множество новых эпистемологических проблем.

Одна из них напрямую связана с новым нетривиальным знанием о характере (и источниках) тех когнитивных искажений, которые сопровождают творческую деятельность аналитика-эксперта в тех случаях, когда он обращается к построению образа будущего.

Сам по себе факт наличия когнитивных искажений, могущих возникнуть в ходе познавательной деятельности любого человека, хорошо и давно известен. Но интрига вновь возникшей ситуации заключается как раз в том, что именно в этой специфической области человеческой деятельности (интуитивная творческая деятельность эксперта, строящего образ будущего) благодаря последним исследованиям в области когнитивной психологии обнаружено большое число ранее неизвестных (и зачастую поразительных) эффектов, которые, несомненно, представляют интерес и более общего, эпистемологического свойства.

Когнитивные искажения в интуитивной экспертизе

Уже при использовании формализованных моделей был описан психологический эффект, подобный эффекту Элизы (ассоциирование знаков или слов с понятиями у человека), обнаруженного при компьютерном моделировании психотерапевтического воздействия на клиента, вера в особую достоверность результатов, полученных при таком подходе, когда он возможен.

При исследовании будущего с опорой на мнения экспертов также возникает ряд когнитивных эффектов, требующих особого изучения, в том числе и с позиций эпистемологии.

Организация экспертной деятельности отнюдь не сводится к выбору отдельных ранее уже разработанных методов и конструированию приемлемой их комбинации. Дело обстоит гораздо сложнее. И эта сложность носит принципиально неоднозначный характер. Интуитивные экспертные оценки, дающие возможность проработать (в качественном и количественном отношении) вероятностный образ будущего, представляют собой особый, явно нетривиальный предмет исследования.

В литературе были выделены и описаны несколько пересекающихся друг с другом категорий когнитивных искажений (систематических ошибок), которые обнаруживаются при вынесении интуитивных экспертных заключений и, в конечном итоге, могущих оказать довольно существен-

ное влияние на оценку рисков. Так, помимо ошибок памяти, поведенческих стереотипов, ригидности установок, в данном контексте представляют особый интерес когнитивные искажения, связанные с экспертной оценкой вероятностей событий (альтернатив), устойчивые систематические ошибки, связанные с личностными особенностями экспертов, а также предрасположения, проистекающие из особенностей содержания знаний, которыми обладают эксперты, и характера их верований [8].

Особый класс типичных ошибок в работе экспертов, заслуживающих более подробного рассмотрения, обнаруживается в ходе экспертной оценки вероятностей прогнозируемых исходов. Многочисленные исследования корректности экспертных оценок, проведенные в рамках когнитивной психологии и эвристики, сходятся в одном: эксперты статистически достоверно занижают риски неблагоприятных событий. При оценке комплекса неблагоприятных событий, которые могут затруднить реализацию какого-либо внедренческого проекта, также наблюдается недооценка их значимости. Реальные сроки в ряде случаев существенно превышают те, которые эксперты называют для условий с самыми неблагоприятными обстоятельствами. Таким образом, априорный статус исходов, характеризуемых в качестве «благоприятных» или «неблагоприятных» влечет за собой смещение оценок их вероятности в сторону недооценки вариантов опасного развития событий. Слабая реакция на угрозы характерна не только для компетентных экспертов, но в целом для большинства представителей *Homo sapiens*.

Парадоксальным образом огромные реальные потери от неправильной оценки вероятностей, как показывает опыт, определяются тем, что вероятностные прогнозы игнорируют возможности ущерба от беспрецедентных и чрезвычайно маловероятных событий. Н.Н. Талеб [16] дал этой категории событий драматическое наименование «Черных лебедей», которые являются особенно серьезным аспектом проблемы мощных непредсказуемых последствий: иногда большая часть вариативности процесса происходит из исключительно редких, но принимающих масштабный характер событий (аргументация Н.Н. Талеба в пользу чрезвычайной важности учета феноменов «черных лебедей» подвергается солидной критике с позиций классических представлений теории вероятностей [14], но эта критика почти не затрагивает самого факта существования феноменов такого рода). Поэтому, замечает Н.Н. Талеб, «следует ограничивать ошибки и неверные расчеты людей небольшими зонами, не давая им распространяться по всей системе, как делает мать-природа... Это создает искусственный покой» [12, с. 36—37].

Более того, «кажется, что люди, пишет Е. Юджовски, не экстраполируют опыт пережитых малых опасностей на возможности более серьезных рисков; наоборот, прошлый опыт малых опасностей устанавливает верхнюю границу ожиданий максимально возможного риска. Общество, хорошо защищенное от малых опасностей, не будет предпринимать никаких действий по отношению к большим рискам» [13]. В дополнение к этому,

исследователи моделей рассуждений и погрешностей также констатируют устойчивую тенденцию занижения частот более вероятных событий и завышения событий редких.

Изучение процессов вероятностного прогнозирования показало, что вероятности сложных событий оцениваются экспертами менее качественно, чем вероятности простых. С точки зрения теории вероятностей альтернатива, подлежащая оценке, описываемая с помощью нескольких независимых признаков, делает ее появление менее вероятным. Однако вмешательство сугубо психологических факторов приводит к тому, что добавление каждой новой детали в описание альтернатив делает их все более достоверными.

Людам часто не удается корректно оценить вероятность совпадений всех независимых событий в какой-либо серии. Причем эта тенденция сопровождается недооценкой вероятностей хотя бы одного события из серии, подлежащей анализу. Вероятность же серии событий статистически значимо переоценивается.

По меньшей мере, здесь просматривается влияние гештальта, объединяющего по тем или иным причинам для субъекта оценки события серии в единый образ, в то время как в реальности события продолжают оставаться независимыми друг от друга. В результате, например, введение в действие нескольких отдельных инноваций может восприниматься экспертами как более благоприятный исход, в то же самое время возможные негативные последствия, связанные с отдельными инновациями, уйдут на задний план, а необходимые меры защиты от ущерба заблаговременно приняты не будут.

Особо интересны в этой связи эффекты влияния различного рода «якорей», которые вызывают смещения экспертных оценок тех же вероятностей, хотя и не только их одних. Под «якорем» в когнитивной психологии имеется в виду бессознательная привязка субъекта к некоторой неинформативной условной точке отсчета, положение которой на оценочной шкале, вообще говоря, может быть произвольным.

Так, Е. Юдковски описывает реальные эксперименты, в которых в пределах диапазона возможных оценок случайным образом экспериментатором задаются произвольные «якоря». Выясняется, что дальнейшие действия человека, выносящего оценку по какому-либо параметру, производятся явно с последующей подстройкой экспертных оценок к положению «якоря». Подстройка осуществляется с учетом условного значения якоря до того момента, пока рассматриваемая оценка кажется субъективно невероятной. Якорь случайным образом может оказаться и в начале, и в конце оценочной шкалы. Тем не менее, субъективные оценки как будто бы «подтягиваются» к местоположению якоря.

Таким образом, при вынесении интуитивных экспертных оценок эффект «якорения» приводит либо к недооценке, либо к переоценке оце-

ниваемого параметра, а зона субъективной уверенности в правильности полученных оценок резко сужается. Как было установлено, якоря могут формировать и абсолютно невероятные оценки. Более общая форма этого феномена стала известна как эффект наложения (contamination effect), поскольку оказалось, что почти любая информация может повлиять на интеллектуальное суждение [15].

Обобщая данные исследований, можно прийти к выводу, что в ходе вынесения экспертных заключений, в частности, явно нерелевантные данные могут выполнять роль подобных якорей, смещая релевантные рассуждения и накладываясь на рассматриваемые субъектом гипотезы. Начиная обычно именно с нерелевантных данных, эксперты далее производят подстройку в правильном направлении, однако эта подстройка, продолжаясь до получения убедительно звучащего ответа, тем не менее, сохраняет возможность недооценки некоего важного параметра. Шансы на недооценку параметра, как обнаруживается, возрастают в ситуациях с более высокой интеллектуальной нагрузкой.

В контексте рассмотрения проблемы оценки рисков важно иметь в виду, что эксперты по большей части не сознают, что их оценки были подцеплены тем или иным якорем. Якорные эффекты в рассуждениях экспертов не ослабляются или ослабляются незначительно, например, при денежном поощрении экспертов, а также при наличии явных инструкций, направленных на минимизацию влияния нерелевантных данных — широко распространены в ситуациях из реальной жизни.

Дело осложняется тем, что достоверно проконтролировать наличие якорного эффекта в экспертных заключениях во всех возможных случаях пока что не представляется возможным, поскольку в функции фактических якорей могут оказаться как элементы любого знания, так и элементы верований, которые хотя и не являются релевантными при анализе реальной проблемы, но дают толчок процессу рассуждений.

Привлекает внимание и феномен сверхуверенности. Довольно распространенным методическим приемом в экспертных опросах является использование контрольных шкал уверенности. Так, при измерениях степеней согласия (несогласия) экспертов с некими содержательными высказываниями последние могут сопровождаться типовым вопросом «насколько Вы согласны с этим утверждением?». Такой подход ранее представлялся вполне оправданным, поскольку степень уверенности в ряде случаев значимо коррелировала с компетентностью эксперта. Считалось, что косвенно показатель уверенности может указывать на более вероятные альтернативы, особенно при наличии статистически значимого согласия множества отдельных экспертов друг с другом.

Однако последующие исследования и здесь показали неправомочность однозначного отношения к уверенности эксперта, которую он приписывает своим заключениям. Во-первых, как выясняется, субъективная сте-

пень уверенности может быть достаточно высокой и при явно ошибочных оценках, сильно расходящихся с подлинными значениями оцениваемого параметра. Во-вторых, было установлено устойчивое смещение оценок уверенности по отношению к событиям благоприятного и неблагоприятного характера.

Люди в целом скорее склонны верить в то, что «все будет хорошо», чем ожидать неприятностей. Тем самым, вероятности неблагоприятных исходов уверенно недооцениваются. Реальность же, как неоднократно оказывалось, зачастую преподносит нам результаты, гораздо худшие, чем самый наихудший случай, который мы можем себе вообразить. Таким образом, субъективные оценки степени достоверности собственных выводов самими людьми, выносящими оценки неким объективным параметрам, в целом не может быть достаточно надежной. Следовательно, экспертиза рисков инноваций должна учитывать, что неблагоприятные последствия введения тех или иных конкретных инноваций на основе интуитивных экспертных оценок скорее будут недооценены, чем переоценены, если не предусматривать соответствующих контрольных процедур. «Оценка эксперта, сильно уверенного в своем мнении, принципиально отличается от вычислений, сделанных исключительно на основе статистических данных или исключительно на основе адекватной, точно подтвержденной модели. Во всех случаях, когда эксперт утверждает, даже на основании точных вычислений, что событие имеет вероятность 10^{-6} , он наверняка ошибается чаще, чем один раз на миллион» — отмечает Е. Юджовски [13].

Весьма значимой при оценке рисков представляется характер позиции того или иного эксперта по отношению к конкретной проблеме или проекту («внутренний» — «внешний» взгляд на проект). Наличие внутреннего взгляда на решаемую проблему, а также доступ ко всей полноте имеющейся информации, связанной с ней, как выяснилось, также отнюдь не всегда способствует адекватности выносимых экспертом оценок. Те из экспертов, которые были погружены в оцениваемый проект, давали устойчиво смещенные (заниженные) оценки сроков его реализации.

Таким образом, с позиций эпистемологии реальное когнитивное поведение людей, в частности, при построении образа будущего, требует особого пристального внимания и изучения. Известный принцип фальсифицируемости К. Поппера в массе вовсе не является общепринятым руководством к действию. Для обычных людей характерно стремление в значительно большей степени найти именно свидетельства в пользу своей «любимой» гипотезы, но никак не ее опровержения. В результате возникают многочисленные интеллектуальные ошибки, связанные с фактом подтверждения рассуждений (что особенно, видимо, имеет пагубные последствия в медицинских диагнозах, полученных на основании признаков, подтверждающих некую болезнь, но игнорирующих признаки, которые противоречат её наличию).

Исследователи предубеждений различают при этом случаи «прохладной» и «горячей» уверенности. Вмешательство эмоций в интеллектуальный процесс делает «горячую» уверенность более устойчивой и менее подверженной коррективам.

Этот ряд ошибок, в свою очередь, дополняется ошибками, проистекающими из пристальной критичности: «Когда люди подвергают те свидетельства, которые противоречат их точке зрения, более пристрастному анализу, чем те, которые ее подтверждают, это называется мотивированный скептицизм или интеллектуальная ошибка несогласия (disconfirmation bias). Ошибка несогласия особенно деструктивна по двум причинам: во-первых, два подверженных этой ошибке спорщика, рассматривая один и тот же поток свидетельств, могут изменить свою веру в противоположных направлениях — обе стороны выборочно принимают только привлекательные для них свидетельства. Накопление большего числа свидетельств не приведет этих спорщиков к согласию. Во-вторых, люди, которые являются более опытными скептиками: которые знают больший набор логических нестыковок, но применяют этот навык избирательно, могут изменять свою точку зрения гораздо медленнее, чем неопытные спорщики» [13].

В ходе исследований обнаруживается также довольно типичное принятие немотивированных эвристик, которые подключаются в ситуации неопределенности, недостатка времени или особой сложности ситуации вынесения оценок.

Выделяются также когнитивные искажения, связанные с характером схем представления знаний, в частности, схем, ориентированных на корректность. Ключевым свойством последних является их признание всеми членами данного сообщества как общепринятой нормы. Снижение корректности представления знаний проявляет себя в неполноте, неоднозначности, противоречивости. При этом индивидуальная чувствительность к неоднозначности и неполноте схем представления знаний сильно варьирует от индивида к индивиду. Из этого можно заключить, что внесение необходимых корректив в знания есть функция определенных членов данного сообщества, но отнюдь не всех вместе взятых.

Особый интерес представляют сегодня также и когнитивные искажения, связанные с нетранзитивностью экспертных оценок. Под нетранзитивностью понимается нарушение отношения строго порядка при сравнении нескольких альтернатив. Так, если $a > b$ и в то же самое время $b > c$, транзитивные предпочтения будут иметь место в случае истинности $a > c$. Следует отметить, однако, что транзитивность предпочтений эксперта в качестве универсального принципа в последнее время также поставлена под сомнение и не может служить признаком нерациональности его мышления. Напротив, находят все больше подтверждений тому, что в ряде случаев и нетранзитивные предпочтения также могут иметь рациональные обоснования и объяснения [9].

Здесь важно подчеркнуть: в ходе прогностической оценки отдельных инноваций и их паттернов неизбежно использование многокритериальных оценок, но именно с задачами многокритериальных экспертных оценок связаны факты нетранзитивности экспертных предпочтений.

Кроме того, весьма существенно, что помимо разного рода когнитивных искажений [13], возникающих в ходе экспертного оценивания, наблюдается также достаточно устойчивый эффект маскировки ошибок [1], причем последний не следует рассматривать как признак недобросовестности или некомпетентности того или иного эксперта.

При большом количестве экспертов обычно используется формальных оценочных шкал с последующим усреднением экспертных оценок. Однако такой сугубо формализованный подход к процессу извлечения знаний эксперта существенно обедняет картину будущего. Разумеется, для аналитиков в ряде случаев допустимо и даже желательно обращаться к конкретному образу будущего посредством получения свободных описаний от экспертов. Но и в этом случае уже коллектив аналитиков может оказаться под влиянием, так называемой, систематической ошибки «хорошей истории».

«Рассказчики историй, — пишет в этой связи Е. Юдковски, — соблюдают строгие правила повествовательности, не имеющие отношения к реальности. Драматическая логика — это не логика. Вдохновленные писатели знают, что одной правды мало: нельзя заставить поверить в невероятное событие из вашего произведения путем цитирования примеров из реальной жизни. Хорошая история раскрашена яркими деталями, расцвечена цветущими метафорами; рассказчик историй должен быть конкретным, твердым и точным, как камень. Но в предвидении будущего каждая добавленная деталь является дополнительной нагрузкой! Правда — это тяжелая работа, и — не для рассказчиков историй. Мы должны избегать не только одурачивания фантастикой в виде нашей неспособности совершить ментальное усилие, чтобы разувериться в ней, но также того, чтобы фантастика наложилась на наше мышление и стала точкой отсчета для наших суждений. И мы должны осознавать, что мы не всегда осознаем это наложение» [13].

Заметную группу интеллектуальных ошибок составляют систематические ошибки, проистекающие из того, что каждый из экспертов в ходе экспертизы выступает в качестве субъекта специфической деятельности, но при этом остается той особой своеобразной личностью, которая неизбежно вносит в процесс деятельности (и, разумеется, в итоговые его результаты) свой особый специфический вклад.

Действительно, установлено, что эффективность вероятностного прогнозирования коррелирует с рядом индивидуальных психологических особенностей экспертов. Так, например, А.В. Залешин и И.Н. Шергин показали, что склонность к риску способствует вынесению более надежных оценок [4]. С другой стороны, склонность к обобщениям и диапазон ког-

нитивной эквивалентности, будучи индивидуально устойчивыми характеристиками личности, определяют уровень ошибок при концептуальном моделировании [7].

Увеличение количества экспертов, конечно же, в целом как будто бы способствует уменьшению влияния личностных факторов за счет взаимной компенсации искажений разного знака при соответствующем планировании репрезентативных выборок экспертов [10]. Однако этот подход предполагает предварительное квалифицированное психологическое тестирование лиц, участвующих в экспертизе, что не всегда возможно.

При этом также неизбежно в общей массе работающих экспертов теряется наиболее эффективный и адекватный эксперт, образ будущего которого объективно имеет наивысшие шансы на воплощение в действительность. Иными словами, «пророки» в технологиях коллективных интуитивных экспертных оценок никогда не приобретают и, похоже, не могут приобрести статуса наиболее эффективного «прорицателя».

Таким образом, рассматривая различные категории когнитивных искажений, можно прийти к выводу, что при построении образа будущего (как это делается, например, при использовании технологии форсайта с привлечением иногда сотен и тысяч экспертов) далеко не все из выделенных исследователями когнитивных искажений могут быть устранены только за счет увеличения количества экспертов.

Иными словами, любая комбинация процедуры вынесения интуитивных экспертных оценок с различного рода статистическими процедурами, направленными на сглаживание влияний разнонаправленных когнитивных искажений, может оказаться заведомо неэффективной.

Многие когнитивные искажения подчас напрямую не связаны с нарушением логики, сопровождаются искренним убеждением экспертов в своей правоте, не могут интерпретироваться как результат сознательного намерения эксперта ввести кого бы то ни было в заблуждение. Непроизвольный эффект маскировки приводит к тому, что когнитивные ошибки могут быть обнаружены только в ходе специально организованных исследовательских процедур контрольного характера.

Эти обстоятельства задают необходимость дальнейшего совершенствования технологий и методов оценки инноваций, в частности, в контексте построения образа возможного и желаемого будущего с учетом социальных последствий их введения в повседневность.

При этом, следует подчеркнуть: отнюдь не исключено, что результаты экспертной деятельности буквально каждого конкретного эксперта, вне зависимости от его квалификации и уровня компетентности, может одновременно содержать множество разнородных неконтролируемых систематических ошибок и когнитивных искажений, которые проистекают сразу из нескольких источников. Неопределенность и хаос в представлениях о будущем в связи с этим, очевидно, только усиливаются.

Уже только это обстоятельство, с одной стороны, обуславливает дополнительную неопределенность при попытках оценить возможные риски инновационного процесса в будущем, а с другой, — выводит в статус приоритетных проблему адекватной организации экспертной деятельности. Последняя проблема требует взвешенного и скоординированного решения с учетом методологических, институциональных, финансовых и, наконец, кадровых ее аспектов.

В методологическом и далее в методическом плане важно сознавать, что процедуры получения интуитивных экспертных оценок, фактически выступающих в качестве единственно надежных источников сведений о будущем, с необходимостью должны включать в себя контрольные подпроцедуры с последующим внесением соответствующих коррективов.

Выводы

1. В настоящее время именно экспертные методы прогнозирования, приобретая особую ценность в ситуациях роста неопределенности будущего, выводят как современную науку в целом, так и образовательное общество, в частности, на ряд нетривиальных методологических, научных и организационных проблем, требующих осмысления и согласованного их решения.

2. Слабо дифференцированная инфраструктура прогностической оценки рисков инноваций выступает в качестве весьма значимого фактора роста неопределенности будущего. Эффективная оценка социальных рисков инновационных сдвигов в настоящее время не обеспечена в достаточной мере методологически, методически, институционально и профессионально. Она еще не встроена сколько-нибудь надежно в систему регулирования инновационного потенциала страны. Важнейшим предварительным условием разработки и построения системы такого регулирования является преодоление существующих междисциплинарных барьеров.

3. Подход к оценке инноваций с неизменным учетом широкого комплекса социальных последствий инновационного процесса с необходимостью подводит властных субъектов принятия решений к задаче обеспечения условий (методологических, методических, организационных, институциональных, профессиональных, образовательных и кадровых), не совпадающих с теми, которые необходимы при оценке инноваций в рамках только корпоративного менеджмента инноваций.

Литература

1. *Абрамова Н.А., Коврига С.А.* О рисках, связанных с ошибками экспертов и аналитиков // *Control sciences*, 2006. № 6, С. 60—67.
2. *Аришинов В.И.* Инновации, традиции и архаика как ценностные компоненты культуры в ее синергетически сложностном измерении // *Личность. Культура. Общество*. 2011. Т. 13. Вып. 2 (63—64). С. 79—88.

3. *Балацкий Е.В.* Технологии предвидения будущего: от сложного к простому. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://futuologija.ru/bibl/balackij-e-v-texnologii-predvideniya-budushhego-ot-slozhnogo-k-prostomu/>
4. *Залешин А.В., Шергин И.Н.* Электроэнцефалографический анализ поведения человека в условиях выбора вознаграждения, связанного с риском. Четвёртая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов: В 2 т. Томск, 22–26 июня 2010 г. — Томск: Томский государственный университет. 2010. Т. 1. С. 271–272.
5. *Кинэн М.* Технологический Форсайт: международный опыт // Форсайт. 2009. Т. 3. №3. С. 60–68.
6. *Киященко Л.П.* Трансинституциональная матрица инновационного сообщества // Философские науки, 2010. №12. С. 50–57.
7. *Кудрявцев Д.В., Гаврилова Т.А.* Типовые ошибки концептуального моделирования. Четвертая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов: В 2 т. Томск, 22–26 июня 2010 г. — Томск: Томский государственный университет. 2010. Т.2. С. 362–364.
8. *Литвак Б.Г.* Экспертные оценки и принятие решений. — М.: Патент, 1996.
9. *Поддьяков А.Н.* Непереходность (нетранзитивность) отношений превосходства и принятие решений // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2006. Т. 3. №3. С. 88–111.
10. *Саати Т., Кернс К.* Аналитическое планирование. Организация систем. — М.: Радио и связь, 1991.
11. *Сорина Г.В.* Принятие решений как интеллектуальная деятельность. — М.: Канон+, 2009.
12. *Тaleb Н.Н.* О секретах устойчивости. По следам «Чёрного лебедя». — М.: КоЛибри, 2010.
13. *Юджовски Е.* Когнитивные искажения, потенциально влияющие на оценку глобальных рисков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://humanextinction.ru/bias.htm/>; <http://proza.ru/2007/03/08-62>. Aldous D. Review of «The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable»// Notice of the AMS, 2010, № 3. P. 427 — 431.
14. *Chapman G.B., Johnson E.J.* Incorporating the Irrelevant: Anchors in Judgments of Belief and Value // Heuristics and Biases: The Psychology of Intuitive Judgment / Gilovich, T., Griffin, D., and Kahneman, D. (eds.). Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 2003.
15. *Taleb N.* The Black Swan: Why Don't We Learn that We Don't Learn? New York: Random House, 2005.

А.Л. Зверев

Региональная идентичность личности в условиях социокультурного кризиса¹

В статье анализируется процесс самоидентификации личности в условиях социокультурного кризиса, когда привычные представления человека об окружающей реальности рушатся, и они заменяются временными представлениями о себе и своем месте в быстроменяющемся пространстве. При этом особый акцент сделан на анализе процесса разрушения советской модели идентичности и актуализации локальных идентичностей личности: этнической и региональной в условиях социокультурного кризиса. Выделен и рассмотрен ряд ключевых составляющих личностной идентичности в условиях социокультурного кризиса: пространственные, временные и персонифицированные характеристики.

Ключевые слова: региональная идентичность, этническая идентичность, социокультурный кризис, кризис идентичности.

Почему вопрос идентичности в условиях кризиса и, прежде всего, социокультурного, встает с такой остротой? Прежде всего, из-за того, что идентичность, а точнее самоидентификация личности (т.е. отождествление себя с какой-то общностью и одновременно дифференциация от других общностей и всего мира в целом), есть процесс адаптации личности или общности к новым изменяющимся условиям. Вспомните СССР, где существовала единая советская общность, и даже впоследствии советского человека называли «совком». После распада СССР никакой другой общности сформировано не было. Даже самоидентификация по типу россиянина не работала, так как не было создано до этого ни российской культуры, ни российской идеологии, ни российской системы ценностей и верований. Образование РФСР было чисто формальным и сливалось с СССР. Поэтому жители РФСР никак себя не идентифицировали, кроме как жителей СССР, но не РФСР.

¹ Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Политико-психологические механизмы формирования национально-государственной идентичности в современной России», грант РГНФ №12-03-00307.

В результате, когда СССР распался и наступил социокультурный кризис, самоидентификация происходила не по линии россиянин, как это хотели навязать «сверху», а по национально-территориальному принципу, по которому была устроена сама РСФСР. Глубинные истоки такой самоидентификации в том, что она происходит в условиях социокультурного кризиса. Особенность его в том, что пространственное измерение идентичности все более сужается до того места, где непосредственно живет сама личность. Не случайно в середине 90-х годов многие из нас обзавелись железной дверью, тем самым очертив свое личностное пространство, за которым только и чувствовалась личностная безопасность. Она резко отграничивала мир «своих» (семьи) и мир «чужих» (остального мира). [1]. По той же схеме осуществлялась тогда жизнедеятельность регионов, которые четко обозначили свои границы, а в некоторых регионах даже ввели пограничные посты, которые фильтровали «своих» (жителей данного региона) и «чужих» (жителей соседнего региона). Более того, даже внутри регионов началось дробление, и самоидентификация происходила даже на уровне районов, городов, поселков и сел региона, где приоритет отдавался «своим» и дистанцировались от «чужих». Более того, формирование региональных элит, в том числе и в национальных регионах, шла по земляческому признаку, то есть основой рекрутирования элит стало единое место рождения (выходцы из одного района, города, поселка) и личная преданность, а не знания, профессионализм и исполнительность.

Почему так происходит? Согласно Б. Поршневу, в ситуации социокультурного кризиса наше восприятие окружающего мира возвращается к первобытнообщинной картине мира, где четко идёт подразделение на «своих» и «чужих» [2]. А, так как, «своими» в первобытнообщинном строе является род, семья, племя, все жители места, откуда я родом, то и доверять, работать и опираться буду на них. Поэтому, скорее всего, возьму к себе в команду земляка, которого я воспринимаю как «своего», нежели кого-то со стороны, хотя он будет трижды профессионал, но я ему не доверяю, а в условиях кризиса и боюсь, что он может предать, ведь он не из «наших».

Более того, согласно концепции Т.В. Евгеньевой, кризис устоявшихся и ставших традиционными общественных структур и идеологий, субъективно воспринимающийся массовым сознанием как распад привычных систем ценностей и моделей поведения, ведет к тому, что не найдя опоры для логического анализа и понимания всего происходящего, извлекает из глубины иную архаическую логику. При этом значительное место в ней отводится отдельным элементам, объединенным в систему образов-символов, опирающихся на наиболее устойчивые элементы коллективного бессознательного (архетипы) [3]. Типичным же архетипом может быть родовый тотем, который в более позднем времени трансформируется в вождя, героя или лидера данной общности. Поэтому в ситуации социокультурного кризиса главный персонаж политической сцены — политический

лидер (герой), который опирается на своих соплеменников (земляков). Актуализация региональной идентичности ведет к тому, что появляется герой с соплеменниками, который проводит свою политику на территории региона и сакрализирует свою власть.

Временное пространство идентичности в этих условиях имеет амбивалентную (двойственную) выраженность. Она проявляется во внутреннем и внешнем выражении. Внутренне выражение временной идентичности сужается до понятия «здесь и теперь», важно, что происходит тут и сейчас. Люди живут одним днем, не задумываясь о том, что их ждет в будущем, и, забывая порой, кем они были до этого, чем жили. С другой стороны, внешнее выражение идентичности разворачивается как можно шире. В ситуации кризиса и просто неясности будущих перспектив для процесса самоактуализации личность обращается к своему прежнему опыту, где пытается найти ответ на вопрос «кто мы?» и «куда мы идем?». И чем дальше в глубь своего опыта мы заглядываем, тем больше перспектив находим для своего дальнейшего развития. Таким образом, происходит сакрализация прошлого, и на этой основе осуществляются попытки построить будущее. Для поддержания и выработки позитивной идентичности, которая способствует адаптации к новым условиям существования, рекрутируется система мифов, которые имеют ту же пространственно-временную структуру. Мир позволяет мобилизовать идентичность, поддерживать ее и скреплять разрозненные ее элементы. Именно из него вырастают системы верований, символов, идеологий. Благодаря этому в настоящее время строится национальная и региональная идентичность в условиях современной России.

Закономерным итогом формирования региональной и национальной идентичности станет идея общенационального единения и общей государственной идентичности, которая изначально может быть предпосылкой для прохождения успешного демократического транзита. Правда, может возникнуть вопрос: а возможен ли демократический режим в мультиэтническом и мультикультурном обществе, всегда существовавшем в рамках иной политической парадигмы развития (в отличие от западного пути к демократии)? Без ответов на эти вопросы, без решения проблемы территориальной целостности в рамках демократической федерации, без определения новой российской идентичности предсказать политическое будущее в нашей стране невозможно.

При таком развитии ситуации, когда идет нивелировка всех форм идентичности и, по сути, она строится на одной политико-идеологической основе, встает проблема, которую еще в 1990 году в своей статье «Этничность и этнические отношения на современном Западе» затронул М. Хайслер [4]. По нему, современное западное общество находится на стадии постнационализма и процессов глобализации, когда происходит единение индивида и группы (общности) не через национальные или этнические характеристики, а через гражданство. Что-то наподобие этого было и в СССР, когда была

создана единая общность — советский народ и через нее проходил процесс самоидентификации, а вовсе не через этническую составляющую.

Но как показала практика 90-х годов прошлого столетия, все происходит в точности до наоборот. Во многих странах, особенно в тех, которые попали в тиски социокультурного кризиса, вызванного распадом империй, идет поиск своих национальных корней при продолжающемся процессе модернизации. Рост этнических факторов приводит к тому, что происходит этническое возрождение, приводящее зачастую к межэтнической напряженности и конфликтам, перерастающим в масштабные войны. Пример с албанцами в Косово, а сейчас и в Македонии лишнее тому подтверждение.

Некоторые современные социологические школы объясняют этническое возрождение второй половины двадцатого века и рост этнической идентичности следующим:

1) этническое возрождение обычно бывает у народов отстающих от западного постиндустриального развития и проявляется в этнокультурном разделении труда, в экономической и технологической экспансии, более развитых в этом отношении народов;

2) огромное воздействие на этот процесс оказывают мировые социальные системы-конкуренты, в результате чего несмотря на унификацию материальной и духовной культуры интенсифицируется внутриэтническое взаимодействие;

3) происходит повышенное влияние больших социальных групп в экономике и политике, вследствие чего облегчается процесс сплочения, благодаря средствам массовой коммуникации, а в результате именно этнические общности позиционируются в массовом сознании в более выгодном свете, нежели другие большие группы или классы [5].

В данном контекстном поле этнос представляется как большая семья или, по крайней мере, сообщество соседей, в которых объединение происходит за счет единения ценностных ориентаций, выполняющих роль защитных механизмов, актуальных особенно в ситуации кризиса идентичности. Такая модель поведения сообщества помогает сориентироваться в ситуации хаоса, когда ценности семьи выходят на первое место, что позволяет избежать разрыва между поколениями, так как есть слои культуры, позволяющие осознать свою сопричастность к этническим общностям: язык, религия, миф об общих предках, историческая память (подвиги героев, и общие страдания). Все это индикаторы формирующейся идентичности, без которых она не может существовать и без которых данные социальные группы не смогут адаптироваться к новым изменившимся условиям.

Таким образом, этническая идентичность проходит этап сакрализации, в результате которого личность или сообщество учится естественному ее восприятию. Итогом этого становится картинка мира, в которой происходит вычленение и дифференциация себя из мира по этническим характеристикам (я не похож на других). Происходит самосознание, что этнос не

выбирают, он дан от рождения и что существуют общепринятые стандарты поведения и самореализации себя в условиях данного этноса, основой чего служат ответы на вопросы (кто я? и с кем я?). При этом этническое самосознание (оборотная внутренняя сторона этнической идентичности) формируется стихийно, в процессе социализации данной личности и отождествления принадлежности к определенной этнической общности.

Если данный процесс происходит в ситуации социокультурного кризиса, то общество, как и включенная в него личность, испытывает внутриличностный конфликт, который выражается в когнитивном диссонансе, когда есть альтернативы выбора, но осуществление этого выбора затруднено, так как субъект, осуществляющий выбор, до конца не уверен в правильности того или иного хода. Все это угнетает внутреннюю атмосферу среды, появляется чувство страха, неуверенности, ощущение бессмысленности существования. Происходит разрушение ценностного поля, которое во многом определяет идентичность. Возможно наступление футушока, когда будущее неясно, а потому опасно, и делать шаги в его направлении общество без определенной поддержки не может. Такую поддержку общество находит в прошлом, в стабильных ценностях предков. Так возникает межпоколенная стабильность общности, выраженная в этнической составляющей идентичности. Поэтому закономерен процесс актуализации этнической и национальной идентичности, в результате сравнения себя с другими («чужие» или «они») происходит четкое восприятие своей этничности.

Этот процесс как раз и стал следствием распада СССР и всей советской системы, когда общество погрузилось в массовый «культурный шок» и ответом на выходе из этого процесса крушения советской системы ценностей стала потеря устойчивости социальной идентичности. В этих условиях для всех нас окружающий мир становится непонятным, и мы пускаемся в поиск группы, которая помогла бы нам восстановить целостность и упорядоченность образа мира. Мы погружаемся в свой мир, закрытый от окружающих, в который пускаем только самых близких, и здесь осуществляется уход в узкую референтную группу, определяющую наш образ и стиль жизни при выработанных канонах, строго соблюдаемых всеми членами данной группы. У тех, кто моложе, это проявлялось уходом в панки, хиппи и другие неформальные подростковые и молодежные группировки, у тех, кто постарше, — в различные секты и религиозные течения. Появились новые и возродились старые закрытые криминальные группировки, формировавшиеся, в первую очередь, по земляческому принципу (по месту жительства основной массы группировки — Солнцевская преступная группировка, Люберецкая, Долгопрудненская и т. д.). Да и в политике, в первую очередь, стали развиваться эти социальные сети взаимосвязи, которые формировались и образовывали неформальные группы влияния и давления на процесс принятия решений. Не случайно, в массовом сознании возник образ «семьи» (опять же возвращение к архаизации массово-

го сознания, возвращение к истокам), главного актора политического процесса в России. Фактически, это признание того, что крен в соотношении формальных институтов власти и неформальных механизмов управления ею был сделан в сторону последнего.

Стоит отметить, что эти объединения, во всяком случае, на первоначальном этапе своего существования были лишь, выражаясь терминологией Л. Ионина, инсценировкой групп [6]. В них прежде всего преобладали внешние знаки идентификации: члены таких групп осваивали символику одежды и знаки отличия, специфический жаргон, стиль движения и приветствия. Внешняя атрибутика, стиль поведения и манера общения помогала дифференцироваться и выделиться из общей массы, показать свое место в иерархии отношений и очертить круг, в который могли входить лишь немногие, и среди них была создана конкуренция, борьба за право попасть в него.

Более стабильным критерием и одним из главных идентификационных признаков, к которым относятся по факту рождения и который закрепляется в процессе социализации, есть межпоколенная общность, выраженная в этносе или в регионе обитания. Исходя из этого, этническая идентичность наиболее доступная форма социальной идентичности у нас. Вспомните советскую паспортную систему. Во-первых, она была построена так, что «национальность» попадала в расовую категорию, определяемую по «крови», то есть по происхождению ваших родителей, а не по гражданству, как во всех западных странах. Ведь там неважно, какой ты национальности, главное, что ты гражданин Соединенного Королевства, Германии или Франции. Во-вторых, система региональной прописки закрепляла граждан на этой территории и не давала свободного передвижения по стране. Фактически граждане вынуждены были формально идентифицироваться с тем местом, где они жили. Именно в этом как раз и закладывались предпосылки того, что в ситуации социокультурного кризиса актуализировалась национальная и региональная идентичность как ответ на распад общегосударственной советской идентичности.

Итогом происходившей актуализации стало то, что этносознание большинства проходит через «семейную память», как-то: межпоколенная трансляция ценностей, норм, установок и стереотипов. В результате выстраивается четкая система преемственной связи, и именно там ищутся ответы на вопросы о будущем. Оно может быть воссоздано через поиск корней, которые позволяют определить основания этнической идентичности и которые крепятся на каркасе мифологизации «бабушек» данной социокультурной среды, сохраняющей ценности и обычаи данного народа.

В 1990-е — 2000-е годы актуализация семьей этнической идентичности не высока, так как в развитии семьи в этот период преобладают префигуративные тенденции, которые способствуют разрушению межпоколенных связей, приводящей к отделению родительского слоя от молодежного

сложения. Более того, само лидерство в движении вперед переходит к молодежи, и родители становятся тормозом к обновлению и пути вперед. Происходят изменения характера статусных отношений. В связи с этим появляются «этнические новые русские», живущие по новым, принятым ими правилам игры, и «этнические старые русские», которые ассоциируются с советской ценностной системой и советской идентичностью, между тем, в ней одним из ресурсов самоидентификационной сети является пресловутый пятый пункт, обязывающий быть соответствующей национальности. Тогда как основными идентификационными признаками должно быть: выделение по самым внешним знакам идентичности (национальная одежда, другие элементы формирования внешности, стиль речи и т. д.), глубинные факторы крови, миф об общем происхождении (тайна русской души, выражающаяся в единой прародине и в одном для всех раю), повышение своего статуса за счет понижения статуса других.

Таким образом, этничность — это прежде всего связь с прошлым (определение истоков, основ и отправной точки идентичности), которая может наметить стратегии развития и тактики поведения в будущем. Процесс идентификации является движением от прошлого к будущему, он помогает определять средства и методы, даже действия, которые помогут уже в будущем прийти к какому-то результату. И, наконец, сама идентичность — это результат, будущее. Это сложившаяся система символов, верований, интересов, ценностных ориентиров, идей, т. е. вся система мифосодержания, помогающая поддерживать идентичность как единую, монолитную систему. Именно ее мы и должны создать, чтобы преодолеть социокультурный общесистемный кризис.

Для этого нам просто необходимо изучать этнополитическое поле в регионе, чтобы вовремя прогнозировать ход и результаты этого процесса, а, кроме того, выявлять и использовать механизмы встраивания этого поля в общегосударственное. Изучение данного поля в условиях современной России позволяет сделать вывод о том, что сейчас идет некоторая унификация этнического пространства и построение новой этнической общности — россиянин (считайте, новой идентичности), которая в основе своей, как мы уже показали выше, опирается на бывшую советскую идентичность. Механизмы формирования и цель (предполагаемый результат), которые должны быть облечены в какую-то идею общенационального масштаба, пока не оформились. Хотя с некоторыми оговорками все же обозначается альянс либерально-экономических ценностей с надстройкой советского человека. Происходит презентирование такого советского человека с европейским лицом.

Можно ли это назвать выходом из социокультурного кризиса и кризиса идентичности? В среде ученых, занимающихся этой проблемой, заговорили о том, что социокультурный кризис преодолен, нет актуализации региональной и национальной идентичности, теперь эта тема не актуальна,

ее стоит закрыть и на этом нужно поставить точку. Нам кажется, что такой подход к проблеме несколько преждевременный и даже ошибочный. Конечно, на появление такой точки зрения оказывает влияние государство. Оно хочет поставить под контроль, и это вполне естественно для нашей политической культуры, науку, непосредственно занимающуюся основной составляющей самого государства — политикой. Такая тонкая сфера как идеология (как бы ее сегодня не называли, PR и тому подобными терминами, суть остается прежней) сопровождает политику везде и во всем, становится сферой жизненных интересов, укрепляющей государство. Но нам кажется, что сегодня власть прежде всего делает ставку на технологию воздействия на массовое сознание, чем на формирование самой идеи. Формирование новой общегосударственной идентичности еще не началось, а значит, социокультурный кризис и кризис идентичности продолжается.

Яркими примерами служат как раз попытки презентирования советского человека с европейским лицом. Здесь разные социокультурные среды, следовательно, различны ценностные ориентации, установки, стереотипы, интересы. Как их соединить? Пока никто не знает. Да и нужно ли это? Не ошибочен ли данный путь? Ведь при создании такой системы ценностей начнется архетипическая оппозиция: Восток-Запад и встанет типичный идентификационный вопрос кто мы — россияне: европейцы или азиаты? Или у нас особый путь.

Не совсем удачным, на наш взгляд, видится простое соединение системы символов, которые являются связующим стержнем идентичности без серьезного обоснования. Символы разных эпох, которые имеют различную социокультурную природу, превращают внешний конфликт этих эпох в интернализированный внутриличностный и внутригрупповой конфликт. Проблема идентичности на самом деле в данной ситуации не решается и имеет характер отложенного кризиса, который с еще более сильной выраженностью может проявить себя при ослаблении вертикальной структуры управления, и маломальским конфликтом верхов и низов, то есть Центра и регионов. Таким образом, на сегодняшний день, по нашему мнению, социокультурный кризис, как и кризис идентичности, не разрешен, а только заморожен, причем, эта заморозка осуществляется искусственным способом с помощью хорошо отрежиссированных технологий.

Главная проблема, стоящая перед российской государственностью, — формирование единой общегосударственной идентичности. Не стоит забывать, что в условиях кризиса национальная идентичность может выступать важнейшим средством легитимации и делегитимации политической власти в период перехода от одного типа политического режима к другому, так как она легитимирует деятельность национальных элит и создает предпосылки для этнической мобилизации.

Одновременно идет процесс выделения индивидуальности территориальных общностей, которые имеют свою социокультурную специфику

и образуют свою региональную сущность. В наших условиях региональная идентичность для этнических русских становится не национальной, а территориальной принадлежностью, придающей в собственных глазах и глазах окружающих специфические, социальные, психологические и культурно значимые признаки. Как мы уже отмечали, связи по местности самые сильные (единый род, единое племя, единая семья), здесь отмечается сходство образа жизни, семейные связи, товарищи, отношения с которыми устанавливаются еще с детства. Все это создает общую связующую нить, основанную на колорите данной местности. Поэтому сам русский этнос представлен аморфной идентификацией, иногда даже со слабыми связями горизонтальной структуры идентичности, объясняемой тем, что этнос расселен везде. Из-за этого признаки этноса вытесняют генотипическую структуру личности, дифференцируя основания, на которых формируется идентичность. Таким образом, российское пространство мешает формированию цельной русской идентичности, которая в случае чего могла бы помочь в процессе этнополитической мобилизации русских.

Важность национальной идентичности также определяется базовыми психологическими потребностями личности. Во-первых, личность всегда испытывает потребность в безопасности и защите. Вторая базовая потребность личности выражается в чувстве принадлежности к общности или, по крайней мере, к группе. Еще Эрик Фромм отмечал, что социальный кризис заставляет личность менять обретенную (или навязанную) свободу на чувство (даже иллюзорное) безопасности и принадлежности к социальной группе. [7]. Потребность в идентификации, т. е. к приобщению к социальной группе, ведут к тому, что там они обретают определенный социальный статус, а вместе с ним у них вырабатывается корпоративная этика, выражающаяся в конформизме — в одном из четырех описанных механизмов «бегства от свободы».

Религия же, как и национализм, система традиций и верований — связующее звено одних индивидов с другими, спасительное прибежище для тех, кто боится больше всех изоляции [7].

И, наконец, третья важная потребность — потребность в самобытности, уникальности «своего я», уверенности и независимости от других. Именно здесь вырабатывается индивидуальный стиль личности, ее непохожесть на других и вырабатывается важный элемент в структуре идентичности — самость (определения себя в мире, кто я?)

Необходимо отметить, что базовые потребности личности зачастую находятся в противоречии друг с другом, так как происходит единство процессов идентификации и индивидуализации. В этнической идентичности не может быть разрешено это противоречие, или, по крайней мере, разрешено путем подавления стремления человека к реализации своего «я». Связано это с тем, что этнос, по сути своей, групповая общность, где индивид не отличает себя от группы, осознает себя в категориях группово-

го мышления, то есть не является по своей сути полноценной личностью. Для такого сознания другая группа «чужая». Между «своими» и «чужими» нет опосредствующих звеньев, никаких общих ценностей, побуждающих к взаимному согласию и сотрудничеству. Это приводит к противостоянию этносов, которое может разрешиться либо силой, либо путем духовного «прорыва» к надэтническим ценностям (религиозным и/или национальным) [8]. Поэтому обращение политиков к актуализации этнической идентичности, внедрение ее в массовое сознание, результатом чего становится ее доминирование в социуме, ведет к архаизации и возвращению к древним и более примитивным формам осознания данной общности.

В конечном итоге, возвращение к истокам общности обуславливается тем, что личность в данной ретроградной стратегии развития удовлетворяет свои потребности в безопасности в группе. Происходит как бы идентификация себя с национальной общностью, которая впоследствии формирует чувство «мы» (единство со своей группой), удовлетворяя уже базисную потребность в самобытности, то есть происходит процесс дифференциации, результат которого — отделение нашей общности от других. Это приводит к тому, что определяется специфичность нашей общности и вырабатывается чувство превосходства в сравнении с иными общностями — «они». Сам же процесс идентификации имеет чисто субъектную психологическую природу. Но этничность, как выраженность этнической идентичности, кроме того, дополнительно обуславливается и поддерживается и другими объективными факторами: территорией, языком, религией, государством, традициями, овеществлением в материальной культуре и в базовых моделях повседневного поведения, выраженных в эстетических и этнических канонах и ряд других.

Именно они являются основой для этнического самоопределения, в то же время они выполняют своеобразную функцию символа — маркера этнической идентичности. К примеру, территория символизирует образ «родины» и «матери-земли», язык выражает «родную речь», государство отождествляется зачастую с «отчиной» или «отечеством». Наше жилище представляется нам в образе «домашнего очага», а религия может подразделяться на «истинную православную» и «ложную басурманскую» и т. д. К слову, сам конфессиональный фактор всегда ранее был ведущим среди идентификационных характеристик русского народа как единого целого. Вспомните, всегда «русский православный» противостоял «православному нехристию» и «басурману». Да и само название «христиане» близко к «крестьянам».

В результате всего этого складывается целая система символов, целью которой стало отделение своей этнической (национальной) общности «мы» от другой, чужой «они», и одновременно происходит процесс создания ощущения принадлежности «я» (нашей самости) к «своей» родственной общности (к своей группе и формированию чувства единой общности, которая идентифицируется в созданном символе «мы»).

Стоит при этом отметить, что сама этническая идентификация — многоуровневое образование. И в ней можно выделить следующие уровни: первый уровень — классификация и собственно процесс идентификации, который является основанием для формирования дихотомии: «мы-они»; второй уровень — это «формирование единых этнических образов», то есть приписывание этническим общностям определенных культурных, статусных и других характеристик. По мнению Я.В. Чеснова, в этничности ярко выделяются пространственно-временные факторы, которые в сочетании с соматическими и вещевыми образуют маркирующий внешний облик этнического образа. Он не является, конечно, стереотипом (раз сложенным и затем неизменным), но при этом он своеобразный идеал, мотивирующий собственным поведенческим стереотипом или ожидаемым от других, а в этом своем последнем проявлении он выражается в позиции социальной роли, репертуар которой полностью зависит от сформированности данного этнического образа [9].

Пространственная характеристика в сознании этнического образа как раз и проявляется в региональной идентичности, которая присуща не только целому этносу, проживающему на данной территории, но и проживающему в индивидуально-иерархизированной системе территориальной самоидентификации, включающей различные ее уровни: а) «местная» или «локальная» идентификация (житель конкретного населенного пункта, станции, села, поселка, города и т. п.); б) идентификация себя с локальной субэтнической общностью (допустим, казаки, поморы, сибиряки, дальневосточники) и региональном (житель Сибири, Северо-Запада, Дальнего Востока и других).

Третий уровень — это уровень этнической идеологии, в котором сочетается связанный взгляд на прошлое, настоящее и будущее своей группы в отношениях с иными этническими группами [подробнее см.10]. Именно на этом уровне формируется миф группы, в котором выражается история ее создания, традиции, обычаи, установки, стереотипы, транслируемые на всем протяжении ее развития. История появления вождей (кто они? зачем они? куда ведут они?), лидеров группы, в которых артикулируются цели развития группы, пути их достижения и результаты. Появляется атрибутика, символы, которые закрепляют миф. Но и, наконец, сам миф является стержнем и мобилизирующим ресурсом в создании единой этнической идентичности группы.

Таким образом, этническая идентификация выражается в понятии, которой ей дал А. Эпстайн. По нему, этническая идентификация является конечной идентификацией, которая охватывает меньшие роли, статусы, идентификации» [11]. В таком развитии, этническая идентичность становится устойчивой, надситуационной, со слабо рефлексированным характером (а по В.А. Тишкову она носит произвольный, то есть предписанный характер) [12, с.35], в отличие от политической идентичности, которая в

своей основе более ситуационная и рефлексивная. Рост значимости этнической идентичности для многих граждан России не ведет к автоматическому росту поддержки политических сил, выступающих от имени и в защиту этноса или нации, но в то же время другая стратегия развития этой тенденции может не приводить к становлению массовой устойчивой политической идентификации с этими силами, хотя к этому и есть определенные благоприятные предпосылки.

Сам же характер соотношения этнического «мы» и «они» не остается неизменным и определяется не только устойчивыми авторскими типами (по отношению к себе) и гетеростереотипами (по отношению к другим), но и реальными межнациональными связями и контактами. Поэтому, по А. Найману, идентичность — это не данность, а отношение, которое постоянно формируется и реформируется в рамках определенного дискурса [13]. Чувство идентичности может либо укрепиться от подобных сравнений, либо разрушиться, если при этом какие-то характеристики «своих» перестают соответствовать сложившимся представлениям, а их поведение не отвечает ожиданиям, основанным на прошлом опыте и т. д. Естественная принадлежность носителя языка к языковой и национальной общности «мы», где язык выступает транслятором знаний, опытов, обычаев и традиций этносов. К примеру, в оппозиции русский-немец в русской лексикологии может быть представлен как «немой», что тождественно будет понятию иному. А если он «не мой», то тождественен понятию «чужому», на основе которого можно вывести внешние ориентиры русской идентичности. В этих условиях язык может выполнять роль национального символа, превращающегося в средство этнодифференциации и реализации архитипической модели «мы-они». С помощью языка здесь же проводится граница, которую «национализирует» человек и ни в коем случае он не должен преступать ее. В этой связи языковые отличия становятся факторами этнополитической мобилизации. Поэтому, по мнению М.Н. Губогло, политическая роль национальных языков находит свое отражение в понятии «мобилизованного лингвизма», то идеология, практика и этнополитическая деятельность, направленная на создание национальной государственности с помощью предварительного утверждения статуса государственного языка как основы для национального возрождения, а также для успешного проведения кадровой политики, ведущей к установлению этномонополии во власти.

Еще одним ключевым понятием, входящим в структуру этнической идентичности, является бикультурная ориентация. Она выражается в целостном наборе взаимосвязанных мыслей, чувств и поведенческих репертуаров, которые отличаются как от доминирующей культуры, так и от жесткой этнической обусловленности идентичности. Сама бикультурная ориентация развивается по четырем параметрам: а) бикультурная идентичность; б) бикультурная самоидентификация; в) бикультурный характер

выбора репрезентативности группы; г) бикультурная компетентность, то есть способность индивида эффективно функционировать в мультиэтническом плюралистическом окружении и умении жить как бы в двух измерениях [14]. Необходимо отметить, что сама бикультурная ориентация может быть выражена формулой «и... — и...». Допустим, в условиях Бурятии это может выглядеть, что личность идентифицирует себя и с русскими, и с бурятами. Такой тип идентичности назван амбивалентным [15].

Фенотипические (расовые) и визуальные отличия одной части населения страны от другой делает межгрупповую дистанцию более значимой, чем набор культурных и политических характеристик. А фенотипический стереотип (по В. Тишкову) не может быть маркером и детерминантой этнической идентичности [12, с. 14]. Поэтому большинство бывших республик СССР осуществляют стратегию вытеснения русскоязычных, к тому же происходит закрепление тотальной оппозиции к ней, что ведет к большому отчуждению между большинством бывших «братских народов».

Можно констатировать, что этническая идентичность строится на основе культурных отличий общности, они в большинстве случаев представляют собой социальные конструкции, актуализирующиеся в результате целенаправленных усилий со стороны культурных и политических элит и создаваемых институтов, прежде всего государственных институтов. «Цемент», скрепляющий эти общности, — миф об общем происхождении, представление о принадлежности к группе. Границы же этих общностей определяются избранными культурными характеристиками, в которых представлено содержание личностей и групповой идентичности. Они всегда относительно изменчивы не только в историко-временном разрезе, но при определенных обстоятельствах и в визуальном плане. И, наконец, сама природа конструируемых культур и политических элит, основанных на индивидуальном выборе и групповой солидарности, этническо-национальных общностей определяется целями и стратегиями, которые формирует сама политическая элита. При этом ее важнейшая роль — организация ответов на внешние вызовы через манифестацию самоидентификации, установления контроля над значимыми ресурсами и политическими институтами, обеспечивающими социальный комфорт «своей» группы.

Литература

1. *Евгеньева Т.В.* Лекция по политической психологии. — М., РГГУ, 1999. Запись лекции. Из личного архива автора.
2. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. — М., 1974.
3. *Евгеньева Т.В.* Социально-психологические основы формирования политической мифологии. // Современная политическая мифология: содержание и механизмы функционирования. — М., 1996.

4. *Скворцов Н.Г.* Этничность и трансформационные процессы. //Этничность. Национальные отношения. Социальная практика. /Под ред. В. Дресслер-Холохан и др. — СПб., 1995, с. 8—25.
5. *Стефаненко Т.Г.* Социальная психология этнической идентичности. — Диссертационное исследование на соискание степени доктора психологических наук. — М., 1999.
6. *Ионин Л.Г.* Социология культуры. — М., 1996.
7. *Фромм Э.* Бегство от свободы. — М., 1990.
8. *Межуев В.М.* Идея национального государства в исторической перспективе. //Полис. 1992, № 5—6, с. 15—16.
9. *Чеснов Я.В.* Этнический образ. //Этнознаковые функции культуры. — М., 1991.
10. *Скворцов Н.Г.* Этничность и трансформационные процессы //Этничность. Национальные движения. Социальная практика — Сборник статей — СПб., 1995.
11. *Epstein A. L.* Ethnos and identity: Three studies in Ethnicity. London, 1978.
12. *Тишков В.А.* Идентичность и культурные границы. //Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. Сборник статей. /Под ред. М.Б. Олкот, В.А. Тишкова, А. Малашенка. — М., 1997.
13. *Nowmann I. B.* Russia as Central Europe's Constituting other. //»East European Politics and Societies», 1993, vol.7 №2, p.349.
14. Ethnic identity: Formation a transmission among Hispanies a other minorities. / М.Е. Bernal, G.P. Knight (eds.) — Albany, 1993 (State University of New York).
15. *Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология. Учебное пособие для вузов. — М., 1998.

Н.Л. Смакотина

С.В. Семко

Протестные процессы общества потребления в фокусе социокультурного анализа

На данном этапе развития общества потребления можно наблюдать различные протестные процессы, затрагивающие все сферы жизнедеятельности человека. В статье рассмотрены особенности двух протестных процессов современного общества потребления — дауншифтинг и чайлдфри. Согласно данным исследований, количество добровольно бездетных увеличивается как в США, так и в Европе, и в то же время общество становится более лояльным к данному явлению, а, следовательно, можно прогнозировать дальнейший рост количества чайлдфри. Отдельное внимание уделяется рассмотрению особенностей дауншифтинг в России и в Западных странах. Дауншифтинг в каждой стране приобретает специфические черты: в Англии имеет экологический подтекст, в Австралии фокус смещен в сторону смены жилья и места проживания, в России часто связан с переездом в теплые страны с более низким уровнем жизни.

Ключевые слова: общество потребления, протестные процессы, дауншифтинг, чайлдфри, добровольно бездетные, антинаatalизм.

Актуальность проблемы обусловлена социально-культурной и демографической ситуацией, наблюдаемой на данный момент в странах общества потребления. В девяностых годах прошлого столетия американский исследователь Рональд Инглхарт в работе «Культурный сдвиг. Смена ценностей в западном мире» представил теорию о массовой смене ценностных ориентаций в развитых странах Европы и США, произошедшей благодаря продолжительному периоду материального благополучия после преодоления последствий Второй мировой войны. Инглхарт предположил, что представители первого выросшего без войны поколения, «привыкнув» к собственной экономической и физической безопасности, перестали ориентироваться в первую очередь на материальные ценности и задумались о реализации нематериальных потребностей (по Инглхарту, постматериалистических ценностей) — большей ценностью для него ста-

ли собственные свободы и права (а также шире — проблемы демократии), экологическая безопасность, творческая реализация, психологический комфорт в семье и т. д. На данном этапе развития общества потребления можно наблюдать различные протестные процессы, затрагивающие все сферы жизнедеятельности человека. В данной статье нами будут рассмотрены два наиболее, на наш взгляд, актуальных протестных процесса современного общества потребления — дауншифтинг и чайлдфри. Данные протестные процессы были выбраны нами для анализа, так как имеют место в двух крайне важных сферах жизни человека — семейной и трудовой. Проблема чайлдфри, ввиду низкой рождаемости, не обеспечивающей воспроизводство населения и массовой малодетности, характерной для экономически развитых стран весьма актуальна, так как демографическая ситуация напрямую зависит от социальных факторов и установок. Поскольку большинство чайлдфри — люди детородного возраста (от 20 до 35 лет) и не имеющие медицинских противопоказаний к рождению детей, их можно рассматривать как достаточно серьезную социальную проблему. Дауншифтинг, в свою очередь, представляет актуальность для анализа, так как является прямым протестом против господствующих идеалов общества потребления, и постепенно начинает представлять собой социальное движение. Данные протестные процессы до сих пор остаются малоизученными в Российской научной литературе, что также говорит в пользу актуальности темы данной статьи.

Согласно данным исследований, проведенных в США, одна из пяти американских женщин оказывается на границе детородного возраста, так и не родив ни одного ребенка. Для сравнения, в 1970 году это была одна женщина из десяти [17, с. 2]. Изучив данные исследования *Childlessness Up Among All Women; Down Among Women with Advanced Degrees* можно сделать вывод о том, что бездетность в Америке выросла по всем расовым и этническим группам и уровням образования, в то же время она несколько сократилась для группы женщин с дипломом степени мастер и доктор наук.

Американские женщины с высоким уровнем образования по-прежнему в числе тех, кто вероятнее всего никогда не будет иметь детей. Стоит отметить, что на уровне общего увеличения количества бездетных, к 2008 году, 24% женщин в возрасте от 40—44 лет с дипломами степени мастер, доктор наук или профессиональным образованием остаются бездетными, тогда как в 1994 году их процент составлял 31% [17, с. 2].

При изучении расовых особенностей бездетности, можно сделать вывод о том, что белые женщины более вероятно не будут иметь детей. В то же время количество бездетных выросло больше всего в группах афроамериканских, испаноязычных и азиатских женщин, таким образом несколько срывая различия по критерию расового происхождения.

Согласно статистике, женщины, которые ни разу не состояли в браке, скорее всего не будут иметь детей, в то же время их количество несколько снизилось, увеличившись для группы женщин, которые состояли или состоят в браке.

К 2008 году в США среди всех женщин в возрасте от 40—44 лет, 18% являются бездетными, тогда как в 1976 году этот процент составлял 10%, следовательно, можно говорить о росте в 80% процентов. В 2008 году число бездетных женщин в возрасте от 40—44 лет составляет 1.9 миллионов, для сравнения в 1976 году их количество составляло 580 000 [17, с. 10].

С 1990 года число бездетных женщин в наибольшей степени увеличилось среди женщин с наименьшим уровнем образования. Самые значительные изменения произошли в группе женщин, не окончивших среднюю школу, их процент в 2008 году вырос на 66% по сравнению с 1994 годом. Уровень бездетных с 1994 по 2008 годы вырос в наибольшей степени для женщин африканского и латиноамериканского происхождения, более чем на 30%, для белых женщин на 11% [17, с. 10].

Незамужние белые женщины по уровню бездетности более чем вдвое превосходят афроамериканок; независимо от семейного положения, испаноязычные женщины имеют более низкий уровень бездетности, чем неиспаноязычные.

Согласно социологическим опросам [15, с. 118—119], в Америке за последние десятилетия, отношение к бездетным стало более терпимым. Большая часть опрошенных не согласны с высказыванием, что бездетные люди «проживают жизнь впустую». В 1988 году несогласных с данным высказыванием было 39%, а в 2002 уже 59%. В 2007 году лишь 41% опрошенных согласились с утверждением, что «дети очень важны для счастливого брака», тогда как в 1990 году их было 65%. Что касается влияния бездетности на общество в целом, то здесь мнения американских респондентов различны. В 2009 году 46% респондентов заявили, что «рост количества бездетных не сказывается негативно на обществе в целом», 38% процентов уверены в обратном, тогда как в 2007 году это составляло 29%.

В сравнение с другим странами, согласно данным организации экономического сотрудничества и развития, среди женщин, рожденных в 1960 году, 17% жительниц США к 40 годам были бездетны, в Великобритании 22%, 19% в Финляндии и Нидерландах, 17% в Италии и Ирландии, от 12% до 14% в Испании, Норвегии, Дании, Бельгии и Швеции, 11% в Ирландии и ряде стран восточной Европы [7, с. 113]. Ученые считают, что за последние десятилетия в развитых странах социальное давление, оказываемое на женщин, уменьшилось и желание иметь детей видится как личный выбор, нежели давление социума. Также, выросшие профессиональные перспективы и карьерные возможности, улучшение методов контрацепции представляют все больше альтернатив для тех женщин, которые сознательно сделали выбор не иметь детей. В то же время можно говорить об общем тренде позднего брака и деторождения, особенно среди женщин с высоким уровнем образования. Несмотря на то, что шанс забеременеть уменьшается с возрастом, женщины откладывают беременность на более поздний возраст, и, не смотря на развитие медицинских технологий в данной области, часто рискуют уже никогда не иметь детей.

Согласно данным National Survey of Family Growth в Америке среди женщин от 40 до 44 лет примерно равный процент женщин, добровольно не желающих иметь детей, и тех, кто хотел бы, но не может по медицинским показателям. В 2002 году 6% женщин считали себя добровольно бездетными, 6% желающими иметь детей, но не способными, и 2% бездетными, но надеющимися иметь их в будущем [15, с. 135—136].

С 1990 года число бездетных женщин в наибольшей степени увеличилось среди женщин с наименьшим уровнем образования. Самые значительные изменения произошли в группе женщин, не окончивших среднюю школу, их процент в 2008 году вырос на 66% по сравнению с 1994 годом. Уровень бездетных с 1994 по 2008 годы вырос в наибольшей степени для женщин африканского и латиноамериканского происхождения, более чем на 30%, для белых женщин — на 11% [15, с. 34].

Количество бездетных женщин также неуклонно растет и в Европе. В Италии, по данным исследований, проведенных Фрейжка, Калот и Сардон с 2001 по 2009 годы, помимо «традиционных» психологических причин бездетности, важно учесть также так называемые исследователями «современные» причины. Данные исследования, проведенного в пяти итальянских городах в 2008 году, показывает, что треть женщин, состоящих в браке или живущих в гражданском браке и не имеющих медицинских противопоказаний к деторождению, тем не менее бездетны [11, с. 1249—1280].

В России также происходит изменение репродуктивных установок и меняется модель рождаемости. Наблюдается тенденция ориентации на европейскую модель построения семьи: возраст вступления в брак и возраст рождения первого ребенка увеличиваются. Например, в 1993 г. женщины рожали первого ребенка в 21,5 год, в 2003 г. — уже в 23 года. Для сравнения: в большинстве европейских стран основная часть женщин рождает первенца в возрастном промежутке 24—29 лет. Статистика отмечает, что российские женщины сегодня все чаще становятся мамами после 24 лет.

По данным экспертов фонда Общественное мнение, проводивших социологический опрос по поводу демографической ситуации в России, доля тех, кто желает иметь двоих и более детей, снизилась с 44 до 40 процентов с 2001 по 2006 год [20]. В то же время доля россиян, вообще не желающих иметь детей, выросла с 3 до 7 процентов.

Согласно статистике, больше 50% российских семей имеют одного ребенка, и только около 9% — трех и более детей. Коэффициент смертности при этом на 70% превышает коэффициент рождаемости. При сохранении такой динамики, согласно прогнозам, уже к 2015 г. численность населения России снизится до 123 млн. чел., а к 2050 году население России составит от 83 до 115 млн. чел. По данным ВЦИОМ 2008 года, причинами демографических проблем жители России считают: низкий уровень жизни, высокие цены (20%), низкие детские пособия (19%); 17% — недостаточное число детских воспитательных учреждений; 13% — плохое медицинское обслужи-

вание; 8% считают значительной проблемой жилье, по 7% — платную медицину, образование, дорогие детские сады, лечение, детское питание. Реже россияне указывают на безработицу (по 4%), на проблему беспризорности (3%). Замыкают перечень проблем материнства и детства алкоголизм (1%) и бюрократия (0,4%).

Демографы, которые занимаются проблемами рождаемости, не связывают напрямую с экономическим положением. Главный фактор — это так называемая потребность в детях, которая определяется всей системой ценностей человека и его образом жизни. Для большинства современных семей, особенно проживающих в крупных городах, значимость нескольких детей ниже по сравнению с ценностями карьерного роста и досуга. Другое дело те, кто хотел бы иметь двоих, троих и более детей, зачастую не могут их иметь в силу экономических или социальных условий, но этот фактор уже вторичный, первично желание иметь детей.

По данным исследований «Левада-Центра», 67% россиян заявили о том, что не собираются в ближайшие два-три года рожать хотя бы одного ребенка, помимо тех, которые уже есть. Еще 6% опрошенных заявили, что скорее не будут этого делать. Лишь 9% скорее заведут еще ребенка в ближайшие несколько лет, а 8% — всерьез намерены это сделать. Эти показатели несколько выше уровня начала 2000-х, но все-таки невелики. По мнению 54% опрошенных, в идеальной семье должно быть два ребенка, правда, для себя этого хотят лишь 43% россиян. Стоит отметить, завести двух детей они готовы, только если у них будут все необходимые для этого условия. 28% опрошенных сказали, что их нежелание иметь детей не зависит ни от каких условий. Однако многие могли бы поменять свое решение в зависимости от некоторых факторов. Так, по 18% опрошенных задумаются о том, чтобы завести ребенка в ближайшие годы, если будет уверенность в завтрашнем дне, если есть хороший дом или предвидится улучшение жилищных условий [21].

Перепись населения России в 2002 года показала, что среди женщин в возрасте 35-39 лет было 7,4% бездетных. По результатам социологического опроса фонда «Общественное мнение», четверть россиян считает, что основная причина бездетности — нежелание заводить ребенка, и не осуждает состоявшихся родителей (60%) [18]. Респонденты считают, что главная причина бездетности — в экономической ситуации. На втором месте — эгоизм и неготовность молодежи брать на себя ответственность. По данным А. Антонова, добровольную бездетность одобряют менее 1% взрослых россиян и не более 3% молодежи [1]. Россияне негативнее, чем европейцы, относятся к добровольному отказу от рождения и воспитания детей. Так 78,4% не одобряют бездетность и только 3,1% одобряют, а 14,1% не имеют четкого мнения. Среди жителей Европы добровольную бездетность не одобряют лишь 34,5%, одобряют 26,8% и сомневаются в оценке 36,9%. Внеfamilialные ценностные ориентации европейцев выражены заметнее — они в 9 раз чаще одобряют бездетность, чем россияне и в 2 с лишним раза реже отмечают свое неодобрение [1].

В целом в России на уровне ценностей бездетность признается легитимной репродуктивной стратегией. Впрочем, на уровне индивидуальных установок эта стратегия по-прежнему довольно маргинальна: доля тех, кто в принципе не хотел бы иметь детей, по результатам опросов составляет 3—4% [18].

Отсутствие детей или сознательное нежелание их иметь — вот что лежит в основе идеи движения чайлдфри. До конца история возникновения данного термина не установлена, есть предположения, что он был введен в 1970-х Национальной Организацией для Не-Родителей (теперь более не существующей). Популярность же приобрел в 1990-е, когда Лесли Лафэйетт сформировала одну из первых современных групп чайлдфри, the Childfree Network.

В США в целом уже более 40 организаций, объединяющих чайлдфри, каждая из них насчитывает несколько тысяч участников. Например, в Калифорнии насчитывается уже более пяти тысяч членов этой организации.

Термин «childfree» возник как антитеза термину «childless» («бездетный»), которое, по нашему мнению, означает, что детей «недостает» и они желанны. Чайлдфри утверждают, что их жизнь может быть полноценной и без потомства. Некоторые из них могут любить детей, некоторые остаются безразличными, некоторые испытывают неприязнь, но общими для всех чайлдфри являются: отсутствие ребенка и нежелание становиться родителем.

Идеи чайлдфри нельзя назвать абсолютно новыми, еще в античные времена выдвигались идеи антинатализма — философской позиции, негативно оценивающей воспроизведение потомства. Она разделялась многими известными философами и писателями, в том числе Софоклом, А. Шопенгауэром, Г. Гейне, М. Твенном, Э. Чораном, Т. Готлибом и др. Сторонники данной позиции утверждают, что антинаталистическая политика может решить проблему перенаселения и вытекающих из него проблем голода и истощения энергетических ресурсов. Политика, направленная на уменьшение количества детей в семье, сегодня практикуется в таких перенаселенных странах, как Индия и Китай. В то же время демографическая политика таких стран, как Россия, Украина, Австралия, Франция, Италия, Германия, Польша и Япония, поощряет многодетность в целях борьбы с депопуляцией. Другие сторонники антинатализма апеллируют к моральной стороне вопроса. Так, Дэвид Бенатар считает, что поскольку причинение вреда есть морально неправильный акт и, следовательно, его надо избегать, то должен быть моральный императив против размножения, так как рождение нового человека всегда влечет за собой нетривиальный вред этому же человеку. По мнению Бенатара, каждый вновь создаваемый человек заранее обречен на страдания, даже если условия его жизни будут непрерывно улучшаться.

За рубежом в последние десять лет вышло большое количество научных статей, посвященных чайлдфри, проводятся различные качественные исследования. Данная проблематика разрабатывается в работах: Е. Буркетт, А. Бурне, Т. Кассей, К. Парк и др.

Чайлдфри не занимаются пропагандой отказа от деторождения и никому не навязывают свое мнение. Зарубежные сознательно бездетные обсуждают в Сети несправедливость единого для всех налогообложения, вынуждающего их финансировать общественные школы, предлагают создать политическую партию, поддерживающую образ жизни чайлдфри. Западные чайлдфри выдвигают свои права не только в политической сфере, но и на потребительском рынке. На специальных сайтах можно найти сотни адресов — ресторанов, гостиниц, кинотеатров и спортклубов, куда вход разрешен только без детей.

Сознательно бездетные объясняют свое нежелание обзаводиться потомством по разным причинам: из-за карьерного роста, боязни потерять работу, эгоистического начала, страха перед родами, ответственностью за ребенка, смертью детей, финансовыми проблемами, возможностью оказаться плохим родителем, по причине не привитого или неразвитого родительского (материнского) инстинкта. Из этих мотиваций и интересов можно вычленить общие для них терминальные ценности: индивидуализм, нонконформизм, либерализм, саморазвитие, карьера, образование, финансовая независимость, секс, эмоциональная и физическая близость с партнером, здоровье, свобода, досуг, хобби, сохранение эстетической красоты фигуры.

В целом, наблюдения показали, что чайлдфри-пары более образованны, более востребованы как профессионалы и руководители, имеют больший доход (оба супруга), живут в городах, менее религиозны, менее склонны к соблюдению традиционных гендерных ролей и обычаев [16, с. 21—45].

Официальных организаций чайлдфри на территории России нет, и основное общение тех и других происходит в интернете. В 2004 году в России создано интернет-сообщество сознательно бездетных на портале Livejournal.com, насчитывающее около пяти тысяч участников. Согласно нашему исследованию интернет-сообщества портала «Живого журнала», в основном это люди фертильного возраста (хотя встречаются представители старше 45 лет), в большинстве своем — женщины, с высшим образованием, по их словам, преуспевающие в карьере, независимые и целеустремленные. Среди убежденных чайлдфри встречаются и те, кто уже стал родителем. Четыре из пяти участников имеют высшее образование, а у каждого десятого уже есть дети — это не мешает им, правда, считать себя «чайлдфри». Российские чайлдфри не причисляют себя к движению и не приписывают наличие идеологии.

Проведя изучение веб-сайтов организаций, Интернет-форумов и интернет-сообществ российских и зарубежных чайлдфри, и выделив из них в качестве основных сайты организации No Kidding! и Интернет-сообщество российских чайлдфри на портале Livejournal.com, можно сделать вывод об их достаточно существенных различиях.

В 1984 году в Ванкувере был основан Международный социальный клуб No kidding! (англ. Без детей!). В настоящее время данная организа-

ция имеет филиалы в крупных городах Канады и США, в каждом числится около 150 активных членов. Так же филиалы данного клуба существуют в Испании, Италии и Новой Зеландии. На главном сайте No kidding! размещена информация как для желающих вступить в члены клуба, так и для тех, кто хотел бы открыть филиал в новом городе. Организация позиционирует себя как полностью некоммерческая. Регистрация бесплатна и главное условие — человек, желающий стать членом клуба, никогда не имел детей, вне зависимости от пола, возраста, расовой или этнической, религиозной принадлежности, социального и экономического или брачного статуса. Чтобы сохранить членство в клубе, необходимо посещать хотя бы одно мероприятие раз в три месяца.

Каждый филиал имеет свой отдельный веб-сайт, на котором размещается информация о предстоящих событиях и есть форум для дискуссий. Раз в месяц клубом проводятся различные, в основном развлекательные, мероприятия: ужины, дегустации вина, походы на концерты и театральные постановки.

Членам клуба от 18 до 80 лет, большинство активных членов находятся в возрасте от 30 до 40 лет. В клубе состоят как пары, так и свободные чайлдфри. Отдельно подчеркивается, что данный клуб не является так называемым клубом знакомств. На сайте приведены ответы на самые распространенные вопросы критиков движения чайлдфри, например, на предположение о том, что в старости о бездетном некому будет заботиться, приводится следующий аргумент. Некоторые дети, повзрослев, действительно заботятся о своих престарелых родителях, другие же забывают о них. Если посчитать, то в среднем расходы на то, чтобы вырастить ребенка с рождения и до 18 лет составляют 300,000\$, и если эти деньги сохранить, то на них можно позволить себе прекрасную старость и не будет необходимости в чьей-либо заботе.

Российские чайлдфри, как уже было отмечено ранее, не имеют каких-либо организаций или клубов, и их коммуникация осуществляется в Интернете. Большая часть дискуссий в Живом Журнале чайлдфри посвящена в основном безапелляционной критике и часто оскорблениям детей и молодых родителей. Чайлдфри активно общаются между собой, высказывают недовольство в адрес внешнего мира, который часто не понимает и не принимает взгляды бездетных по убеждению. Участники приводят примеры из собственной жизни, в основном касающиеся плохого поведения детей в общественных местах и транспорте. Так же активно обсуждается нежелание предоставлять какие-либо льготы коллегам, имеющим детей — ездить за них в командировки, оставаться сверхурочно или выполнять за них какую-либо работу и т. д. Чайлдфри крайне негативно относятся к любой критике и любым аргументам против их позиции, в связи с чем администраторы Живого Журнала просто запрещают вход тем, кто пытается вступить в дискуссии с чайлдфри. Также, журналистам, социологам, психологам категорически запрещается использовать данное сообщество для поиска респондентов для интервью, поиска желающих участвовать в телепередачах и т. п.

Таким образом, при анализе двух веб-сайтов американских и российских чайлдфри можно сделать следующие выводы. Основная цель создания американского веб-сайта чайлдфри — общение и проведение совместного досуга. На сайте имеется комментарий о том, что люди, которые не имеют детей, в определенном возрасте могут почувствовать, что их круг общения значительно сузился, так как большая часть их друзей и знакомых обзавелась детьми и количество их свободного времени резко уменьшилось. Также, они могут почувствовать, что им больше не интересно общаться с этими людьми, так как с появлением ребенка основной темой для бесед становятся дети, а также уход за ними, воспитание и образование. Для российских чайлдфри Интернет-сообщество становится местом, где они могут высказаться, в основном в крайне негативной форме, по поводу детей и их родителей и при этом быть полностью поддержанными другими участниками сообщества. На наш взгляд, сайт российских чайлдфри имеет весьма агрессивный контекст в адрес внешнего мира и резко ограничивает доступ и комментарии противников чайлдфри, тогда как американский не несет какой-либо агрессии и ограничивает доступ в свой клуб только таким образом, что желающий в него вступить не должен иметь детей или, если он имеет детей, то приходиться в качестве гостя на встречи с одним из действующих членов клуба чайлдфри. Есть и еще одна особенность русских чайлдфри. В большинстве случаев это люди либо одинокие, либо состоящие в ни к чему не обязывающих отношениях. В США же почти половина чайлдфри — семейные пары.

В ходе статистического исследования нами были выяснены наиболее распространенные причины быть чайлдфри: нежелание жертвовать личным пространством ради ребенка, отсутствие убедительной причины иметь детей, нежелание терять время, активное отвращение к детям, удовлетворенность домашними животными и наблюдением за детьми родственников или друзей.

Таким образом, нами был рассмотрен такой протестный процесс в обществе потребления, как чайлдфри. Чайлдфри имеет уже достаточно длинную историю, тогда как в России это достаточно новое явление. Чайлдфри активно обсуждается как в западных, так и зарубежных СМИ, а особенно активно в Интернете, что свидетельствует об актуальности данного явления. Как мы видим, российские и зарубежные чайлдфри имеют как существенные различия, так и, безусловно, общие черты. Исходя из данных исследований, можно говорить о том, что во всем мире увеличивается количество бездетных по убеждению и в то же время общество становится более лояльным к данному явлению, а, следовательно, можно прогнозировать дальнейший рост количества чайлдфри. Вообще поколение XXI века, молодые люди детородного возраста 20—35 лет, в своем демографическом поведении сильно отличаются от своих родителей, что позволяет оценить произошедшие изменения как революционные. Суть трансформации модели формирования семьи, по мнению демографов, заключается, в первую очередь, в нарушении прежнего единства сексуального, репродуктивного

и брачного поведения, присущего модерной эпохе. Более того, изменяется традиционная последовательность календарных событий, сама тайминговая модель брака и рождаемости, что приводит к откладыванию matrimo-ниальных и фертильных задач.

Далее нами будет рассмотрен еще один не менее актуальный протестный процесс общества потребления — дауншифтинг.

Первый массовый протест против идеологии больших денег начался в 1960-е годы во времена распространения идеи хиппи. Отказаться от материального и соединиться с природой — такова их философия. В конце 1970-х как антитеза «детям природы» приходят яппи (от английского Yurpie, Young Urban Professional — молодой городской профессионал). Это целое поколение молодых карьеристов и трудоголиков, которые ценят деньги и собственные интересы. Основным критерий принадлежности к «яппи» — успешность в бизнесе.

Сегодня страны Европы, США и Австралия переживают новый виток изменения общественной философии. В 1980-м Д. Элгин ввел термин «добровольная простота» — образ жизни, который, с одной стороны, относительно стабилен, в том числе и с финансовой точки зрения, а с другой — соответствует всем жизненным и духовным потребностям человека [22, с. 21]. Согласно Элгину, если вынужденная бедность ограничивает человека, то «добровольная простота» дает ему свободу. Однако же, по мнению Элгина, данный образ жизни должен быть относительно стабилен в финансовом плане, и одновременно соответствовать жизненным и духовным ценностям человека.

Попытки найти замену господствующей системе развития современного общества предпринимают теоретики постиндустриального общества. Как ни странно, но их мысли сводятся к марксистской идее о ценности свободного времени. Предполагается, что рано или поздно общественное сознание само воздвигнет на пьедестал свободное время, возможность духовного развития. Косвенным признаком того, что общество идет именно по этому пути, можно считать развитие на Западе такого движения, как дауншифтинг.

Термин «downshifting» происходит от английских слов «down» и «shift», буквально — «перемещение вниз», «спуск»; в автомобильной терминологии — «включение пониженной передачи». Термин «дауншифтинг» начал активно использоваться после опубликованной 31 декабря 1991 года в газете «Вашингтон Пост» статьи Сары Бан Бреатнах «Жизнь на пониженной передаче: дауншифтинг и новый взгляд на успех в 90-е» (Living in A Lower Gear: Downshifting: Redefining Success in the '90s).

В первую очередь социологи стали понимать под этим понятием добровольный отказ от перемещения вверх по карьерной лестнице ради иных жизненных ценностей, прежде всего семьи, хобби, психологического комфорта и заботы о собственном здоровье. Ученые выделяют три основных способа дауншифтинга: снижение рабочих часов, прекращение работы или изменения в карьере с сопутствующим снижением дохода и уход с работы

для продолжения учебы. Выделяют постоянный и временный дауншифтинг. Временный дауншифтинг используется для разрешения внутренних конфликтов, устранения синдрома хронической усталости, решения других вопросов. На наш взгляд, одной из причин дауншифтинга является расхождение между индивидуальными ценностями и теми, которые навязывает человеку социум, в частности, то место, где он осуществляет свою трудовую деятельность.

Следует отметить, что дауншифтинг — явление, в большей степени характерное для Европы, США и Австралии. Он характерен для западных стран с развитой экономикой, стабильной политической системой и высоким уровнем жизни и потребления. Дауншифтинг постепенно начинает представлять собой социальное движение, а дауншифтеры — большую группу, образующую новую социальную страту [19].

Исследование, проведенное Australia Institute [8, с. 56–65], показало, что за последний десяток лет около 23% жителей Австралии в возрасте 30–59 лет стали дауншифтерами (под дауншифтингом ученые понимали длительное добровольное изменение жизни, сопровождавшееся уменьшением дохода и потребления). Самые распространенные среди австралийцев способы спуска по социальной лестнице — это уменьшение количества рабочих часов (29%), переход на менее оплачиваемую работу (23%), полный отказ от работы (19%), смена сферы деятельности (19%). В качестве основной причины изменения своей жизни большая часть респондентов называет недостаток времени на семью (35%), на втором месте — желание вести более здоровый образ жизни (23%); дальше следуют чувство личного удовлетворения (16%), более гармоничная жизнь (16%) и более внимательное отношение к окружающей среде (12%). Среди опрошенных дауншифтеров только 34% полностью довольны своей новой жизнью, 38% довольны, но сожалеют об уменьшении дохода, 17% респондентов называют себя счастливыми, но тяжело переносят сокращение доходов, а 9% и вовсе несчастливы.

В 2003 году ученые Australia Institute выяснили, что в Великобритании за последние десять лет четверть населения в возрасте 30–59 лет сменила свой социальный статус на более низкий [12]. Британские дауншифтеры не склонны мигрировать в сельскую местность. Важно отметить, что женщин среди них чуть больше, чем мужчин. Самый популярный способ дауншифтинга в Великобритании — прекращение трудовой деятельности (30%), далее следуют сокращение рабочего времени (22%), изменение сферы деятельности (20%), возвращение к учебе (12%) и переход на менее оплачиваемую работу (11%). Профессор социологии Бостонского колледжа Джулиет Шор считает, что с 1990 по 1996 год переместились вниз по социальной лестнице 19% жителей США.

Австралия на сегодняшний момент лидирует по количеству дауншифтеров. Ассоциация дауншифтеров Австралии прогнозирует, что к 2015 году к ним примкнет половина населения континента. Пока что, по статистике,

среди выбравших дауншифтинг 27% — с доходами менее 30 000 долларов в год, 25% — с доходами от 30000 до 60000 [8]. Чем выше уровень жизни в стране, тем больше людей пересматривают свое отношение к процессу работы и уровню дохода. Хроническая усталость вследствие постоянного стресса, разочарование в финансовых возможностях вводят их в состояние фрустрации, ведущей к ранним увольнениям. Значение власти, престижа, статуса теряется на фоне осознания упущенных возможностей общения с семьей, детьми, путешествий, социально полезных дел, свободы личного времени. В нашей логической модели одним из основных побудительных мотивов дауншифтинга, влекущего за собой изменение структуры общества, является переосмысление ценности личной свободы.

Причисляющие себя к дауншифтерам отказываются от стремления к пропагандируемым общепринятым благам наподобие постоянного увеличения материального капитала, карьерного роста и т. д., взамен ориентируясь на жизнь ради себя и/или семьи. Дауншифтинг возник как вполне закономерная реакция на ценности яппи, которые признавали высшей ценностью карьеру и социальный статус.

Идеология дауншифтинга строится на том, что свободное время и возможность заниматься развитием своих личных потребностей и желаний гораздо важнее карьерной гонки. На наш взгляд, поведение дауншифтеров — это результат желанный, основанный на рефлексии и пересмотре системы ценностей. На данном этапе дауншифтинг не несет в себе цели изменить общество в целом, это лишь попытка создать альтернативный стиль жизни внутри общества потребления. Дауншифтинг является очевидным протестом против идеалов общества потребления, и появление его — следствие ряда серьезных недостатков последнего — главным образом, отрицания необходимости развития человека как личности.

В каждой стране дауншифтинг приобретает специфические черты. В Англии дауншифтинг имеет экологический подтекст, в то время как в Австралии фокус смещен в сторону смены жилья и места проживания.

О дауншифтинге как социальном явлении в России говорить пока еще рано, но единичные примеры известны и широко обсуждаются в СМИ и особенно в Интернете.

В России такая страта общества — дауншифтеры — не сформирована, однако количество дауншифтеров растет.

В России по-прежнему очень высока значимость материальных ценностей, стабильности и достатка, а дауншифтинг — скорее следствие определенной пресыщенности ими вследствие высокого экономического развития, стабильности и социальных гарантий, которые в нашей стране пока не достигли уровня развитых стран. Сегодня дауншифтинг в России скорее сводится к гоашифтингу — переезду в места с более низким уровнем жизни, что позволяет людям с достаточным накопленным капиталом со-

хранять достойное социальное положение при малоинтенсивной занятости. В Индии, Гоа уже созданы коммуны российских дауншифтеров. Главное отличие российскийского последователя дауншифтинга от зарубежного в разных стартовых условиях: в странах с устойчивой экономикой и эффективными социальными программами отказ от карьеры и больших заработков — это, конечно, определенный риск, но не столь серьезный, как в России. Среди современных российских дауншифтеров наиболее ярким примером может быть Герман Стерлигов — предприниматель-миллионер, уехавший жить из Москвы в деревню.

В российских СМИ стали появляться новые статьи на тему дауншифтинга. Выходят книги российских авторов и телевизионные репортажи. К середине 2006 года в российском Интернете появились специализированные блоги и дауншифтинг стал массово обсуждаться в блогосфере. Проведенный анализ упоминания в блогах Яндекса, показал, что упоминаемость слова «дауншифтинг» за 2002—2008 годы в среднем возрастает в 2 раза ежегодно. К сентябрю 2010 упоминание слова дауншифтинг в поисковой системе Яндекс составляла более 5 500 запросов за месяц. Осенью 2006 года было создано российское сообщество приверженцев нового явления на базе «Живого журнала». Дауншифтеры ведут записи в «Живых журналах» и блогах, рассказывая о своей «новой» жизни. В странах запада по теме дауншифтинга проводятся различные мероприятия, в том числе конференции, конгрессы, уже четвертый год в Великобритании и США проводятся и интернациональные и Национальные недели дауншифтинга.

На сегодняшний день дауншифтеры представляют меньшинство, однако их количество может постепенно увеличиться в ходе трансформации общественного устройства.

Таким образом, нами были рассмотрены два, на наш взгляд, наиболее ярких и актуальных протестных процесса современного общества потребления: чайлдфри и дауншифтинг. Изложенное выше свидетельствует о том, что мироотношение, господствовавшее в современном обществе потребления постепенно сменяется новым. Последствия этой трансформации еще только складываются, а элементы прежней культуры все еще широко распространены, но можно, тем не менее, различить основные черты нового паттерна. Дальнейшее исследование чайлдфри и дауншифтинга, особенно в России, представляет большой научный интерес.

Литература

1. Антонов А., Лебедь О. Репродуктивные установки и удовлетворенность семейной жизнью в России и Европе (по данным европейского социального исследования — 2006) // «Демографические исследования», №8—9.
2. Дрейк Дж. Дауншифтинг. М.: Добрая книга, 2007.
3. Лисова Е.В. Дауншифтинг: стратификационные эффекты // Экономическая социология: электрон. журн. 2008. Т. 9, N 2. С. 56—65.

4. *Магун В.С., Руднев М.Г.* Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами. Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 1 (93), с 33—58.
5. *Прихидько А.И.* Дауншифтинг как социально-психологический феномен // Психологические исследования, №1, 2008.
6. *Соколов А.А.* Семья — установки, выбор действий, последствия в России и в Европе // *Фамилистические исследования. Том 2. Миллион мнений о семье и о себе : сборник / Отв.ред. А.И. Антонов.-М.:КДУ, 2009. С. 244—292.*
7. *Addio A. Mira d'Ercole D.* Trends and Determinants of Fertility Rates in OECD Countries. 2006.
8. *Breakspear C., Hamilton C.* Getting a life: understanding the downshifting phenomenon in Australia. Discussion papers. Canberra, 2004.
9. *Burkett E.* The baby boon: How family-friendly America cheats the childless. New York: Free Press, 2000.
10. *Casey T.* Pride and joy: The lives and passions of women without children. Hillsboro, OR: Beyond Words, 1998
11. Fertility of Italian women // Demographic research. 2008 Vol 19, art. 33.
12. *Hamilton C.* Downshifting in Britain: a sea-change in the pursuit of happiness. Discussion papers. Cambridge, 2003.
13. *La Mastro V.* Childless by choice? Attributions and attitudes concerning family size. Social Behavior and Personality, 29.
14. *Letherby G.* Childless and bereft? Stereotypes and realities to «voluntary» and «involuntary» childlessness and womanhood. Sociological Inquiry, 72, 7-20.
15. *Smith T.* Women, Work, and Family // The National Data Program for the Social Sciences. 2009.
16. *Park K.* Stigma management among the voluntarily childless // Sociological Perspectives, 45, 21-45.
17. *Taylor P., Livingston G., Cohn D.* Childlessness Up Among All Women; Down Among Women with Advanced Degrees // Pew Research Center's, Social & Demographic Trends Project. 2010
18. Бездетность и нежелание иметь детей // Фонд «Общественное мнение». 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/d082125>.
19. *Дауншифтинг в России: сообщество дауншифтеров.* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.downshifting.ru> .
20. «Россияне не хотят рожать даже за деньги». Lenta.ru. 29.05.2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2006/05/29/demography/>
21. Опрос Левада-центра. Январь 2009 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/200901.html>
22. *Elgin D.* Voluntary Simplicity. Toward a Way of Life that is Outwardly Simple, Inwardly Rich. HarperCollins, 2d ed., 2008.

В.В. Титов

Образы «своих» и «чужих» как элементы национально-государственной идентичности российской молодежи в начале XXI столетия¹

В статье анализируются образы «своих» и «чужих» в политическом сознании современной российской молодежи, их воздействие на формирование национально-государственной самоидентификации поколения молодых россиян в начале XXI века. При этом особый акцент сделан на территориально-политическое измерение российской государственности — образ «своего» геополитического пространства, а также внешнеполитические характеристики — представления о зарубежных «союзниках» и «врагах» России. Выделены и рассмотрены ряд ценностных контуров, репрезентирующих образ России в сознании молодежи (эмоционально-персоналистский, ресурсный, геополитический).

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, молодежь, паттерны самоидентификации, политические образы

Одной из значимых проблем политической науки в современной России является процесс формирования и эволюции национально-государственной (гражданской) идентичности российской молодежи. Результаты политико-психологических и политико-социологических исследований свидетельствуют, что самоидентификация молодых россиян протекает на основе многоуровневого взаимодействия эмоциональных, когнитивных, поведенческих, а также иррациональных (неосознаваемых) элементов политического сознания.

Следует отметить, что изучение психологических механизмов национально-государственной идентификации представляет собой актуальное направление для дальнейших специализированных (в области психологических наук) исследований. Поэтому необходимо отразить роль ключевых компонентов политического сознания — образов «своих» и «чужих» —

¹ Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Политико-психологические механизмы формирования национально-государственной идентичности в современной России», грант РГНФ №12-03-00307.

посредством которых происходит идентификационный выбор среднестатистического «молодого россиянина» в условиях изменчивой политической и социокультурной атмосферы российского общества.

В рамках данной статьи отражены результаты исследования «Национально-государственная идентичность российской молодежи», проведенного кафедрой социологии и психологии политики МГУ в 2009—2011 гг. под руководством доцента Т.В. Евгеньевой, в котором принял участие автор. Данное исследование включало в себя три компонента: серию формализованных интервью (более 200 респондентов в возрасте 18—30 лет в 24 субъектах РФ); 86 глубинных интервью и ряд проективных тестов «Россия — мой дом».

Компоненты национально-государственной самоидентификации: образы «нашей» страны и «своего» государства

Образы государства и страны являются фундаментальными интегрирующими конструктами системы национально-государственной идентичности в контексте дифференциации «своих» и «чужих» субъектов политического пространства. Самооценка «человека политического», его мотивация, направленная на ассоциацию себя с определенной национальной группой и геополитической структурой, несомненно, взаимосвязана с динамикой личностных представлений о «нации» и «государстве-стране» (см. коммент. 1).

Синергия геополитического образа предполагает его качественную целостность, принципиальную несопоставимость с совокупностью его структурных частей. Образ-целостность — не только единица пространственной идентификации политического субъекта, но и ценностно-эмоциональный конструкт, предопределяющий систему установок и поведенческих моделей молодежи относительно политико-культурного объекта «Россия».

Основываясь на результатах исследования, можно зафиксировать ряд ключевых характеристик идентификационного геополитического конструкта «Россия» в сознании молодежи.

По мнению молодых респондентов, Россия наделена следующими позитивными качествами:

- сильная — 5,12
- независимая — 5,08
- единая — 5,06
- привлекательная — 4,82
- уважаемая — 4,80
- перспективная — 4,73
- влиятельная — 4,59
- дружественная — 4,47
- богатая — 4,30
- развитая — 4,18
- надежная — 4,07

К негативным чертам образа России, структурированного в политическом сознании молодежи, относятся следующие характеристики:

- опасная — 2, 98
- тревожная — 3,10
- закрытая — 3,97

Таким образом, можно диагностировать, что значимой установкой в политическом сознании постсоветского политического поколения является восприятие страны и самоидентификация с ней через призму *«опасности — тревожности»*. Очевидно, подобный факт свидетельствует о нестабильном эмоциональном компоненте национально-государственной идентичности, тяготении российской молодежи к дефицитарным и фрустрационным оттенкам при формировании собственной национально-государственной идентичности.

В рамках формализованных и фокусированных интервью были выявлены следующие наиболее типичные характеристики идентификационного образа России:

«Большая страна», «великая страна», «огромная территория», «много природных ресурсов», «кусочек земного шара», «часть Евразии», «моя любимая страна», «лучшая в мире», «уникальность во всем», «непохожа на других», «окраина Европы», «нефть и газ», «нефтяные компании», «православная страна».

Анализируя выявленные ассоциации, можно выделить несколько взаимосвязанных линий представлений о России в политическом сознании молодежи.

Первый контур — *персонально-эмоциональный* — связан с иррациональными психологическими импульсами и аттитюдами молодых граждан. В его основе заложена экспрессивная оценка образа «страны — нации — государства» в целом, которая отражена посредством позитивных (*«самая лучшая страна на Земле»*) или негативных (*«какая-то особенная, ненормальная страна», «государство, непригодное для жизни»*) оттенков.

Второй контур отражает *географический и «ресурсный» аспекты* формирования идентификационных образов России в сознании молодежи. Лейтмотив, отчетливо закрепившийся в политическом сознании молодых россиян, заключен в образе России как *«потенциально богатой страны»*, у которой в избытке наличествуют *«природные ресурсы»*, воспринимаемые как фундамент дальнейшего ускоренного социально-экономического развития.

Необходимо отметить, что сегмент российских респондентов, в том или ином контексте отметивших ресурсную составляющую (от *«природные богатства»* — до *«энергетическая держава»*), составил более 1/3 от числа опрошенных. Можно предположить, что в политическом сознании молодых российских граждан психологическая установка, связанная с природными *«богатствами»* России, играет одну из ведущих ролей. *«Нефть», «газ», «лес»* стремительно приобретают символическое значение, переходят в качественно новое состояние *социокультурных маркеров*, через которые молодежь

транслирует *«противоречивый»* «образ России» в позитивное структурно-ценностное пространство (см. коммент. 2) собственной «картины мира».

Однако, необходимо обратить внимание на разность в оценках ресурсного компонента в политических представлениях российской молодежи. Для незначительной ее части (3—4% респондентов) ресурсы выступают, прежде всего, фундаментом социально-экономической и политической модернизации. Национальные природные богатства рассматриваются не как доказательство международного «веса» и геополитической значимости государства, но преимущественно в контексте социальных преобразований. Так, например, в ответах респондентов, указавших, что Россия *«богата ресурсами»*, но одновременно *«пока страна третьего мира»* и *«способна к рывку»*, прослеживается именно модернизационная установка.

Полученные результаты свидетельствуют, что в целом российская молодежь склонна рассматривать ресурсный фактор в идентификационном образе России тройственно.

Первый «рационально-утилитарный» кластер (для 1/4 от числа респондентов, обозначивших ресурсно-географические сюжеты в образе России) высказывает суждения, близкие к модернизационной установке. Для него национальные богатства выступают в роли преобразовательного потенциала, инновационного субстрата, способного помочь России *«подняться»*, *«преодолеть кризис»*, *«перейти к наукоемкой экономике»*, *«внедрить отечественные высокие технологии»* и *«улучшить жизнь граждан»*.

Второй «геополитический» кластер (см. коммент. 3, 4) идентифицирует «свою» *«богатую Россию»* как *«сильное государство, «державу»*, с которым *«считаются все в мире»*. Ресурсы в политическом восприятии данного субсегмента молодежи — есть историческая данность (см. коммент. 5), автоматически закрепляющая «особую роль» Российской Федерации в мировой политике и фиксирующий ее пребывание в реестре *«держав», «лидеров 21 века»*.

Третий «статический» кластер рассматривает российские ресурсы в контексте нереализованных возможностей, противопоставляет географический (территориально-природный, геополитический) потенциал и существующую социально-политическую реальность. Уместно добавить, что именно в ответах представителей данной подгруппы часто встречаются также протестные и депрессивные сюжеты *«Россия — это: «коррупция», «общество богатых и бедных»* и т. п.

Третий контур связан с идентификацией России молодежью через призму *«цивилизационно-исторической уникальности»*. Данная установка находит отражение в политическом сознании примерно 2/5 респондентов. По их мнению, Россия — это *«великая и неповторимая культура»*, *«цивилизация»*, *«особый путь развития»*, *«не похожа на другие страны»*, *«особый менталитет»*.

Необходимо отметить, что среди респондентов преобладают интерпретации национальной самобытности как позитивного исторического факта. Но, вместе с тем, заявляет о себе и узкий субсегмент (2-3%), для которо-

го характерна негативная оценка российских национально-государственных особенностей («ненормальная страна»).

Власть и «наше» государство в идентификационном образе России

Четвертый контур идентификационного образа России, который заслуживает самого пристального внимания, — **властно-государственный**. Респонденты, у которых сформировался указанный образ, как правило, выстраивают следующие ассоциативные ряды: «государство», «политика, власть» «президент, парламент», «политики и их окружение» и т. д.

Молодежный сегмент, упомянувший внутривластную составляющую, дифференцируется на три примерно равных по численности кластера.

Первый кластер — **«институционалисты»** — дают описательную характеристику идентификационному объекту «Россия» через совокупность социально-политических институтов: «государство, которое нами управляет», «Государственная Дума», «Президент», «Президент и правительство», «губернаторы», «партии какие-то там, но я их не знаю».

Второй кластер — **«персоналисты»** — ассоциируют Россию в конкретно-политическом контексте «дня сегодняшнего» посредством радикального упрощения и перемещения национально-государственного образа в персональные рамки. Типичные ответы в данном случае: «Путин», «ну, конечно, он самый — Путин», «Медвед и его команда», «Д.А. Медведев».

Третий кластер респондентов — **«атрибутивный»**. Образ «Россия» в данном кейсе представлен через оценочно-описательные характеристики текущего политического состояния (в том виде, в котором его интерпретируют респонденты). Показательные ответы представителей этого кластера: «демократическая страна», «политическая конкуренция», «пытаются идти (!) демократические процессы», «Россия — суверенная демократия».

Интерпретируя полученные результаты, можно отчасти согласиться со сформировавшимся на рубеже XX-XXI веков мнением, что в рамках молодежной политической субкультуры России отношение «к современной власти носит характер достаточно нейтральный... «Она есть какая есть» и с ней, вне зависимости от того, какие личности и институты ее персонализируют, не связывается никаких ожиданий на позитивные перемены» [1]. Следовательно, «молодое поколение относится к политике и власти как к некоторым данностям, которые не вызывают ни восторга, ни особо резких отрицательных эмоций. Это, прежде всего, проявляется в отстраненности весьма значительной части молодежи от политической жизни России» [1]. Однако, сегодня — в начале второго десятилетия XXI века — абсентеистская по своей природе «политическая нейтральность» молодежи системно (до 30—40% респондентов) дополняется негативными оценками власти, ее действий: «Не отвечает потребностям общества», «куча чиновников, думающих о себе», «жизнь народа руководство не волнует» и т. д.

Фактически мы можем диагностировать следующую тенденцию в динамике политического сознания молодых россиян: в целом позитивный образ «потенциальной России» (на основе которого молодежь готова конструировать собственную национально-государственную идентичность) диссонирует с окрашенным негативными эмоциями образом корыстной и «неэффективной» власти, которая выступает препятствием «развитию России» и «нормальной жизни».

Социально-экономическая реальность и образ «сверхдержавы»

Пятый контур структуризации идентификационных образов России в политическом сознании молодежи — **негативные характеристики сложившейся социально-экономической реальности**. Представители российского молодого поколения реконструируют образы страны через призму таких типичных явлений, как: «бедность», «коррупция», «слабое развитие», «необразованная страна», «низкий уровень образования и здравоохранения», «экономический и социальный кризис».

Следует отметить: количество негативных оценок среди опрошенных нами респондентов (чуть более 1/5) совпадает с данными ряда ранее проведенных региональных исследований. Например, согласно содержанию отчета «Анализ социологического исследования состояния гражданственности, демократизма и патриотизма в молодежной среде г. Новосибирска и Новосибирской области», осуществленного в январе-феврале 2007 года Институтом молодежной политики и социальной работы НГПУ, 24,5% респондентов охарактеризовали Российскую Федерацию в качестве страны с низким уровнем развития [3].

Шестой контур, слабо представленный в образах России, — **пространственно-интеграционный** (около 3% участников исследования). Респонденты, представляющие данную группу, ограничиваются абстрактными констатациями: «часть мира», «одна из многих стран» (см. коммент. 6).

В связи с этим можно отметить, что респонденты рассматривают национально-государственный конструкт «Россия» преимущественно как самостоятельную структуру, не нуждающуюся в интеграции в политические системы «высокого порядка» (международные организации, континентальные геополитические пространства).

Основываясь на результатах эмпирического исследования, мы можем выдвинуть гипотезу, что поколение молодых россиян, прошедшее первичную и вторичную политическую социализацию в конце 80-х гг. XX — конце «нулевых» XXI вв., не испытывает потребности в сверх-национальной идентификации. Более того, отсутствие таковой не создает для респондентов какого-либо дискомфорта (см. коммент. 7).

Седьмой контур восприятия России молодежью — самоидентификация с образом «великой державы». В представлениях респондентов Россия характеризуется как: «великий народ», «большая страна, которая влияет на поли-

тику в мире», «ядерное государство», «мировой игрок», «лидер», «лидер третьего тысячелетия», «государство, способное показать пример другим», «центр влияния» и т. п.

Значительное число опрошенных молодых людей (до 1/3) в разной степени уверены, что Российскому государству принадлежит если не «мировое лидерство», то «особая роль» в современной геополитической конструкции и мировом политическом процессе.

Таким образом, самоценный лейтмотив «державности», сливаясь с идеей «*нереализованных*» российским обществом и властью *возможностей*, выполняют в политическом сознании значительной части молодежи (35—40%) функцию «очистения» от негативных «осколков» настоящего. Конструируемый позитивный образ «потенциальной» России, «*которую мы еще увидим*» в будущем, минимизирует всевозможные недостатки фрагмента «России реальной». «*Кризис, социально-экономическая неразвитость, опасная жизнь, коррумпированность государства, непрофессиональные бюрократы, неспособность перенять европейские ценности*» оказываются вытесненными в периферическое сознание молодых россиян через механизм кросс-темпоральной самоидентификации с позитивной «Россией нового тысячелетия», и сюжетами «героического прошлого».

Очевидно, что национально-государственная самоидентификация молодых респондентов — есть частичный психологический аванс, в основании которого лежит ретрансляция позитивного образа «иной», «прошлой — будущей» России («*через десять лет страна поднимется*») в текущие временные рамки.

Пространственные паттерны «своих»: территориальное измерение.

Основываясь на результатах изучения пространственного профиля образа России, мы считаем возможным выделить пять кластеров «территориального сознания» российской молодежи.

1) «**Империалисты**» (примерно 1/8 респондентов) в подавляющем большинстве воспроизводят территориальные контуры Российской империи — СССР. Согласно их мнениям: «*в состав России в будущем должны войти «все республики СССР», «Аляску неплохо бы вернуть», «СНГ и Сербия», «большая часть СНГ», «Восточная и Южная (!) Европа*».

Характерно, что «империалисты» аргументируют собственное пространственное восприятие исключительно реминисценциями: «*они все раньше нам подчинялись», «жили раньше в едином государстве, хорошо было», «Крым, Украина — всегда были российскими провинциями*».

2) «**Интеграционисты**» (около 1/6 респондентов) включают в геополитический образ России ряд «*пророссийских*», «*русскоязычных*» (по их мнению) государств и регионов постсоветского пространства: Украину (всю или ее восточную часть), Белоруссию, в меньшей степени — Казахстан.

Таким образом, ключевая политико-психологическая установка, закрепленная в сознании «интеграционного» кластера, лингвистическая и социокультурная самоидентификация.

Территориальный образ России в представлении молодого интеграциониста: нынешняя Российская Федерация «с *Украиной, Белоруссией, Абхазией и Казахстаном*».

3) **«Реалисты»** («прагматики») психологически принимают сложившиеся государственные границы, идентифицируют российскую государственность с Российской Федерацией. При этом, субкластер «изоляционисты» исходит из того, что нам *«никто не нужен»* или в будущем в состав России *«могла бы войти Белоруссия»* и *«может быть Абхазия»*.

Пессимистически настроенный субкластер считает, что: *«в будущем из состава России может выйти Чечня, Кавказ», «можем потерять Дальний Восток»*.

4) **«Регионалисты»** ассоциируют пространственный образ «Россия» с конкретной территорией: макрорегионом или субъектом РФ.

5) **«Локалисты»** отождествляют пространственные фреймы России с *«моим городом», «прежде всего, со своей территорией»*.

По мнению подавляющего большинства молодых россиян, лучше других живут жители Москвы (около 3/4). Также к «благополучным» в социально-экономическом и политическом плане регионам были отнесены:

- Санкт-Петербург (1/2 респондентов)
- «Подмосковье» (1/4 респондентов)
- «Юг»
- «Урал»
- Сибирь («там, где нефть добывают»)
- Краснодарский край

Образы «наименее благополучных» регионов в сознании молодежи идентифицируются со следующими территориями:

- «Кавказ» (примерно 1/2)
- «Север» (более 1/3)
- Дальний Восток
- Поволжье
- «вся Россия», «все» (примерно 1/6 респондентов)

Следует отметить: число тех респондентов, кто отнес свой собственный регион к неблагополучным, в 1,8 раза выше численности молодых россиян, оценивших свой регион в позитивном ракурсе (24 % и 14% соответственно).

Геополитические образы «друзей» и «врагов» России

Образ «чужого» занимает значимое место в структуре национально-государственной идентичности российской молодежи. Многочисленные исследования отечественных и зарубежных политических психологов подтверждают, что «чужие» — фундаментальное основание негативной коллективной идентичности [2]. Наиболее значимые разработки данной проблемы в контексте национально-государственной и этнической идентификации представлены в трудах зарубежных ученых (С. Хантингтона,

И. Нойманна) [2] и в отечественных работах, выполненных на кафедре социологии и психологии политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Очевидно, категориальная схема «свой — чужой» выступает определяющим смыслом, придающим содержание когнитивному пространству «мы». Взаимодействие с «чужими» проявляется в двойственной роли: как структурно-смысловое постижение реальности посредством категоризации и в качестве импульса сопоставления — самопознания (*«На западе много денег, финансовые центры, а мы сильны народом, историей»*).

Исследования, проведенные Т.В. Евгеньевой и ее коллегами, подтверждают, что в условиях социально-политического кризиса и нестабильности позитивного идентификационного образа России, лейтмотивом самоопределения молодежи выступает идентификация «от противного», предполагающая поиск «инаковости» в различных ее проявлениях.

Таким образом, в структуре национально-государственной идентичности российской молодежи формируется двухуровневая конструкция «инога мира». Первый — внутренний — уровень — «чужие» внутри страны, «вычисляемые» посредством социально-бытовых коммуникаций. Второй — внешний уровень — система геополитических образов «врагов» (и как оппозиция — «друзей») России.

Проведенное изучение политических представлений молодежи в рамках оппозиций «свои — чужие» и «друзья — враги» свидетельствует о высоком уровне автономизации и закрытости молодежных сообществ. У подавляющего большинства респондентов (более 4/5) под определение «свои» в первую очередь попали: *«семья», «близкие родственники», «только самые-самые близкие», «друзья» и т. д.*

Незначительная часть (1/10 респондентов) считают «своими»: *«всех, кто живет на планете земля», «кто меня мог бы понять и оценить»*.

И минимальное число респондентов (около 5%) связывают представление о «своих» с национально-государственной или этнополитической идентичностью: *«русские люди», «граждане моей страны», «жители России»*.

По существу, представления российского молодого поколения о «чужих» структурируются в три группы.

Первая группа (1/10 респондентов) — «абстрактные чужие»: *«все вокруг», «те, кто меня не понимает», «международные враги», «террористы», «кто не разделяет мой системы ценностей»*.

В ходе исследования было выяснено: у респондентов данной группы наблюдается, как правило, отсутствие выраженной макрополитической идентичности, средний уровень социальных фобий в сочетании с неразвитой когнитивной сферой политического сознания (*«Политикой не занимаюсь и не интересуюсь в принципе»*).

Вторая группа (2/3 ответов) — конкретизированные «внутренние чужие». К ним относятся: *«выходцы с Кавказа», «старшее поколение (я их не*

понимаю)», «олигархи», «чиновники», «мажоры», «всякие среднеазиаты, которые едут за заработком», «мигранты».

Можно зафиксировать, что в рамках данного спектра ответов выделяются два мотива выделения «чужих»: этнополитическая самоидентификация и фактор социальной дистанции.

Следует отметить, что среди этнических и конфессиональных групп, вызывающих состояние дискомфорта («Представители каких этнических, социальных, религиозных групп не внушают Вам доверия?»), наиболее часто респондентами упоминались:

нерусские выходцы с Юга России (3/5 респондентов, часто без этнической дифференциации — «кавказцы»);

«приезжие разные» (более 1/4 респондентов);

мусульмане (в различных вариациях — «исламисты», «мусульманские группировки» и т. д.).

Третья группа (1/5 респондентов) демонстрируют аут-образы «чужих», которые носят преимущественно геополитический характер: «Грузия и Украина», «все страны, кроме нескольких, которые с нами считаются еще пока», «США и НАТО».

На наш взгляд, следует учитывать принципиальную разницу двух схем. Если оппозиция «свои — чужие» связана в представлениях молодежи преимущественно с субъективным ощущением социального комфорта и в некоторой степени — внутривнутриполитической динамикой, то конструкт «врага» в большей степени имеет выраженную внешнюю, геополитическую направленность.

«Враги» России: паттерны идентификации

Исходя из полученных нами ответов респондентов, можно сделать вывод, что современные молодые россияне склонны к рационализации политической реальности. В частности, перечень названных «врагов» России свидетельствует о паритете трех составляющих: ценностно-этической, этнической и геополитической.

Ценностно-этический подход к определению «врага» сводится к рефлексии молодежью социально-политического негатива, имеющего место в национально-государственном и в планетарном масштабе. «Врагами» России называются негативные процессы, как внешнего («международный терроризм», «глобальный финансовый кризис»), так и внутреннего характера: «преступность и коррупция», «пассивность молодежи», «упадок экономики», «нравственный кризис», «российский менталитет» и т. д.

Этнический подход к определению «врага» в наибольшей степени присущ двум кластерам: молодым респондентам с этнополитической версией «русской» идентичности и развитым региональным самосознанием. По их мнению, враги: «те, кто не знает русского языка», «азиаты, беженцы, мигранты», «кавказцы» и т. д.

Геополитический подход — идентификация в качестве «врагов» государств или международных организаций. Реестр геополитических «врагов» в представлениях молодого поколения возглавляют США (около 1/2 респондентов), НАТО (1/4 респондентов) и исламский мир (1/5 респондентов). Двойственная динамика по шкале «друг — враг» характеризует восприятие геополитических образов Китая и европейских стран.

Можно констатировать, что в политическом сознании современной российской молодежи сформировалась двойная конструкция обобщенного геополитического «врага».

«**Малый враг**» России — исламская цивилизация (20–25%). Под данной широкой совокупностью маркируются:

- «террористы»
- «черные»
- «кавказцы»
- «чеченцы»
- «фанатики»
- «азиаты»
- люди, которые «всех уничтожают» и «хотят захватить весь мир».

«**Большой враг**» (до 60%) — обобщенный «Запад» («США и их сообщники»), которые не только «стремятся к господству над миром», «вооружают врагов России», но и «направляют на нас террористов и ислам».

Таким образом, можно отметить, что негативная геополитическая идентичность, конструирование многоуровневого образа «врага» выполняет компенсаторную функцию, частично восполняя недостаток позитивных компонентов в национально-государственной идентификационной структуре современной российской молодежи.

На наш взгляд, два рассматриваемых уровня — внутренние и внешние «чужие», — будучи скрепами единой «негативной» национально-государственной самоидентификации, структурируются через разные политико-психологические механизмы.

Проведенное нами исследование подтвердило мнение, что *механизм государственного геополитического мифотворчества* — один из наиболее эффективных катализаторов ситуационной национально-гражданской консолидации [4].

Высокая эффективность геополитического мифотворчества как государственно-идентификационного интегратора имеет ряд политико-психологических предпосылок.

Первая предпосылка — психологические императивы геополитической реальности де факто не подвергаются массовой критической рационализации, особенно в молодежной среде, хотя бы в силу своей пространственной и генетической удаленности от социетальных «пространств повседневности» (города, семья, трудовые коллективы, студенческие сообщества, подъезды, неполитические Интернет — сообщества и т. д.), в которых оби-

тает значительное число молодых россиян. Государство и СМИ — часто эксклюзивные «точки пересечения» молодого российского гражданина с внешнеполитической средой.

Вторая предпосылка — масштабный «враг» («большое зло», «всемирный заговор») придает психологический смысл национально-государственному существованию в режиме «здесь и сейчас». Таким образом, геополитическое мифотворчество позволяет ретранслировать энергию внутреннего этнополитического, культурного, социально-экономического негатива на удаленный мифологизированный объект (см. коммент. 8).

Третья предпосылка — воспроизводство образа геополитического «врага» может рассматриваться в контексте *вторичной аккумуляции* политико-преобразовательного *потенциала* внутри национально-государственной системы. Таким образом, внешний фактор, мифологизированная опасность, становится созидательным импульсом: *«если не модернизируем армию, экономику, не освоим Дальний Восток, страна перестанет существовать. ... Но, мне кажется, у нового поколения все получится».*

Таким образом, можно констатировать, что идентификационные образы России в политическом сознании молодежи характеризуются выраженной ресурсной и культурно-исторической компонентой. Тем не менее, наблюдаются серьезные различия в рациональных и эмоциональных установках российской молодежи в контексте формирования образов «своих» и «чужих», которые предопределяют структурную сложность и системную противоречивость национально-государственной идентичности молодых россиян.

Комментарии

1. Строго говоря, ни «нация» в политико-гражданской интерпретации, ни «государство» не являются архетипами, но выступают устоявшимися подсознательными смыслами, производными социогенеза в целом и политогенеза как одной из его функциональных линий.

2. Необходимо подчеркнуть, что речь идет именно об аксиологическом характере интерпретации ресурсов, которые выступают не только в роли атрибутов, ведущих эпистемологических характеристик образа современной России («страна, богатая нефтью»), но и в качестве важной инструментальной ценности российской молодежи — базового условия «богатой жизни», «подъема» и т. п.

3. По основным характеристикам данный кластер совпадает с рассматриваемым ниже сегментом, для которого центральный фрагмент образа России — внешнеполитический императив «лидера», «сильной страны».

4. Его численность — около 40% респондентов, обозначивших ресурсно-географические сюжеты в образе России.

5. Которая, в представлениях молодых граждан современной России, никуда не «уходит», не уменьшается, не зависит от мировых рынков и множественности факторов глобального политического процесса и т. п.

6. Стремясь, таким образом, выразить в большей мере нейтральное, отстраненное отношение к проблеме собственного национально-государственного идентификационного выбора.

7. По понятным социально-историческим причинам, российская молодежь не имеет склонности идентифицировать себя в качестве «бывших советских человек». Отсутствие сколько-нибудь явного запроса на сверхнациональную (надгосударственную) политическую и социокультурную идентификацию, на наш взгляд, одна из причин низкой популярности «евразийства», «западничества» и прочих идеологем, претендующих на статус «мета».

8. Например, респондент М. (21 год, Москва), который говорил о том, что «только русские — граждане в полном смысле», отметил: «надо против Запада и Китая всем вместе быть. Всем, кто родился и живет в России сейчас».

Литература

1. Исследование «Молодежь новой России: Какая она? Чем живет? К чему стремится?» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.podrobnее.ru/microuho/referat.php?url=microuho/disk1/Jurisprudence/so_gu_d_07.htm
2. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей, М., 2004.
3. Пель В.С., Хлебалин А.В., Чельцов М.В. Анализ социологического исследования состояния гражданственности, демократизма и патриотизма в молодежной среде г. Новосибирска и Новосибирской области. Электронная газета «Интерактивное образование». Октябрь 2008. №№18-19. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nios.ru/io/releases.php?num=11&div=02&art=01>
4. Neumann I.B. Russia as Central Europe's Constituting Other // East European Politics and Societies. 1993. Vol. 7. N 2.30.

**Социальный потенциал
российского студенчества: по результатам
социологических исследований**

И.В. Васенина

Т.Н. Кухтевич

Авторы, опираясь на обширный эмпирический материал, анализируют социальный потенциал студенчества в российском обществе, раскрывают механизмы его формирования. Это делает современный анализ социального облика студенческой молодежи крайне важным, поскольку он может служить основой для корректировки и разработки социальной политики, формирования специализированных федеральных, региональных и городских программ, направленных на расширенное воспроизводство общества через развитие необходимых свойств молодого поколения россиян.

Ключевые слова: студенчество, ценностные установки, успех, образование, трудовая мотивация, экстремизм, ценность семьи, патриотизм, знание языка, традиционные ценности.

Отличительной особенностью многих публикаций по результатам социологических исследований современной молодежи является негативная интерпретация реальных процессов существующих в молодежной среде и следующие за этим выводы исследователей: молодежь безнравственна, развращена ценностями потребительского общества, в стране нет последовательной молодежной политики; государство и общество не проявляют должной заботы о подрастающих поколениях. Все это неустанно пропагандируется через СМИ.

Конечно, со многими положениями нельзя не согласиться. Эти выводы известны уже не один десяток лет, но каждое новое поколение исследователей молодежи повторяют давно известные и объективно существующие межпоколенные различия, акцентируя внимание, главным образом, на проблемных группах молодежи и лишь за редким исключением изучают позитивный потенциал молодежи как субъекта решения проблем и развития России. И здесь можно отметить сборник материалов, изданный Санкт-Петербургским университетом в 2009 г. «Молодежь — позитивная сила развития российского общества», в котором отражены процессы, проис-

ходящие в молодежной среде России. В нем авторы, социологи, философы, политологи и др., как раз и попытались отразить положительные тенденции в становлении молодежного потенциала.

Но мы в своей статье хотим остановиться на характеристике лишь определенной группы современной российской молодежи, а именно на студенчестве, поскольку студенчество — одна из наиболее динамичных социально-демографических групп молодежи, демонстрирующая широту взглядов и открытость к инновациям, быстро адаптирующаяся к реалиям жизни. Студенчество следует рассматривать как будущую интеллектуальную элиту общества, от активности которой будет зависеть продвижение России по пути научно-технического прогресса, построения гражданского общества. Именно на студенческую молодежь возлагается — главное, сохранение и развитие национальной культуры, традиций российской духовности.

Мир ценностей, затронутый переменами, стал изменчив и нестабилен. Система ценностей, сформировавшая деятельность людей и выработавшая нормы их общежития, утрачивает свою императивность. Современный человек дезориентирован, его кидает из одной крайности в другую, он заблудился в окружающей его действительности, как будто его поглотила всемирная паутина, где он может быть одновременно и очень хорошим, и очень плохим, мужчиной и женщиной, преступником или гением.

Познание смысложизненных установок и целей современного студенчества, динамики его ценностного сознания является важным условием повышения эффективности процессов формирования профессионализма и высокой духовной культуры специалиста XXI века. А динамика ценностных ориентаций студенческой молодежи хорошо просматривается через такие важные составляющие человеческой жизни как стремление к познанию, образованию и те перспективы и возможности, которые, в частности, открывает перед молодежью получение высшего образования.

В России, независимо от времени и власти, высшее образование в системе ценностей населения, и прежде всего молодежи, всегда занимало высокие позиции. Так, в системе ценностных установок студентов значимость высшего образования, включая оценку возможностей и определение цели получения высшего образования, мотивация выбора вуза, специальности и др., всегда была высока.

Несмотря на то, что ценность образования снизилась по сравнению с установками 70—80-х годов XX века, она и сегодня остается достаточно высокой, о чем свидетельствуют многочисленные исследования, в частности, опросы школьников об их жизненных планах, а также конкурсы в престижные высшие учебные заведения. Вместе с тем, в настоящее время во многом изменилась мотивация получения высшего образования. Сегодня диплом профессионального образования — это, прежде всего, возможность получения престижной работы, при сохранении традиционной роли социального лифта, а также инструмент, позволяющий эффективно ори-

ентироваться в общественной жизни и практике. В гораздо меньшей степени диплом рассматривается как предпосылка обретения высокой духовной культуры, необходимой специалисту.

Данные ряда исследований подтверждают, что несмотря на то, что у современной молодежи социально-статусная функция высшего образования выходит на первый план с большим отрывом от остальных, каждый второй студент рассматривает в качестве основной цели своего пребывания в вузе получение максимума знаний по специальности. Это позволяет говорить о положительной тенденции в ценностных ориентациях молодежи.

Между тем в конце 90-х годов прошлого века иерархия целей и мотивация получения образования у студентов были иными. Проведившиеся исследования Центром Социологических Исследований МГУ имени М.В. Ломоносова в 1990—2004 гг. показывали, что студенты университета связывали преимущественно цели получения образования с возможностью стать высококвалифицированным специалистом в избранной профессии (60%), высокообразованным и культурным человеком (39%), повышением своего социального статуса (34%) [1, с. 98].

Современные студенты хорошо понимают, что в условиях становления рыночных отношений специалист с высшим образованием должен обладать не только профессиональными знаниями, но и умением трудиться в условиях жесткой конкуренции на рынке труда. При выборе вуза основной акцент студенты делают на его престижности, которую связывают не только с высоким уровнем подготовки, но и с общей конкурентностью диплома на российском рынке труда, наличием связей вуза с зарубежными высшими учебными заведениями и возможностью стажировок в них.

Среди качеств, необходимых специалисту с высшим образованием, безусловный приоритет студенты отдают высокому уровню профессиональных знаний. Увеличивается понимание значимости студентами и таких личностных качеств, необходимых для успешной деятельности в условиях рыночной экономики, как инициативность, самостоятельность в принятии решений; стремление совершенствовать свои знания, навыки, творческий подход к делу [6, с. 424]. Это также позволяет говорить о положительной тенденции в ценностных ориентациях молодого поколения.

Тем не менее, социологи отмечают, что за последние годы понизилась в глазах студентов значимость занятий наукой, получение необходимых навыков научно-исследовательской деятельности, что никак не согласуется со стратегической линией развития страны, основанной на постоянном научном поиске, разработке и освоении новых технологий, повышении эффективности внедрения нововведений как технического, так и социального характера. От того, какими компетенциями будут обладать молодые специалисты, зависит успешность реализации основных направлений модернизации российской экономики. Например, с целью приобретения такого опыта был создан научно-технологический комплекс по разработкам и ком-

мерционализации новых технологий в Сколково [см. Федеральный закон от 28.09.2010г. №244-93, принят ГД ФС РФ 21.09.2010.]. Однако нет вины самих студентов в излишнем прагматизме в условиях, когда государство мало вкладывает средств в науку, особенно в развитие ее гуманитарной составляющей. Известно, что существующая система оплаты труда университетского преподавателя или сотрудника научного учреждения никак не может стимулировать молодых людей выбирать карьеру исследователя, преподавателя.

В связи с этим особо следует отметить тенденцию снижения у студентов потребности в получении глубоких фундаментальных знаний. Уменьшилась доля студентов, которая готова и способна осваивать сложные фундаментальные знания. У этой части молодежи слабы навыки умения учиться, не сформировались интересы и потребности в приобретении нового знания. Меняются представления студентов о процессе получения знаний: им кажется, что он должен быть легким, быстрым и развлекательным.

Если раньше для студентов была важна возможность получения фундаментальных знаний в процессе обучения в вузе, то сейчас приоритет отдается узкой практической направленности обучения. Формированию подобных представлений в немалой степени способствовала коммерциализация образования и деятельность СМИ, ориентирующая молодежь на гедонистически-развлекательный стиль жизни.

Коммерциализация высшего образования в условиях недостаточных финансовых возможностей государственных вузов сделала их заложниками сохранения существующего контингента студентов, особенно обучающихся на платной основе. Это привело в определенной степени к девальвации критериев оценки учебной деятельности студентов и негативно повлияло на ценностное сознание обучающихся, в частности, формируя их легкомысленное отношение к учебе, за которую все уже оплачено, а само образование многими, и не только студентами, рассматривается лишь как сервисная услуга. Отсюда вытекает и проблема безработицы в молодежной среде. Так, по данным Госкомстата России, более 30% молодежи от 20 до 30 лет оказалось среди безработных [4, с. 104].

Трудовая мотивация современного студенчества носит противоречивый характер, адекватный современной российской действительности. Трудовая мотивация — одна из базовых основ системы жизненных ценностей, определяющая повседневное поведение человека, его планы на будущее, смысложизненную стратегию. Ценности интересной работы, возможности развития и реализации своих способностей у студентов 2009—2011 годов довольно высоки, хотя и ниже ценностей частной жизни: «работа для собственной творческой самореализации ($\frac{1}{3}$ ответивших). Как и десять лет назад, малозначимой остается «работа, приносящая пользу людям». Поменялись местами значимость ценности интересной, творческой работы с ценностью величины зарплаты, которая заняла более высокую позицию в рейтинге ценностей. [3, с. 43] Как отметил профессор МГУ имени

М.В. Ломоносова Ф.И. Минюшев, новым является понимание необходимости соблюдения эквивалентности возмещения («справедливости») трудовых затрат. Многие исследователи отмечают устойчиво растущий утилитарно-прагматический характер трудовой мотивации части современных студентов: «работать, чтобы зарабатывать большие деньги» [5, с. 3].

Наряду с этим, последние исследования крупных консалтинговых компаний, занимающихся изучением спроса и предложений рабочей силы на рынке труда, показывают, что современные молодые люди, оканчивающие вузы, лучше подготовлены к профессиональной деятельности. Около 72% студентов имеют опыт работы, при этом подавляющее число, более 70%, учились на «хорошо» и «отлично»; знают иностранные языки, зачастую не менее двух, нацелены на работу в России. Наиболее важными факторами в выборе места работы студенты указывали на возможность учиться и узнавать новое (71,1%), стабильность и уверенность в завтрашнем дне (56,1%), рост зарплаты (44,1%), соответствие полученному образованию (35,3%) и др. В отличие от 2009-2010гг. в рейтинге 2011 года фактор «Высокая зарплата», занимавший 1-2 места, опустился на 6 место [14].

Так как же представляют студенты свои жизненные перспективы, каковы в них значимость и приоритетность тех или иных ценностей, что такое, по мнению студентов, жизненный успех?

Существует ценностный костяк в представлениях об успехе во мнениях студенчества, да и всей российской молодежи. Данное утверждение вытекает из понимания молодежью самой категории «успех», который у них чаще всего ассоциируется со счастливой личной жизнью; благополучием семьи, детей; реализацией своих планов и достижением поставленных целей (27%, 23%, 26% и 6% соответственно) [13]. Да и свои жизненные цели современные студенты определяют в первую очередь как счастье в личной жизни, благополучие семьи, детей, а затем уже идут: получение образования, профессионализм; хорошая высокооплачиваемая, интересная работа; успех и карьера; самореализация и др.

В начале 90-х годов важными факторами успеха представлялись везение, стечение обстоятельств, умение рисковать, связи с нужными людьми. Позже, в 2001—2002 гг., значительная часть студентов стала относить к главным факторам успеха хорошее образование, профессионализм, интеллект и способности (среди студентов таких было 50—80%) [1, с. 180]. Хотя сохраняются и такие факторы, как везение, счастливый случай, но не занимают доминирующего положения в иерархии ценностей. Заметна динамика факторов, обеспечивающих жизненный успех. В представлениях студентов 2009 г. лидируют такие факторы, как «предприимчивость», «карьера»; «богатство», а уже потом идет «реализация таланта и способностей», «стать квалифицированным специалистом» [6, с. 182].

Образование, профессионализм, интеллект, способности вновь приобретают значимость у студентов. Тем не менее функция образования как фактор

жизненного успеха, связанная с освоением духовного мира, недооценивается студентами, что отмечается социологами на протяжении последних 10 лет.

Таким образом, студенты не сводили и не сводят жизненный успех к какой-то одной компоненте. Для них жизненный успех — это не только получение образования, друзья, работа, но и такие важные для россиян составляющие успеха, как семья, здоровье — это тот традиционный набор ценностей, с которыми социологи связывают «благополучную жизнь».

Представляет научный и практический интерес изучение мнения российской молодежи, в частности студенческой, о ценности семьи и тенденциях, изменениях в семейно-брачных отношениях.

Ценностная проблематика занимает одно из ведущих мест в исследованиях семьи. Семья всегда являлась важнейшей ценностью в русской культуре как на уровне общества в качестве социального института, выполняющего функции воспроизводства населения, социализации, сохранения и передачи последующим поколениям норм, ценностей, традиций, так и на личностном, являясь основой удовлетворения, в том числе социокультурных, социально-психологических, экзистенциальных потребностей и интересов.

Не одно десятилетие отечественные социологи констатировали, что лидирующими ценностями в студенческой среде и молодежи в целом были семья, образование, интересная работа.

По мнению социологов, студенчество и сегодня четко ориентировано на две сферы: приватную (брак, любовь, семья) и материально-достижительную (деньги, независимость, карьера, успех).

Многочисленные факты, результаты научных исследований отечественных и западных ученых свидетельствуют о снижении ценности семьи в обществе, в среде молодежи, на личностном уровне. Нарастают неблагоприятные явления, которые носят устойчивый характер: рост массовой малодетности, увеличение количества разводов, неполных семей, временных сожительств, ориентаций на несемейный образ жизни и т. д.

Наряду с этим есть и такие исследования, которые показывают, что семью, основанную на зарегистрированном браке, поддерживают большинство молодых людей, в частности, только 10% студентов поддерживают семью без регистрации отношений, так называемый «гражданский брак». Свободные внебрачные отношения одобряют 7,6% молодежи. Близкие позиции занимает и студенчество [6, с. 409].

Среди 33 ценностно окрашенных слов, предложенных социологами фонда общественного мнения (ФОМ), у студентов в список лидеров попали дружба (50%), брак по любви (42%), семья (39%), любовь (37%), а вот карьера (21%) и успех (15%) заняли более низкие позиции [10]. Но существует в студенческой среде и другая точка зрения, с ориентацией в первую очередь на карьеру, профессиональный успех, мобильность. Различие позиций проявилось в ответах студентов на вопрос «Как Вы относитесь к молодым людям, которые на первое место в жизни ставят карьеру, а потом создание семьи, с

одобрением или осуждением?» были получены следующие ответы. Так около половины студентов (43%) одобрительно относятся к людям, ориентирующимся на карьеру, а 21% — с осуждением. Большинство студентов считают, что заботы о семье и детях могут лишь отодвинуть личные профессиональные и карьерные планы, но не помешать их осуществлению [6, с. 409].

Анализ эмпирической информации о представлениях студентов своей будущей семьи показывает как сохранение традиций, так и изменение социальных ориентиров в сфере семейно-брачных отношений. Тем не менее свою будущую семью большинство студентов характеризуют как семью, где отношения основаны на взаимопомощи и уважении друг друга. Высоко ценятся нравственные качества брачных партнеров, а дети являются важнейшей ценностью. Это говорит о сохранении в массовом сознании молодежи, в том числе и студенчества, базовых ценностей отечественной культуры и ментальности.

Мы видим, что жизненные планы и ценностные ориентации студентов в сфере семейно-брачных отношений достаточно противоречивы: в них сохраняются традиционные для российского общества базовые ценности, но и присутствуют совсем противоположные взгляды на семейные установки, семейно-брачные отношения: положительное отношение к временным союзам, свободным внебрачным связям, к семейному союзу без детей и пр.

Тем не менее в оценке установок студентов в сфере семейно-брачных отношений необходимо избегать крайностей. Во-первых, ценностные установки не всегда определяют поведение и могут носить декларативный характер, а во-вторых, появление новых установок не всегда свидетельствует о кризисе семьи и не всегда сохранение традиций укрепляет брачный союз.

Изучение динамики социально-политических ориентаций студенческой молодежи в советский и постсоветский периоды во многом помогает определить существенную в настоящее время направленность ценностного сознания современного студенчества. Известно, что в СССР преобладал этактический взгляд на общество, когда оно по существу отождествлялось с государством. Демократизация общественной жизни, а особенно становление рыночных отношений в современной России, оживило некоторые этактические позиции, подспудно существовавшие в российской ментальности. На определенном этапе развития страны в молодежной среде возросла значимость крепкой власти, сильного лидера, способного вывести страну из хаоса, вернуть ей авторитет великой державы. Но, необходимо отметить, что подобные жесткие позиции встречаются не так часто, скорее проявляются, например, в поддержке активного вмешательства государства в дела общества, которое расценивается этой частью студенчества как помощь в решении их проблем, как благо для всего общества. Такое понимание укладывается в рамки менталитета российского народа, однако подобные патерналистские установки препятствуют эффективному развитию общества, выстраивающему свои отношения на принципах рыночно-

го механизма. Хотя, конечно, слабо социально защищенные слои населения нуждаются в помощи государства.

В течение последних десяти лет социологи фиксировали низкую социально-политическую активность российской молодежи. По самооценке студентов 2008—2009 годов, только 10% считали свою социально-политическую активность высокой и выше среднего, а более половины оценили себя как среднеактивные [3, с. 28].

Социальная апатия этого периода российской молодежи являлась доминирующим типом их самочувствия и поведения, выступала определенным способом реализации их социальной идентичности. Она пришла на смену достаточно активному участию молодых людей в политической жизни общества в первые годы перестройки. Но сегодня, особенно в студенческой среде, опять наметились подвижки в формировании социально-политической и общественной активности, которая зачастую выражается в протестных настроениях.

Следует сказать, что социальная апатия может быть значимым индикатором происходящих в обществе общественно-политических преобразований, раскрывающим степень неверия в возможность что-либо изменить, она же указывает на отсутствие возможностей у молодых людей проявить свою социально-политическую активность, наконец, скрытая социальная апатия может быть формой социального протеста. Вместе с тем устойчивое состояние апатии у молодежи может быть достаточно легко сконструировано средствами массовой информации, направляя всю энергию молодежи за пределы социально-политической сферы, тоже самое можно сказать и о неконструктивной, зачастую разрушительной ее активности.

В трактовке социально-типического политического облика современной молодежи нужна определенная осторожность, как в адекватной оценке студенческой социальной активности, так и ее социальной апатии.

Начавшиеся в 90-е годы либеральные реформы заставили молодежь по-другому взглянуть на окружающий мир. Высокий уровень ожиданий и надежд, относительная демократизация общества в этот период вели к возрастанию социально-политической активности, и она была в те годы достаточно высока. Сегодня молодежь вновь готова участвовать в преобразованиях общества, но занимает скорее выжидательную позицию, минимально включаясь в политические процессы. Причины такого поведения молодежи кроются, прежде всего, в том, что их интересы и потребности не находили и не находят отражения в происходящих в обществе процессах модернизации. Законопроекты не отражают потребностей молодежи, в большинстве которых лишь декларируется признание их интересов и потребностей как особой общественной группы. Налицо ограниченность возможностей участия молодежи в обсуждении и, главное, в принятии решений на практике. Не способствует росту общественной активности и государственная молодежная политика, которая носит противоречивый, декларативный характер.

Не последнюю роль в отношении к политике и преобразованиям играют представления молодых людей о низких профессиональных и нравственных качествах тех, кто на сегодняшний день находится у рычагов власти. Молодежь знает о коррупции среди чиновников и о бездействии правовых органов и элиты. Все это способствует росту правового нигилизма в молодежном сознании.

Низкий уровень доверия к политическим партиям у молодежи свидетельствует о том, что подавляющее большинство молодых людей не только не видит в них выразителей интересов молодежи, но и сомневается в подлинности провозглашаемых ими политических лозунгов, программ и действий. Все это привело к катастрофическому падению авторитетности законов и многих социальных постулатов, и как результат, растущий протестный потенциал молодежи, который в любую минуту может быть взят на вооружение любыми политическими силами и повернут не на созидание, а на разрушение.

Необходимо отметить, что в среде молодежи нет жесткого политического размежевания по политическим вопросам. Картина конкретных политических установок и ориентаций современной молодежи весьма и весьма пестрая, но при всех издержках современной жизни и убеждений, что реформы проводятся отнюдь не в ее интересах, молодежь все-таки не склонна к полному отрицанию сегодняшней российской действительности.

В целом современное молодое поколение по-разному относится к социальной действительности. С одной стороны, в силу своих возрастных особенностей, оно горячо воспринимает новые идеи коренного изменения уклада жизни. Тому подтверждение — участие молодежи в митингах, демонстрациях, пикетированиях и т. д. С другой стороны — часть молодежи пассивна, равнодушно относится к преобразованиям, так как не видит реальной возможности своего участия в них.

До перестройки в СССР осуществлялась деэтнизация населения вообще, а русской нации в особенности. За истекшие годы отношения к своему этносу среди студентов существенно изменилось. На первый план выходит не только принадлежность к государству, но и такие характеристики этничности, как язык, конфессия, культурные традиции, внешние особенности повседневного поведения. Растет интерес к историческому прошлому, хотя знание его и объективная оценка (без нигилизма или безудержного восхваления) характерны лишь для части современных студентов. Все это говорит о росте национального самосознания. Хотя процесс этот достаточно противоречив.

Молодое поколение росло в девяностые годы на отрицании прошлых достижений, очернении всего, достигнутого нашей страной за годы советской власти. При этом никакой реальной положительной альтернативы общественного развития молодежи предложено не было. Это сформировало нигилистическое отношение не только к политическим институтам, но и ценностям советских времен, истории своей страны.

Ряд социологических исследований, проведенных в 2010 году, показывает, что интерес к истории своей страны не является чисто личностным, а ограничивается лишь рамками учебной программы. Анализ результатов также показал невысокий уровень информированности у студентов знаний об истории страны (высокий — 8,9%; выше среднего — 15,8%). Столь же не высоким оказался уровень сформированности знаний о традициях и обычаях своего народа и соблюдения их [8].

С конца 90-х годов социологи констатировали снижение значимости патриотизма в ценностном сознании молодежи. В иерархии ценностей он не занимал места даже в первой десятке. Существенно не изменилось положение и сегодня. К патриотам однозначно себя относят более четверти студентов, почти столько же патриотами себя не считают [3, с. 28].

Дефицит в государственной политике социальной справедливости и социальной ориентации, равнодушное и прагматическое отношение государства к молодежи, неэффективность государственной молодежной политики объясняет слабую выраженность патриотических чувств у молодежи, усиливает недоверие, отчуждение молодежи от власти.

Отсутствие в последнее десятилетие воспитания в системе образования, в обществе, в том числе патриотического, лишь усугубило положение. Но в патриотическом сознании современной молодежи прочно утвердились такие понятия, как национальное самосознание, национальные интересы, национальная культура, национальное достоинство. Хотя в ряде случаев понятие «патриотизм» сочетается со словами «держава», «могущество», в силу чего можно предположить, что речь идет об этатических установках.

Среди наиболее значимых составляющих патриотизма студенты называют стремление к развитию своей страны; национальное достоинство. Довольно большое количество молодых людей ассоциируют Родину со словами «свои», «наши», «вместе». Как считает З. Сикевич, это свидетельствует о неосознанной экстраполяции образа Родины на «соотечественников — граждан». К сожалению, наименьшее значение получили — готовность жертвовать личными интересами ради интересов отечества. Слабо ассоциируется слово *Родина* с культурными символами [6, с. 265].

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой определяет патриотизм как преданность и любовь к своему отечеству, своему народу [7, с. 496]. В широком общепринятом смысле патриотизм понимается как общественно-политический и нравственный принцип, характеризующий отношение гражданина к своей стране, Родине, месту своего рождения и жительства. Однако в условиях глобализации, информационной и культурной революции требуется переосмысление представления о патриотизме, воспитании [12, с. 341].

Как подчеркивается в научной литературе (Р. Яновский, Э. Андреев) для современного понимания патриотизма необходимо учитывать как национальные, так и мировые проблемы новой социальной реальности. «Конструктив-

ное, позитивное решение проблем патриотизма, выдвигаемых новой социальной реальностью возможно на основе многомерного подхода» [12, с. 341].

Такой подход позволяет учитывать различные аспекты этого феномена (государственный, общенациональный, этнический, экономический, духовно-нравственный, экологический и др.). Более того, в условиях обострения социальных противоречий в мире возрастают риски и угрозы безопасности как на национальном, так и международном уровне, встает вопрос существования самого человека, его среды обитания, что повышает значимость патриотизма как источника, основы сохранения и развития общества, человечества, личности.

Согласно социологическим данным, полученным в последние годы, у российских студентов имеются разные представления об основных составляющих патриотизма. В целом, как наиболее значимые студенты называют стремление к развитию своей страны (55%), национальное достоинство (47%), привязанность к родной земле, языку, традициям.

Патриотизм воспринимается современной молодежью через такие значимые категории, как ощущение принадлежности к великой стране, желание любить ее, на личностном уровне это привязанность к близким людям, стремление их защищать (см. коммент. 1). Одной из составляющих патриотизма является толерантное и уважительное отношение к другим народам, их национальной истории и культуре. Этническая толерантность, терпимость исторически всегда была присуща населению многонациональной России. Исследования показывают, что она и сегодня является достаточно устойчивой социальной установкой современных студентов.

Одной из контрольных позиций для понимания такой установки, как этническая толерантность могут быть ответы на вопрос о возможном превосходстве собственной национальности над другими. Данные некоторых исследований показывают, что четверть опрошенных студентов считает, что их национальность «лучше» или «скорее лучше», чем у других [3, с. 27]. Но необходимо отметить, что патриотические установки, декларируемые студентами, носят скорее эмоциональный характер и не всегда связываются с социальной практикой.

Сегодня в среде российской молодежи отмечается значительный рост уровня распространения молодежного экстремизма, особенно на межнациональной почве, рост экстремистской направленности и степени организованности молодежных группировок. Тем не менее, по данным социологических исследований, можно отметить, что подавляющая часть молодых людей осознают опасность экстремизма. Например, около 76% молодых москвичей понимают национализм как одну из форм экстремизма. В реальной практике социальной жизни экстремистские установки создают благоприятную среду для распространения ксенофобских настроений и поддержания чувств этнической напряженности и страха (см. коммент. 2). Молодежный экстремизм является своеобразной формой проявления псевдопатриотизма и заполняет определенный ценностный пробел.

Выбор в пользу экстремистского действия у молодежи основывается на восприятии внешних условий как острых и несправедливых. Но при этом необходимо учитывать, что молодежь как социокультурная группа неоднородна по своему составу: ценности и их значимость не одинаковы для разных групп молодежи; различен уровень осознания молодыми людьми проявлений несправедливости, а тем более степень их готовности бороться за восстановление справедливости. В реальной практике социальной жизни экстремистские действия могут быть инициированы и внешними, в том числе и политическими силами в собственных корыстных интересах.

Проводившиеся социологические исследования, особенно после событий декабря 2010 г. в Москве и в других крупных городах (убийство футбольного фаната Е. Свиридова и последующие массовые акции), показывают, что радикальные националистические лозунги, в частности «Россия для русских», положительно воспринимаются частью молодежи и особенно подростками. Но следует сказать и о росте молодежных организаций, групп, акций, интернет-сайтов, содержание и действия которых направлены против попыток представить экстремизм как форму патриотизма, а также против дискриминации по каким-либо признакам — национальному, религиозному, социальному и др. При этом основными участниками этих групп, организаций и пр. являются учащаяся молодежь, студенты.

Таким образом, можно сказать, что стихийный патриотизм конца 1990-х годов был своеобразным ответом массированным медиа-атакам, направленным на развенчание советского опыта, советских образцов, героев и истории. Это была огромная обида — на происхождение, историю, родителей. К сожалению, с тех пор позитивный образ России так и не сформирован.

Сегодня не прекращаются попытки отторжения молодежи от национального культурного наследия, традиционной системы ценностей русской культуры. Это проявляется в разных областях, например, в языковом давлении на молодежь.

Язык — главная ценность любого этноса, нации, любого народа. Русский язык всегда был и остается ядром русской культуры.

Определяя культурно-национальную идентичность россиян, русский язык является одним из условий консолидации российского общества и в то же время выступает глобальным фактором межкультурного общения, взаимодействия стран и народов.

Между тем, научная общественность уже давно обратила внимание на опасность, которая сегодня угрожает русскому языку: бездумное, не имеющее предела внедрение иностранных слов, засорение его грубостью, пошлостью, нецензурной лексикой. Результаты социологических исследований демонстрируют расширение агрессивной и ксенофобской лексики особенно в повседневном общении молодежи, наконец, имеет место, по мнению С.Г. Кара-Мурзы, «лингвистическое манипулирование», когда в текст вводятся слова (например, *агрессия*), содержание которых традиционно характеризуется

негативно, а в предлагаемом современном тексте они получают либо положительную, либо двусмысленную оценку (агрессивный стиль журналиста).

Социальная практика, социологические исследования показывают достаточно бедный словарный запас многих современных молодых людей, в том числе студентов, в отличие от их предшественников, часто встречается речевая неграмотность, язык засорен словами типа «вау», «упс» и др., которые заменяют привычные местоимения, выражающие радость, удивление и т. п.

К сожалению, значительная часть СМИ, особенно адресованные молодежи, редко обращается к теме ценности русского языка, а некоторые вольно или невольно поддерживают те негативные явления, о которых говорилось выше. Модернизация системы образования в том виде, в котором она сегодня осуществляется в России, фактически ведет к уменьшению значимости русского языка и литературы в школьной учебной программе. Не выразило четкой позиции по проблемам русского языка и общественное мнение.

В течение последних двух десятилетий социологи неоднократно обращали внимание (сегодня это очевидно всем) на то, что СМИ стали одними из наиболее значимых институтов социализации молодежи, оттеснив традиционные — семью, школу, вуз. Это справедливо вызывает беспокойство общественности, особенно научно-педагогического сообщества, поскольку в условиях коммерциализации деятельности СМИ, затруднена объективная экспертная оценка представляемой ею информации, а также расширяются возможности манипулятивного воздействия на сознание молодежи. И хотя, как уже не раз отмечалось исследователями, для значительной части молодежи, особенно живущей в мегаполисах, просмотр телепередач не является главным средством проведения свободного времени, а скорее выступает как фон повседневности. Подтверждением тому является социологическое исследование, проведенное в Татарстане, в котором более 60% опрошенных студентов высказали мнение, что телевидение не играет важной роли в формировании их стиля жизни [8]. А на вопрос «Не считаете ли Вы, что в СМИ Вам часто сознательно лгут?» две трети студентов Санкт-Петербурга ответили положительно [9]. Несмотря на это, влияние СМИ на молодежь не следует недооценивать.

Анализ динамики ценностных предпочтений студенческой молодежи позволяет сделать вывод о том, что многообразные и разнонаправленные процессы социокультурной трансформации российского общества способствовали изменению форм деятельности, стандартов поведения, стиля общения и мировоззренческих позиций российской молодежи, ее достаточно эффективной, культурной адаптации к инновациям, динамике ее ценностей. Студенчество, сохраняющее традиционные ценности, предшествующих поколений, открыто и для новых, неизвестных ранее установок.

Для студенческой молодежи России характерен социальный оптимизм, большинство респондентов убеждены в том, что человек может реально способствовать процветанию и благополучию Родины.

В ценностной иерархии современной российской молодежи позитивные ценности преобладают над негативными. Ценностный мир молодежи современной России многообразен, что отражает многообразие общественных отношений нынешнего этапа развития страны.

Вместе с тем коммерциализация российской общественной жизни, в частности системы образования, исчезновение на многие годы воспитания из жизни общества, деятельность СМИ, обусловила утверждение индивидуализма, прагматизма, стремление к материальному достатку, не пренебрегая любыми средствами, а также снижение личной культуры студентов. СМИ в современной России настойчиво пытаются вытеснить ценности русской культуры, внедряя в сознание молодежи ценности западного образа жизни. Внешняя привлекательность, культ карьеры и успеха, славы и престижа оказываются главными смыслообразующими ценностями, а успешные молодые люди с обложек глянцевого журнала становятся образцами для подражания. Стиль жизни в досуговой сфере представляется гедонистическими образцами поведения и характеризуется различными формами экстрима как лучшего способа самореализации личности. Причем в телепередачах все это подается ярко, красочно, эмоционально. Более того нередко заимствуются традиционные ценности русской культуры, но извращается их смысл, например, семья, любовь представляются лишь в сфере сексуальных отношений, причем безответственных, случайных; или искренность, эмоциональность дружеского общения подменяется расчетом, а счастье сводится к материальному достатку.

Противоречивость установок студентов отражает двойственность окружающей жизни, в которой экономика и методы управления базируются на сосуществовании далеких друг от друга экономических принципах. Зародившиеся рыночные принципы экономики предусматривают предприимчивость, рационализм и конъюнктурность, развитие экономически свободной личности. Вместе с тем сохранилось воздействие на экономику и принципов традиционного российского общества, как то патернализм и чрезвычайно высокая роль связей, которые сегодня значительно усилились, соединившись с коррупцией.

Значительная часть молодежи лучше других групп населения восприняла современную социальную реальность, хотя со значительной долей скепсиса и иронии, но сумела приспособиться к ней, достаточно активно адаптируясь, получая возможность удовлетворять свои потребности в разных сферах общественной жизни.

Молодежь — сложный и динамичный социокультурный феномен. Многочисленные исследования динамики ее ценностных ориентаций позволяют сделать вывод, что большая ее часть, а тем более студенчество, могут быть определены как позитивная сила развития современного общества.

Итальянский ученый А. Печчеи в своей книге «Человеческие качества» еще в середине XX века утверждал, что основная задача человечества

ва — совершенствование своего качества и разумное использование своих способностей, ибо качество человека является самым важным ресурсом человечества.

Проведенные ВЦИОМ исследования «Герой нашего времени», целью которых был анализ эволюции качеств базовой личности за 10 лет 1997—2007 гг., показали стабильность и даже повышение значимости для населения следующих качеств личности: порядочность, живущий по совести (53% — 1997 и 57% — 2007); хороший семьянин, верный супруг (46% — 1997, 45% — 2007); терпимый к людям (40% — 1997 и 39% — 2007); душевность, отзывчивость (36% — 1997 и 26% — 2007); профессионализм (34% — 1997 и 37% — 2007), культурный, образованный человек (27% — 1997 и 25% — 2007); патриотичный, ставящий интересы Родины выше личных (15% — 1997 и 24% — 2007) и др. Отметим, что именно эти качества характеризуют базовую личность российского общества [2].

Близкими оказались оценки этих качеств и у российской молодежи. Хотя можно сожалеть о понижении значимости в массовом сознании душевности, скромности, талантливости. Такая позиция в значительной мере определяется реакцией молодежи на условия ее жизнедеятельности в современном российском обществе.

Между тем, как утверждает Е.Г. Ясин в книге «Модернизация экономики и система ценностей», «традиционные русские ценности во многом привлекательны, но в целом низкопродуктивны» [12] и, по мнению автора, являются тормозом проходящих реформ. Но, как справедливо отмечает профессор Ф.И. Минюшев, «искусство государственного управления заключается в том, чтобы, не затрагивая глубинные основы менталитета россиян, провести рыночные реформы с наименьшей болезненностью для него» [5, с. 3]. Что же касается личностных качеств, то весьма сомнительно, чтобы уход из традиционной российской культуры душевности, честности, порядочности, терпимости, совестливости и др., и превращение денег, личной выгоды, карьеры, достижительности в главное мерило человеческой личности будут способствовать ее совершенствованию.

Комментарий

1. Данные получены в результате проведенного РУДН в 2011 г. исследования «Мониторинг развития социально-воспитательной среды в образовательных учреждениях» (выборка 973 старшеклассника общеобразовательных школ и 590 студентов высших учебных заведений Российской Федерации (руководитель проекта Петрова Т.Э.).

2. По результатам исследования, проведенного в 2007 г. кафедрой социологии молодежи социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, с выборкой 800 молодых людей от 18 до 24, проживающих в г. Москве.

Литература

1. *Васенина И.В., Добрынина В.И., Кухтевич Т.Н.* Студент МГУ о своей жизни и учебе. М., МГУ. 2005.
2. ВЦИОМ. Мониторинг общественного мнения: Герой нашего времени — №4 (84), октябрь-декабрь 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wciom.ru/fileadmin/content/monitoring/m84_2.pdf
3. *Гегель Л.А., Зубков В.И., Николаев Г.Г.* Ценностные ориентации российской студенческой молодежи: социально-политические и образовательные аспекты (отчет о Всероссийском социологическом исследовании). — М.: Парадиз, 2008.
4. Ежегодный краткий статистический сборник «Россия в цифрах» — 2011 г. Госкомстат, М. 2012.
5. *Минюшев Ф.И.* Социальное отчуждение: опыт нового прочтения // Социс, 2011, №1.
6. Молодежь — позитивная сила развития российского общества. // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 24–25 сентября 2009. СПб., 2009.
7. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986.
8. Отчет по исследованию в Татарстане, май 2005. // URL: <http://www.region.ulsu.ru>. (11.03.2007); НИЦ «Регион» (2005).
9. Поколение-XXI: структура и «среды» достигательных стратегий, Направление «Студенты», этап 1, выпуск 2, март 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fomgeneration.files.wordpress.com/2010/01/students1.pdf>
10. *Сафарян А.В.* Стили жизни молодежи как целевой аудитории телевидения. Издательство: ННОУ «Московский гуманитарный университет», Автореферат диссертации, 2008.
11. Социология молодежи. Энциклопедический словарь./отв. ред. Ю.А. Зубкова, В.И. Чупров, — М.: Academia, 2008.
12. *Ясин Е.Г.* Модернизация экономики и система ценностей — М.: ГУ ВШЭ 2003.
13. Как добиться успеха в жизни? Опрос Фонда Общественное мнение. 20.09.2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/d073823>
14. Исследование карьерных траекторий студентов ведущих вузов 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fut.ru/companies/fut/blogs/201/>

Политические представления российской молодежи как основания формирования национально-государственной идентичности¹

В статье представлены результаты авторского исследования политических представлений российской молодежи и их интерпретация в качестве оснований для формирования национально-государственной идентичности. Автор акцентирует внимание на темпоральном аспекте представлений о России, выделяя в качестве параметров анализа представления о прошлом, настоящем и будущем, о «Золотом веке», о «друзьях» и «врагах».

Ключевые слова: молодежь, политические представления, политическая психология, национально-государственная идентичность.

Проблема поиска ценностей и смыслов как основы формирования национально-государственной идентичности в современной России является актуальной и широко обсуждаемой в научном сообществе. Это обусловлено, с одной стороны, актуализированной руководством страны необходимостью поиска оснований для консолидации общества и конструирования национальной идеи, а с другой стороны — продиктовано объективно протекающими в многонациональном государстве социально-политическими процессами. В данном контексте особый интерес у исследователей вызывают именно молодые поколения российских граждан как носители особой идентичности, не отягощенные бременем советской эпохи и наиболее восприимчивые к изменениям экономической, политической, социальной и культурной реальности [9; 20; 26].

А.В. Селезнева

¹ Статья подготовлена на базе результатов проекта «Политико-психологический анализ политического сознания современной российской молодежи: механизмы трансляции социальной и исторической памяти» по государственному контракту № 16.740.11.0694 от 08 июня 2011 г. в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.»

Теоретические основания исследования

Теоретической основой нашего исследования послужила, в первую очередь, теория политических представлений. Политические представления представляют собой когнитивные компоненты в структуре индивидуального и массового политического сознания. Политические представления являются формой социальных представлений, которые традиционно в психологической науке трактуются как «особая форма социального знания, возникающая в результате соотнесения индивидуального и коллективного сознания с реальностью и одновременно являющаяся важным фактором социального конструирования реальности» [19, с. 33].

Продолжая традиции французской школы социальной психологии, российские политические психологи [18] считают, что социальные и политические представления носят групповой характер, коллективно создаются и коллективно поддерживаются. Отсюда можно говорить о существовании политических представлений определенной социальной группы и социальной группе как носителе этих представлений. При этом социальными группами в данном случае могут быть различные поколенческие общности [22; 23; 25; 27].

Политические представления существуют не изолированно, а в виде систем, и входят в структуру сложного и многоуровневого образования, обозначаемого учеными как образ мира или картина мира [14; 15; 28]. Т.П. Емельянова, изучая конструирование социальных представлений в современных условиях, выделяет понятие «образ мира» как пример центрального элемента динамики социального объекта, который предназначен для анализа социальных изменений, выявляемых на личностном и межличностном уровнях. По мнению автора, в условиях изменений российского общества динамика феноменов, соответствующих понятию образа мира, наряду с такими понятиями как мнение, отношение, экономические и социальные представления личности, ценностные ориентации, наиболее адекватна для исследовательского анализа [12, с. 131—136]. Т.П. Емельянова считает социальное представление феноменом, наиболее подходящим для изучения сознания общества и отдельных групп в условиях социальных изменений [12, с. 102].

Для современной России, переживающей стадию социокультурного кризиса, согласно Т.В. Евгеньевой, характерно разрушение образа мира сообщества и потеря смыслов, вокруг которых члены сообщества выстраивают свою идентичность [7; 8; 10]. Данный подход, рассматривая глубинные неосознаваемые мифо-символические основания политической культуры, выявляет специфику формирования политических представлений как структурного элемента образа мира через идентификацию в условиях социокультурного кризиса современной России: «Самоидентификация личности в советский период основывалась на сложившейся в течение

длительного времени системе социокультурных и политических мифов, определяющих представления личности как об окружающей ее природной и социальной реальности, так и своем собственном месте в ней. «Картина мира» советского человека, будучи мифологической по своей природе, тем не менее, достаточно успешно стабилизировала его сознание и поведение. Разрушение этой «картины мира», начатое в годы перестройки и особенно активно продолженное после 1991 года, привело к дестабилизации всей системы представлений значительной части общества. Ценности и нормы, определявшие процесс самоидентификации личности, неожиданно изменили свое значение, а общепринятые цели деятельности оказались лишены смысла» [7, с. 40].

В ситуации социокультурного кризиса, по мнению Т.В. Евгеньевой, поиск новой идентичности осуществляется, как правило, в «героическом» прошлом отдельной личности, группы или общества в целом. В ситуации непонятого настоящего и неопределенного будущего ответ на вопрос «Откуда мы?» становится единственным основанием для ответа на вопрос «Кто мы?». Отношение к прошлому становится, таким образом, единственной доступной массовому сознанию формой самоидентификации. «Обостренный интерес к прошлому, попытки с его помощью не только понять настоящее, но и смоделировать будущее, свойственны каждой культуре в условиях кризисного развития. Предчувствие катастрофы порождает желание перенестись в иное, мифологическое время, неосознанно отождествляемое с Золотым веком [29]. Соединяясь с образами пространства, стереотипизированный образ прошлого формирует впоследствии новый образ мира, новую мифологию, объясняющую массовому сознанию суть происходящих процессов» [11, с. 51]. При этом, в качестве основания для создания исторической мифологии могут быть избраны реальные исторические события, оказавшие как позитивное, так и негативное влияние на развитие общности («избранная общая травма» и «избранная общая слава») [6, с. 41—42]. Кроме того, в мифологическом сознании прошлое героизируется и персонифицируется: культурные и политические герои прошлого продолжают определять настоящее, обретая новый символический смысл.

Основанием для формирования новой идентичности, наиболее ярко проявляющимся в условиях кризиса, является образ «другого», по отношению к которому самоопределяется сообщество. Этот способ идентификации, худшим вариантом которого может стать формирование идентичности на основе противопоставления «мы» — «они», может выйти на первый план в том случае, если само общество или отдельные его институты не могут предложить адекватных смыслов для самоопределения в качестве «мы» [9, с. 169-170]. В представлении личности общность «других» («чужих», «врагов») наделяется негативными характеристиками (хитрые, опасные), обозначается как посягающая на целостность «нас», обладающая «своей» неопределенной территорией.

В периоды бурных политических трансформаций и социокультурных кризисов заметно увеличивается интерес к символам: «Наступление подобных времен заставляет общество заново переосмысливать собственную идентичность и систему ценностных ориентиров, отражаемую в проводимом выборе и интерпретации нашим сознанием символов, представляющих их» [13, с. 87]. При этом особую значимость имеют собственно государственные символы, которые «можно интерпретировать в духе французской школы социальных представлений как некие знаки объединенных воспоминаний членов сообщества, которые помогают стабилизировать единую для данного социума историческую память, через которую происходит воспроизведение его коллективной идентичности» [13, с. 88].

Методология исследования

Для изучения политического сознания российской молодежи, в первую очередь, системы политических представлений как оснований для поиска ценностей и смыслов в процессе формирования национально-государственной идентичности, в 2011—2012 гг. были проведены 150 глубинных интервью с представителями молодого поколения в 8 федеральных округах России. Поскольку метод глубинных интервью ориентирован на получение не количественных показателей, а на поиск качественных характеристик и содержательного наполнения системы политических представлений, мы не ставили задачу получения репрезентативных для страны в целом данных. Однако, выборка респондентов была сбалансирована по полу, возрасту (см. коммент. 1), количественной представленности молодежи в структуре населения федеральных округов. В г. Москва были собраны 70 глубинных интервью.

Для анализа **представлений о России** в качестве критериального был выбран темпоральный срез. Использование темпоральных характеристик для анализа работ респондентов предполагало деление представлений на три крупных блока — **«прошлое России»** (политические представления в контексте исторической памяти), **«настоящее России»** (политические представления, опирающиеся на непосредственный жизненный опыт респондентов), **«будущее России»** (политические представления как проекция ожиданий на будущее). При этом в каждом содержательном блоке были выделены специальные дополнительные параметры для анализа в соответствии с изучаемой проблематикой.

Политические представления в контексте исторической памяти представлены тремя комплексами представлений: представления о прошлом России, представления о событиях, которые вызывают чувство гордости, и представления о событиях, которые вызывают чувство стыда.

Представления о прошлом России — компонент обобщающего характера, для анализа которого были выделены следующие параметры:

— сложность прошлого (количественное измерение «веса» событийного ряда в формате бинарной оппозиции «сложное — простое»);

— значительность прошлого (количественное измерение степени «грандиозности» событийного ряда в формате бинарной оппозиции «великое — ничтожное»);

— отдельные события или исторические периоды, определяемые как «Золотой век» в истории нашей страны.

Для количественного анализа представлений по оси «гордость/сожаление» был выделен такой параметр, как представления о численности событий в истории России (в формате семантического дифференциала).

Предметом качественного анализа стали интерпретации респондентов в отношении собственного мнения о событии.

Политические представления о настоящем России включают в себя следующие содержательные комплексы:

— представления о месте России в мире;

— представления о «своих» и «чужих» («друзьях» и «врагах»).

Анализ **представлений о будущем России** осуществлялся по шкале «оптимизм/пессимизм», а также в рамках содержательных комплексов, условно названных «субъекты будущего» (от кого зависит будущее России) и «условия будущего» (факторы и направления развития России).

Результаты исследования

Каким Вы видите прошлое России?

Почти треть наших респондентов (29,6%) считают прошлое нашей страны неоднозначным:

- *«В прошлом России множество как положительных, так и, безусловно, отрицательных моментов»;*
- *«Прошлое России я вижу неоднозначным, с одной стороны — великим, с другой — трагическим»;*
- *«Прошлое России представляется мне медленным прогрессом, насыщенным чередой жестких испытаний войнами, нерадивыми правителями, идеологической диктатурой и резкими скачками положительного развития вроде эпохи Петра I».*

Еще около трети молодых людей (27,8%) представляют прошлое России «великим», полным героических событий, военных побед, благодаря которым наша страна превратилась в ведущую мировую державу:

- *«Россия всегда была одной из самых значимых стран во всем мировом обществе»;*
- *«С богатым историческим прошлым, великой мировой державой»;*
- *«Прошлое России связано с ее богатой историей, самоотверженностью русского народа, с великими достижениями, великими талантами, великими умами».*

В процессе анализа глубинных интервью помимо заранее определенных нами параметров выявился еще один дополнительный — личное отношение к прошлому страны в целом, который мы обозначили в формате семантического дифференциала «горжусь — принимаю, как есть — стыжусь». Результаты анализа представлены на рис. 1.

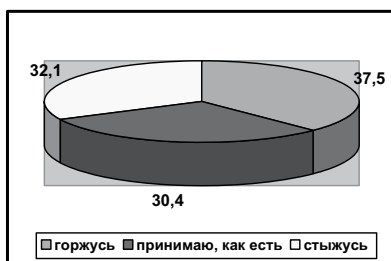

Рис. 1. Личное отношение респондентов к прошлому России

Полученные данные свидетельствуют о том, что прошлое нашей страны не имеет для них однозначной окраски. Чувство стыда, в первую очередь, связано с множеством кровавых событий, поэтому многовековая история страны в их представлении «темная», «кровавая»: *«Это было темное время, время правления царей и диктаторов».*

Какими событиями в истории нашей страны мы можем гордиться? Какие события вызывают сожаление?

Среди опрошенных встречались молодые люди, которые гордятся всей историей нашей страны и ни о каких событиях не сожалеют: *«Я горжусь нашей историей в целом. Я горжусь тем, что русские люди внесли немалый вклад в развитие мировой науки и, конечно, мировой культуры».*

Молодые люди считают, что история нашей страны насыщена множеством событий, одни из которых вызывают чувство гордости, а о других приходится сожалеть: *«Прошлое России представляется мне разным: с одной стороны, есть события, которыми я горжусь, а с другой — события, за которые даже немного стыдно».*

Из множества исторических событий молодые россияне выделяют те, которые, по их мнению, имели положительное значение для страны и вызывают чувство гордости. Перечень этих событий представлен в таблице 2.

Таблица 2

События, которые вызывают чувство гордости

Событие	%
Победа в Великой Отечественной войне (1945 г.)	46,4
Полет Ю. Гагарина в космос	16,7
Победа в Отечественной войне 1812 г.	15,5
Реформы Петра I	7,1
Свержение монголо-татарского ига	4,7
I Мировая война	3,6
Вся история России	2,4
Реформы Александра II	2,4
Отмена крепостного права (1861 г.)	1,2

Чувство гордости у молодых людей вызывают события, которые положительно сказались на развитии страны, способствовали укреплению ее позиций на мировой арене: военные победы, научные и культурные достижения.

Больше всего гордости у молодых людей вызывает героическая победа в Великой Отечественной войне: *«Если говорить о гордости, то, конечно, горжусь Великой Отечественной войной, в которой наши предки проявили себя настоящими патриотами, действительно боролись за будущее освобождение».*

События, которые вызывают чувство сожаления, представлены в таблице 3.

Таблица 3

События, которые вызывают чувство сожаления

Событие	%
Распад СССР	16,7
Репрессии 1930-х гг.	12,5
Революция 1917 г.	9,7
Гражданская война	9,7
Расстрел царской семьи (1918 г.)	6,9
Война в Чечне	6,9
Смута	5,5
Русско-японская война	5,5
Война в Афганистане	4,2
Террористические акты	2,7
Продажа Аляски	2,7
Поражение в холодной войне	2,7
Опричнина	2,7
Приватизация	1,3
Перестройка	1,3
Монголо-татарское иго	1,3
Кровавое воскресенье 1905 г.	1,3
Нет событий, о которых сожалею	5,5

Из таблицы видно, что наиболее неоднозначным в оценках является советский период, начиная с прихода к власти большевиков и заканчивая распадом СССР. Как сожаление, так и чувство гордости вызывают и отдельные события данного периода, и вся «советская эпоха»:

- *«Чувство сожаления вызывает крах СССР и отсутствие сильных коммунистических лидеров после смерти Сталина. Я горжусь его правлением, потому что это было время экономического подъема, небывалого авторитета нашей страны и ее военной мощи»;*

Политические представления российской молодежи...

- *«Чувство сожаления вызывают жуткие времена Сталина, репрессии, когда невинных людей казнили и заключали абсолютно ни за что»;*
- *«Сталинские репрессии, которые нанесли большой урон нашей стране, гражданская война, из-за которой тысячи лучших умов нашей страны эмигрировали за границу».*

Неоднозначность оценок проявляется также и в том, что один и тот же респондент не всегда может четко определить свою собственную позицию, выделяя как положительные моменты данного исторического отрезка, так и отрицательные.

В целом, из множества событий советского периода молодые люди сожалеют о революции 1917 г. (9,7%), гражданской войне (9,7%), поражении в холодной войне (2,7%), перестройке (1,3%).

Чувство же гордости у школьников вызывают победа в Великой Отечественной войне (46,4%) и полет Ю. Гагарина в космос (16,7%).

Какой период в истории нашей страны можно назвать «Золотым веком»?

Представления молодых людей об историческом периоде, который можно было бы назвать «Золотым веком» разнообразны, но не уходят вглубь времен дальше XVIII века. Количественное распределение предпочтений молодых людей представлено в таблице 4.

Таблица 4

Представления молодежи о «Золотом веке» в истории России

Исторический период	%
XVIII век	29,2
XIX век	25,0
Вторая половина XX века	12,5
Конец XX — начало XXI века	4,1
Период царствования Романовых	12,5
Не было	16,7

В процессе анализа мы умышленно сгруппировали представления школьников именно по векам в силу нескольких причин. Во-первых, ответы были представлены в свободной форме, поэтому мы получили совершенно разнообразные форматы ответов — от определения века до периода правления того или иного руководителя страны. Задачи исследования требовали некоторой унификации ответов. Во-вторых, определение периода по политическому деятелю (*«петровская эпоха»* или *«время правления Александра I»*) во многом повторяло бы данные анализа событийного ряда истории России по оси «гордость/сожаление». Поэтому во избежание тавтологии было решено оформить ответы респондентов по вековой принадлежности.

Из таблицы видно, что наиболее значительным историческим периодом для старшеклассников представляется XVIII век:

- *«Правление Петра I, 25 лет царствования, в которые произошел подъем практически везде — в экономике, политике, духовной жизни, а страна стала сильнейшим мировым игроком»;*
- *«Золотым веком» в истории нашей страны, по моему мнению, является XVIII век, то есть эпоха правления Петра I. Именно в этот период свершились наиболее значимые события для дальнейшего развития страны».*

Вторым по значимости периодом является XIX век:

- *«Для меня это XIX век, то есть время начала научных открытий, развития культурной сферы»;*
- *«Золотым веком» я бы назвала XIX век: век крупнейших побед, экономического и культурного развития»;*
- *«Это был период самый богатый на количество побед над нашими противниками. В этот период не было волнений и революций, не считая восстания декабристов. В этот период событий со знаком «минус» было меньше, чем в другие времена»;*
- *«Золотым веком» можно назвать XIX век, ведь именно в данный период было отменено крепостное право, поведен ряд реформ, а также произошел необычайный взлет отечественной культуры».*

Вторая половина XX века связана у старшеклассников с брежневским периодом: *«Хотя этот период и назван «эпохой застоя», тем не менее, в это время было процветание СССР, наблюдалась стабильность, уверенность».*

Важно отметить, что критерием определения «Золотого века» для старшеклассников, в первую очередь, являлась сила, мощь государства, положение России на мировой арене, а уже потом положение народа внутри страны, социальное и культурное развитие.

Интересным результатом исследования являются ответы респондентов, затруднившихся выделить в истории России какой-либо период в качестве «Золотого века»:

- *«Золотым веком» не могу назвать ни один, так как считаю, что везде были как свои плюсы, так и минусы»;*
- *«Любой век по-своему хорош, но я не считаю, что такой век был у России, ведь во все времена были трудности, с которыми приходилось мириться. А «Золотой век» предполагает отсутствие трудностей и лишь безбедное существование»;*
- *«Наверное, как такового «Золотого века» и не было. Были хорошие десятилетия».*

При этом важно отметить, что отсутствие подобного периода в прошлом связано с надеждами на его наступление в будущем. Были респонденты, которые считают, что «Золотой век» у России впереди.

Каково сегодня место России в мире?

Представления молодых россиян о месте России в мире неоднозначно. С одной стороны, они признают, что Россия играет особую роль в мировом политическом процессе, и что это исторически обусловлено: *«Центральное, потому что Россия является самой большой страной в мире, нас многие боятся и уважают. Россия — одна из сверхдержав»*. При этом подчеркивается, что эта особая роль сохраняется на протяжении веков.

Молодые люди считают, что Советский Союз занимал более высокие и прочные позиции на мировой арене и современной России еще долго придется возвращать себе утраченные позиции.

- *«Место России в мире не такое, какое было при советской власти. Раньше Россия была мировой державой, а теперь она региональная держава»;*
- *«Я думаю, что на настоящий момент Россия занимает не подобающее для нее место, нашу страну не уважают и не считают с ее мнением. Она уже не пользуется уважением, которое было у нее в советское время».*

Современное положение России молодыми людьми определяется по-разному — от оптимистического «лидирующего» до пессимистического «незначительного».

Таблица 5

Представления молодежи о месте России в мире

	%
Лидирующие позиции во всех сферах	17,8
Достойное место	22,2
Срединное положение («не последнее, но и не первое»)	46,6
Незначительное место	6,7
Неопределенное место	6,7

В целом, большинство молодых людей склонно реально оценивать как само положение, так и причины, его обусловившие:

- *«Сегодня Россия находится на промежуточной стадии развития: по определенным показателям мы занимаем самые высокие места (космос, торговля энергоресурсами), но в других моментах мы терпим абсолютный крах (уровень коррупции и преступности, детская смертность, потребление алкоголя и табака, отсутствие свободы слова)»;*
- *«Как ни печально это говорить, но Россия — страна Третьего мира, мировой сырьевой придаток»;*
- *«Мы как будто на краю ямы»;*
- *«Не занимает ведущего места, но и не отстает. У нас есть богатые недра, но они нерационально используются. Огромный научный потенциал, но опять не используется».*

Признавая сложность современного положения России, молодые люди считают, что ситуацию необходимо исправлять:

- *«Средствами могут послужить сильная армия и экономика, а также продуманная внешняя политика»;*
- *«России необходимо укреплять свои позиции, но прежде нужно навести порядок внутри страны»;*
- *«Необходимо формировать положительный имидж России за пределами страны».*

При этом каждый третий респондент довольно критично оценивает реальные возможности для изменения сложившейся ситуации:

- *«Колоссальных изменений все равно не достигнуть»;*
- *«Я надеюсь, что Россия все же займет лидирующее положение в мире, будучи при этом неким международным авторитетом, но вряд ли это произойдет в ближайшее время»;*
- *«Естественно, нам нужно что-то менять, чтобы выйти на роль ведущей мировой державы, однако, произойдет это, на мой взгляд, не скоро».*

«Кто является «друзьями» и «врагами» России?»

Политические представления о «друзьях» и «врагах» России являются одним из компонентов идентификационного выбора российских граждан. Образ «другого» является тем основанием для идентичности общества, по отношению к которому оно самоопределяется. Как точно заметил Б. Поршневу, «только ощущение, что есть «они», рождает желание самоопределиться... обособиться от «них» в качестве «мы» [21, с. 82]. Бинарная оппозиция «мы — они» есть «субъективная сторона всякой реально существующей общности людей» [21, с. 108].

Значение образа «другого» для формирования групповой идентичности раскрывается в теории социальной идентичности, разработанной Г. Тэшфелом и Дж. Тернером [2; 3; 4], согласно которой социальная идентичность есть самовосприятие индивида, которое выводится из знания о членстве в некой социальной группе и имеет ценностную и эмоциональную нагрузку. Члены любой группы склонны рассматривать «ингруппу» («мы») как выгодно отличающуюся от «аутгрупп» («они»), что способствует повышению их самооценки и поддержанию позитивного самовосприятия. Отсюда — так называемый эффект ингруппового фаворитизма, то есть тенденция к рассмотрению своей группы как «лучшей» по всем параметрам [5, с. 159].

Представления о других («они») могут носить как положительный («они» — «друзья», не такие, как мы, но не опасные), так и отрицательный оттенок («они» — «враги», агрессивные, опасные).

Представления о «друзьях» России

В первую очередь нас интересовал вопрос о том, как респонденты представляют себе наличие или отсутствие у нашей страны «друзей». Однозначного мнения по данному вопросу у молодых людей не выявлено.

Многие респонденты считают, что более правильно было бы говорить не о друзьях, а о партнерах, союзниках, симпатизирующих и оказывающих поддержку России:

- *«В геополитике не может быть друзей, могут быть только временные союзники на определенный исторический период»;*
- *«В современном мире трудно говорить о друзьях и врагах, у России есть союзники и противники в конкретных вопросах».*

Количественное распределение ответов молодых россиян представлено на рис. 2.

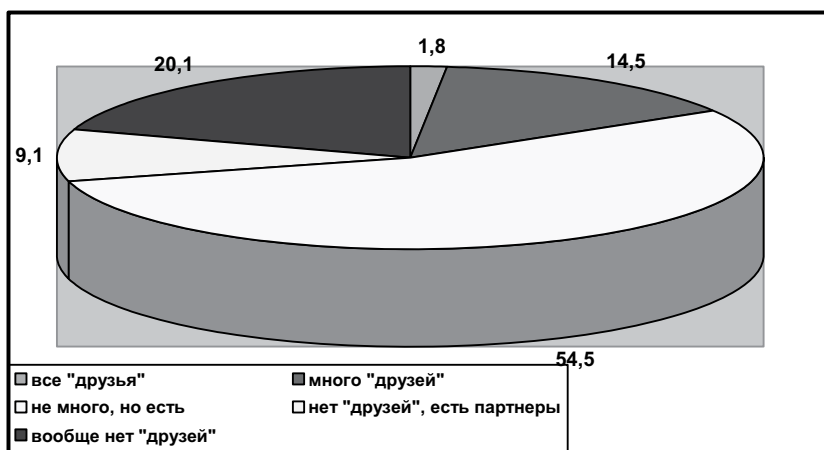

Рисунок 2. Представления о наличии или отсутствии «друзей» у России

Свое мнение о наличии или отсутствии «друзей» у России среди иностранных государств молодые люди аргументируют историческими фактами, приводя примеры как «дружественных отношений» (например, поддержка союзников во время Второй мировой войны, помощь Франции в урегулировании конфликта в Южной Осетии в 2008 году и др.), так и «недружественных отношений и предательства» (например, отношения СССР и США в период «холодной войны», современные отношения с Украиной и Грузией и т. д.)

Критериями определения «дружественности» отношений между Россией и другими странами в представлении старшеклассников выступают наличие партнерских отношений, их длительности, а также некую историко-культурную общность между народами (историю, язык, традиции).

Перечень государств, которых старшеклассники считают «друзьями» России, представлен на рис. 3.

Важно отметить, что старшеклассники в некоторых случаях обозначали не конкретные государства, а их группы — страны Латинской Америки, страны СНГ, страны Евросоюза. В других случаях речь шла о конкретных государствах из указанных групп, например, Венесуэла, Куба, Казахстан и т. д. Поэтому на рисунке 3 приведены данные, как по отдельным государствам, так и по группам стран.

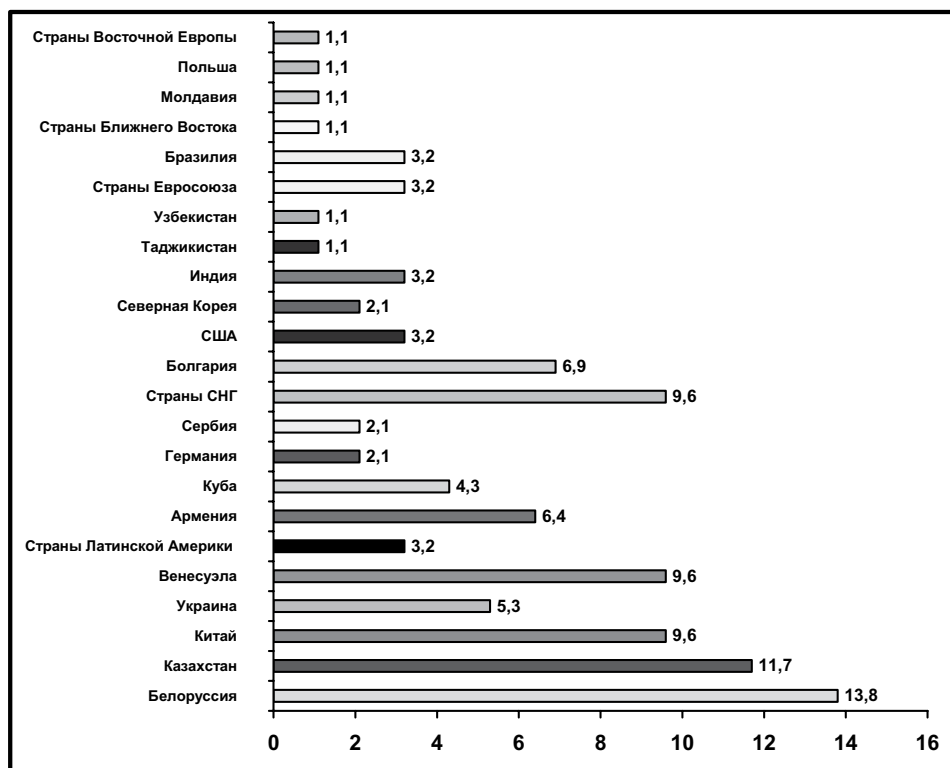

Рисунок 3. Представления молодых россиян о «друзьях» России

По общему суммарному показателю наиболее дружественными для России являются страны бывшего СССР и социалистического лагеря.

В целом старшеклассники считают, что Россия всегда стремилась к осуществлению дружественных отношений с другими странами, ибо существование государства без поддержки со стороны невозможно.

Представления о «врагах» России

Представления о «врагах» России не менее важны для понимания особенностей политического сознания самого молодого из всех современных политических поколений, поскольку образ «врага» играет важную идентифицирующую роль. На это указывал, в частности, Г. Маркузе: «Свободные институты состязаются с авторитарными, стремясь превратить образ Врага в могучую силу внутри Системы. Эта смертоносная сила стимулирует рост и инициативу... посредством превращения общества в целом в обороняющееся общество. Ибо Враг существует постоянно... Он равно угрожает нам как во время войны, так и в мирное время... он таким образом встраивается в Систему как связующая ее сила» [16, с. 133]. Враг — это не просто незнакомый или чужой, но источник опасности. А ощущение опасности пробуждает такие эмоции, как страх, агрессия и ненависть [1]. Как справедливо отмечает Б.Ф. Поршнев, основанием для возникновения образа

«врага» выступают не столько реальные характеристики или действия соответствующей группы, сколько наличие неких негативных обстоятельств, вину за которые на эту группу можно возложить. Иными словами, «они» конкретизируются через те беды и угрозы, которых опасается общность «мы» [21].

подавляющее большинство молодых россиян считают, что у России есть «враги», тогда как лишь 7,1% думают иначе. При этом, 4,8% респондентов считают «врагами» все государства, а 8,3% предпочитают говорить скорее о конкурентах, соперниках и оппонентах.

Главный внешний враг для молодых людей (29,7%) — это Соединенные Штаты Америки. Вражда с США, в их представлении, имеет не столь давние корни, но высокая напряженность отношений в период «холодной войны» и гонки вооружений наложила отпечаток на все последующие годы.

Кроме того, в список «врагов» школьники включают Грузию (8,3%), НАТО (7,1%), Китай (5,9%), страны Прибалтики (5,9%), Великобританию (5,9%), Украину (4,8%).

К внутренним «врагам» старшеклассники относят коррупцию и произвол властей (15,1%), терроризм (6,0%), несовершенство органов государственной власти (6,0%), слабость институтов гражданского общества (6,0%), наркоманию и пьянство (3,0%).

В целом можно отметить, что представления старшеклассников о «друзьях» и «врагах» России носят во многом стереотипизированный характер, имеют отпечаток «советского» наследия как усвоенного через курсы истории в школе, рассказы учителей и родителей, сообщения СМИ.

Каким видится будущее России?

Анализ представлений о будущем России по оси «оптимизм/пессимизм» выявил, что большая часть наших респондентов (52,4%) смотрят вперед с оптимизмом и считают, что нашу страну ждет «светлое будущее»:

- *«Хочется верить, что мы изменим положение в лучшую сторону, с нами станут считаться, будут уважать наше мнение»;*
- *«Светлое время, повышение уровня жизни, демографический бум, развитие демократии, укрепление международных позиций»;*
- *«Будущее светлое. Хорошо было бы, если бы развивалась промышленность, научные центры, чтобы второе образование было бесплатным, чтобы заботы о стариках было больше»;*
- *«Думаю, что все в итоге будет хорошо... Будущее будет светлым»;*
- *«Россия будет сильной страной. Будет стабильность, увеличение рабочих мест, заработной платы, человек не будет все время думать о кошельке»;*
- *«Хочется верить, что наша страна будет развиваться во всех направлениях, оставаясь одной из ведущих держав мира».*

Среди условий и факторов, от которых зависит «светлое» будущее нашей страны, респонденты называют следующие:

- усиление чувства национального единства;

- решение экологических проблем;
- материальные вложения в спорт и науку;
- борьба с коррупцией;
- решение демографической проблемы;
- улучшение качества образования;
- борьба с инфляцией;
- создание национальной идеи.

Чуть более трети опрошенных нами молодых людей (35,7%) обрисовали его в мрачных тонах:

- *«Будущее России при текущей власти не видится мне радужным, так как власть не желает бороться с коррупцией и сама погрязла в ней»;*
- *«Сложно сказать... Мы на распутье... Нет вектора, который бы обуславливал развитие, к сожалению...»;*
- *«Будущее я вижу на самом деле в тумане, потому что нет никакой определенности у нашей страны, она еще не может пока выбрать правильный путь, мы еще не очень развиты по сравнению с другими европейскими странами, а также Китаем и Америкой»;*
- *«Есть два варианта нашего будущего. Первый: власти наконец-то начнут прислушиваться к тому, что говорят граждане, и тогда мы все-таки добьемся того, к чему стремимся — станем великой демократической державой. И есть второй вариант: власти останутся по-прежнему глухи к просьбам граждан, и тогда возможно все»;*
- *«О... темным. Нет, скорее не темным, а туманным»;*
- *«При сохранении существующей внутренней политики — крайне печальное»;*
- *«Неопределенно, потому что в нашей стране никак нельзя угадать, что будет завтра»;*
- *«Будущее России размыто, но сегодняшний курс ни к чему хорошему не приведет, кроме революционных потрясений ничего не принесет, будет происходить медленная деградация».*

Субъекты будущего в представлениях молодых россиян выражаются формулой «Я и мои ровесники» — молодые граждане России, активные и равнодушные («Вообще будущее зависит от нашего поколения»).

Некоторые выводы

Говорить об итоговых выводах нашего исследования пока не вполне корректно. Тем не менее, даже по частично представленным результатам нашей работы можно обозначить некоторые предварительные позиции, касающиеся системы политических представлений молодежи.

Во-первых, в силу специфики социального статуса (молодого возраста, не слишком обширного реального опыта участия в политической жизни страны), политические представления молодежи содержат множественные клише и шаблоны, навязанные историко-обществоведческими курсами,

прослушанными в учебных заведениях, а также в значительной мере отражают транслируемые средствами массовой информации официальные идеологические штампы, особенно в том, что касается исторического пути страны.

Во-вторых, результаты нашего исследования, в целом, дополняют общую картину понимания научным сообществом проблемы национально-государственной идентичности и политико-психологических механизмов ее формирования. Полученные нами данные, каких бы компонентов представлений о России они не касались, в общем и целом совпадают с данными других исследований и свидетельствуют о том, что процесс поиска оснований для формирования идентичности молодежи еще не завершен и не может происходить стихийно. Для молодежи, политическое сознание которой легко откликается на внешние воздействия, наиболее значимым фактором политической социализации являются СМИ [20], транслирующие разную в содержательном отношении информацию, что затрудняет формирование национально-государственной идентичности молодежи как монолитного конструкта. В этих условиях, как справедливо отмечает Т.В. Евгеньева, «если политические элиты современной России, являющиеся главным актором политических трансформаций, не смогут вовремя предложить привлекательную систему символов для самоидентификации в качестве граждан России, всегда найдутся иные политические субъекты, предлагающие собственные, часто негативные символы, формирующие идентичности, противоречащие интересам российского общества и государства» [11].

В целом, необходимо заключить, что по сравнению со старшими поколениями российских граждан, современные молодые люди выглядят более политически ангажированными, в большей степени проявляют интерес к политике и собственную гражданскую позицию, что, в свою очередь, может служить основанием для оптимизма в отношении политического будущего нашей страны. Мы можем констатировать наличие некоторых, пусть пока и фрагментарных, элементов идентичности именно национально-государственного типа. Данное обстоятельство, в некоторой степени, может служить основанием для прогнозирования перспективы формирования единой социальной идентичности не только молодежи, но и общества в целом. При этом главными факторами, способными катализировать этот процесс, должны выступить национальная идея, поисками которой вот уже более 10 лет занимаются российские политики, ученые и общественные деятели, а также единая информационная политика средств массовой информации.

Комментарий

1. Были выделены две возрастные когорты в структуре российской молодежи: 18—23 года (в основном, учащиеся высших профессиональных учебных заведений) и 24—30 лет (молодые люди, находящиеся в начале становления своей профессиональной карьеры).

Литература

1. *Hewstone M., Rubin M., Willis H.* Intergroup Bias (social prejudice) // Annual Review of Psychology. 2002.
2. *Hogg M., Terry D., White K.* A Tale of Two Theories: A Critical Comparison of Identity Theory with Social Identity Theory // Social Psychology Quarterly. 1995. Vol. 58. Issue 4.
3. *Tajfel H.* Social Identity and Intergroup Relations. Cambridge: Cambridge University Press. 1982.
4. *Tajfel H., Turner J.* The social identity theory of intergroup behavior // The psychology of intergroup relations. Chicago, 1986.
5. *Аронсон Э.* Общественное животное. М., 1998.
6. *Волкан В., Оболенский А.* Национальные проблемы глазами психоаналитика с политическим комментарием // Общественные науки и современность. 1992, № 6.
7. *Евгеньева Т.В.* Историческая память и национально-государственная идентичность в современной России // Ценности и смыслы. 2012. № 5 (21).
8. *Евгеньева Т.В.* Перспективы российского демократии и архетипы российского ментальности // Новая Россия: политика и культура в современном измерении. М., 2003.
9. *Евгеньева Т.В.* Символы национально-государственной идентичности в сознании современной российской молодежи / Образы государств, наций и лидеров. Под ред. Е.Б. Шестопаля. М., 2008.
10. *Евгеньева Т.В.* Современные исторические мифы: закономерности формирования и функционирования // РГГУ — вузам России. М., 2005.
11. *Евгеньева Т.В.* Социально-психологические аспекты формирования национально-государственной идентичности россиян в постсоветский период / Актуальные проблемы современной политической психологии. Под ред. Е.Б. Шестопаля. М., Инфра, 2010.
12. *Емельянова Т.П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006.
13. *Зверев А.Л.* Государственный символизм в образе современной России / Образы государств, наций и лидеров. Под ред. Е.Б. Шестопаля. М., 2008.
14. *Келли А. Дж.* Теория личности. СПб.: Речь, 2000.
15. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
16. *Маркузе Г.* Одномерный человек. М., 1995.
17. Образы власти в постсоветской России. Под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: Алетейя, 2004.
18. Образы российской власти: От Ельцина до Путина. Под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: РОССПЭН, 2009.
19. *Паутова Л.А.* Комплексный подход к исследованию социального представления о стабильности // Социология: 4М. 2004, №19.
20. Политическая социализация российских граждан в период трансформации / Под ред. Е.Б. Шестопаля. М.: Некоммерческое партнерство «Новый хронограф», 2008.

21. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1979.
22. *Селезнева А.В.* Политические представления современной российской молодежи // Модернизационные процессы в обществе: проблемы теории и практики: Материалы международной научно-практической конференции. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2007.
23. *Селезнева А.В.* Политические представления современных российских старшеклассников / Перспективы развития политической психологии: новые направления. Материалы Международной научной конференции 22—23 октября 2010 г. / Под ред. Е.Б. Шестопа. М.: Издательство Московского университета, 2012.
24. *Селезнева А.В.* Политические ценности и образы власти в сознании разных поколений россиян / Образы государств, наций и лидеров // Под ред. Е.Б. Шестопа. М.: Аспект Пресс, 2008.
25. *Семенова В.* Жизненный путь и социальное самочувствие в когорте 30-летних: от эйфории к разочарованию // Мониторинг общественного мнения. 2002. №5.
26. *Титов В.В.* Национально-государственная самоидентификация молодежи в современной России: политико-психологическая специфика / Актуальные проблемы современной политической психологии. Под ред. Е.Б. Шестопа. М., Инфра, 2010.
27. *Шестопа Е.Б.* Политическая социализация и ресоциализация в современной России // Политика. №4. Зима 2005-2006.
28. *Шестопа Е.Б.* Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000.
29. *Элиаде М.* Космос и история. М., 1987.

Неоязычество в России и Африке южнее Сахары как попытка конструирования идентичности

В статье проанализировано влияние этнической самоидентификации и связанных с ней образов мира неоязычников-«родноверов» на совокупность ориентаций личности на прошлое (изобретение традиции), настоящее и будущее. В работе исследованы способы и механизмы самоидентификации, предлагаемые идеологами неоязычества. Показано, что идеологии различных течений русского неоязычества отражают разные способы конструирования идентичности членов указанных сообществ: позитивный тип идентификации (признание прав на существование «чужого») связан с толерантностью; негативный (акцентирование границы «Мы» — «Враги», конструирование образа «своих» на основе противопоставления изначальному негативному образу «чужих») — с ксенофобией. Конструирование идентичности в среде российских неоязычников сопоставляется с конструированием идентичности членов неоязыческих групп в Африке южнее Сахары.

Ключевые слова: идентичность, неоязычество, Россия, Африка, тайные общества, молодежные группировки.

В конце XX — начале XXI вв. отмечается распространение и рост влияния как в России, так и во многих странах мира неоязыческих движений. В российской культуре конца 1980-х —1990-х годов сложилась субкультура русских неоязычников или «родноверов», как они сами себя называют. Следует заметить, что в нашей стране появились и другие неоязыческие субкультуры, развивающиеся под влиянием этнокультурных фундаменталистских течений в Западной Европе (например, «кельтское» и «германское» неоязычество). «Родноверы» — одно из характерных течений современной неоязыческой субкультуры, отличающееся от вышеперечисленных тем, что принадлежность к указанному течению служит формой этнической самоидентификации его членов в качестве русских. Для того, чтобы выделить изучаемое явление из ряда сходных неоязыческих движений, предлагается ввести в научный оборот термин «*родноверие*» — самоназвание неоязычников, отправляющих культ славянских божеств [6].

О.И. Кавыкин

Это течение служит в современной России идеологической базой как экологических, так и радикальных националистических движений. Последнее обстоятельство заставляет уделить первоочередное внимание именно «родноверию».

Идентичность участников данного движения характеризуют две основные культурные модели поведения, связанные с различными типами самоидентификации: модель поведения, ориентированная на уход от социально-политической реальности и формирование закрытого сообщества; модель поведения, ориентированная на выработку и реализацию социально-политического проекта (превращение в контркультуру).

Социокультурной средой бытования неоязычества является маргинальная городская интеллигенция. Родноверческое движение объединяет, по экспертным оценкам, несколько тысяч человек. Субкультура неоязычников-«родноверов» представляет собой конгломерат социальных сетей, служащих средой бытования различных мифологий, образов мира и, соответственно, этноконфессиональных идентичностей, распространенных среди части русских. Электронные средства коммуникации способствуют распространению информации в «родноверческих» кругах, пропаганде неоязычества и служат средством самоорганизации сообщества. Объединенные самоназванием и дискурсом «родноверы» не демонстрируют единодушия, создавая образы мира и идентичности.

В развитии русского неоязычества можно выделить три этапа: обращение в поисках утраченного «золотого века» к неоязычеству части интеллигенции; расширение и политизация движения в годы перестройки; дробление движения «родноверов» на гетерогенные, но объединенные одним дискурсом составляющие (крупные союзы общин, объединенные по признаку ксенофобии/толерантности, претендующие на роль лидеров всей субкультуры и разрозненные мелкие общины) [6].

Предпосылки возникновения «родноверия» связаны как с событиями новейшей отечественной истории, так и с глобальными изменениями.

Разрушение советской картины мира привело к кризису идентичности; в таких условиях наблюдалась активизация архаических (архетипических) составляющих человеческой психики, ответственных за мифотворчество; для компенсации последствий кризиса идентичности обществами на территории бывшего СССР были востребованы мифологизированные этнические идентичности (представления о принадлежности к воображаемому сообществу — «своему» народу), используемые для создания этноцентричных образов мира [2, 3, 4, 5].

В условиях социокультурных кризисов (сопровождающихся распадом господствовавшего образа мира) начинаются попытки создания интеллигенцией новой целостной картины мира, организуемой по принципу мифа. Ведущую роль в построении новых образов мира играет архетипическая оппозиция «Мы» — «Они». Вследствие таких механизмов мифологичес-

кого мышления, как мистическая партиципация и персонификация причинности, оппозиция «Мы» — «Они» служит основой для моделирования пространственно-временных отношений и восприятия явлений (включая этическую и эмоциональную оценку). В ряде случаев, для конституирования (воображения) общностей «Мы» и «Они» используются расовые признаки, этническая или национальная принадлежность [2, 3, 4, 5].

С вышеозначенной проблемой связан вопрос о наличии установок толерантности/ксенофобии. Позитивный тип идентификации (признание прав на существование «чужого») связан с толерантностью, негативный (акцентирование границы «Мы» — «Враги», конструирование образа «своих» на основе противопоставления изначальному негативному образу «чужих») — с ксенофобией. Разрушение советской картины мира привело к кризису идентичности; в таких условиях наблюдалась активизация архаических (архетипических) составляющих человеческой психики, ответственных за мифотворчество; для компенсации последствий кризиса идентичности обществами на территории бывшего СССР были востребованы мифологизированные этнические идентичности (представления о принадлежности к воображаемому сообществу — «своему» народу), используемые для создания этноцентричных образов мира [2, 3, 4, 5].

Влиятельной составляющей мировой массовой культуры как средства компенсации мировоззренческого кризиса оказывается литература в жанре «фэнтези», транслирующая паттерны мифологического мышления и провоцирующая дальнейшее мифотворчество [6].

«Родноверы» вовлечены в глобальный процесс возрождения т. н. «этнических религий»; они поддерживают связь с представителями зарубежных языческих и нео-языческих организаций [6].

Хотя традиция обращения российской интеллигенции к дохристианскому культурному наследию в переломные моменты истории существует, по меньшей мере, с начала XX века (к образам славянских божеств обращался, например, С.Т. Коненков), а первые кружки интеллектуалов, возрождавших культы славянских богов, появились в 1970-е гг., условия для возникновения неоязычества как явления массовой культуры, доступного для значительной части российского общества, возникли значительно позже. Перестройка, а затем демократические преобразования в постсоветской России обеспечили необходимые для пропаганды неоязычества свободу совести и слова. Кроме того, именно в этот период начался социокультурный кризис, послуживший основой для массового поиска этнической и конфессиональной идентичности. Попытки конструирования «родноверами» этничности продолжаются и поныне [6].

Рассмотрение «родноверия» как этно-политического феномена требует его изучения в широком историко-культурном контексте. В рамках истории идей можно отметить прямые заимствования из идеологических систем конца XIX — первой половины XX вв. (русское народничество, тео-

софия, ариософия, идеология национал-социализма) и второй половины XX в. (идеология природоохранного и краеведческого движений) предпринятые идеологами русского неоязычества [6].

На основании публикуемых неоязычниками текстов оказывается возможным выявление образов мира, распространяемых «родноверами», и установлении принципиальных различий в механизмах самоидентификации, определяющих наличие двух основных ее форм. Одна из форм связана с позитивным типом идентификации и ведет к толерантному отношению к представителям других народов и конфессий; другая же, способствующая националистическим настроениям, основывается на создании негативного образа «чужих». Применение этой модели позволяет создать критерии для строгого разделения толерантных и националистически настроенных неоязыческих «общин».

Идентичность «родноверов» можно рассматривать в качестве динамически изменяющейся модели восприятия системы социальных связей: в процессе самоидентификации человек определяет свое место в мире, определяя место, занимаемое им в своей группе («Мы») и сравнивая ее с иными группами («Они»). В качестве маркеров принадлежности к группе могут выступать различные признаки.

В рамках конструктивистской теории этничности отнесение индивидом себя к тому или иному сообществу (т. е. самоидентификация) интерпретируется с точки зрения воображения (т. е. создания у индивида образа) этого сообщества. Образ этноса в качестве такого сообщества определяется конкретно-исторической ситуацией. В ряде случаев, он может создаваться целенаправленно. Это относится не только к деятельности официальных СМИ, но и к воздействию на массовое сознание принадлежащих неоязычникам ресурсов в сети Интернет и печатных изданий [6].

Создание этнической картины мира является частным случаем конструирования реальности. Управляющий деятельностью человека (в т. ч. познавательной) образ мира существует в индивидуальном сознании, и, в значительной степени, определяется персональным опытом и свойствами личности. Однако, вследствие включенности человека в коллектив, содержание образа мира может быть целенаправленно сформировано или изменено в ходе трансформаций культуры и политической агитации на государственном и общественном уровнях.

Предлагаемые идеологами «родноверия» идентичности занимают свое место среди многих других мифологизированных образов общностей (в том числе этно-расовых); важную роль при создании такого рода образов играет мифологема «золотого века».

Мировоззрение неоязычников-«родноверов» является попыткой создания упорядоченной картины мира путем осуществляемой ими же «реконструкции» религиозного мировоззрения древних славян [6]. Дихотомия священное\профанное реализуется: в представлении об освященных ритуальных пространствах, где возможен контакт с богами; в представлении

о возрождении во время ритуала священного изначального времени, т. е. времени активной деятельности богов и обожествляемых предков; в наличии обрядов освящения и десакрализации; в представлении о природе как иерофании и, в связи с этим, о тождестве макрокосмоса (Природы) и микрокосмоса (человека) (воспринимаемых некоторыми авторами-неоязычниками в качестве проявлений бога Рода); в отношении к государству как к проявлению «нечистого» начала; в представлении о передаче в ходе инициаций священных знаний; в представлении о необходимости охраны сакральных знаний от непосвященных. Наличие представлений о священном и их воплощение в обрядовых действиях позволяет охарактеризовать неоязычество как новое религиозное течение в современной России.

Отмечается определенная специфика, отличающая «родноверие» от религии традиционных и архаических обществ: неоязычество имеет характер рационально выстраиваемой реконструкции дохристианских славянских культов и верований, опирающейся на результаты научных исследований; преследование некоторыми идеологами неоязычества посясторонних (политических) целей позволяет также определить это течение как квазирелигию.

Объединенные самоназванием и дискурсом, «родноверы» не демонстрируют единодушия, создавая образы мира и идентичности. Самоидентификация ксенофобов (как «родноверов», так и представителей других неоязыческих движений) основывается на следующих компонентах-эмблемах:

«родноверие» (родная вера — язычество);

родная земля;

этническая принадлежность (принадлежность к сообществу «славян» или «русских»);

расовая принадлежность как составляющая образа «своего» этноса;

национальный характер;

культура повседневности;

родной язык.

Этническая принадлежность (т. е. принадлежность к русскому, украинскому или белорусскому народу или к общности «славян»), воспринимаемая как примордиальный феномен, является необходимым условием для вхождения индивида в общину. Этническая и расовая принадлежность является определяющим фактором при определении язычества в качестве «своей» религии, противопоставления заимствованному («навязанному врагами») христианству.

Образ «славного прошлого» «своей» этнической или расовой группы, при недовольстве текущим положением дел, проецируется в будущее в виде надежды на возрождение «Золотого века». В ряде случаев религия воспринимается в качестве средства этнической мобилизации, идеологии национального (или этно-расового) возрождения. Схема мифологизации истории интолерантными неоязычниками такова: существовала дохристианская арийская цивилизация, попавшая под идеологическое влияние ко-

варных «врагов»; ныне «наши» угнетаются «врагами»; обращение к исконным формам «нашей» религии позволит укрепить «наше» национальное самосознание и сбросить иго ненавистных «врагов»; последнему действию может придаваться значение всемирно значимой миссии.

Недовольство современностью связано с восприятием ситуации угнетения «наших» «иноходцами», представлением о несправедливости нынешней общественно-политической системы (с точки зрения интолерантных «родноверов», представители одних народов получают преимущество перед представителями других, коренных народов). При негативной оценке современности, изображаемой как «Хаос», будущее мыслится как возрождение «Золотого века».

Негативный тип идентификации (акцентирование границы «Мы» — «Враги», конструирование образа «своих» на основе противопоставления изначальному негативному образу «чужих») находит отражение в ксенофобских представлениях интолерантных «родноверов».

Этноконфессиональная идентичность толерантных «родноверов» определяется теми же компонентами (и обозначается теми же эмблемами), что и идентичность «родноверов»-ксенофобов.

В силу представления о том, что славянское язычество воспринимается как «религия предков», расовая принадлежность мифологизируется; однако, этническое происхождение (как примордиальный феномен) не является главным критерием для вхождения индивида в общину; для части толерантных «родноверов» главным компонентом этноконфессиональной идентичности является самосознание. Глобальные проблемы современности (а также кризис идентичности) побуждают представителей толерантного крыла «родноверов» обращаться к язычеству в ходе построения мировоззрения, объединяющего индивидов в коллектив и примиряющего (по их мнению) социум и природу. Ответственность за недостатки современности (распространение противоприродного учения — «монотеизма») не возлагается на «чужих» и «врагов». В этом и состоит отличие данной группы. Религия и мифология воспринимаются как идеология, но для пропаганды борьбы с «чужими» не используется.

В среде «родноверов», относимых автором к числу толерантных, недовольство современностью выражается в констатации ими существования дисгармонии личности, социума и мира; экологический кризис воспринимается как одно из следствий этой дисгармонии. Выражением этой дисгармонии является также нарушение принципа справедливости — власть не принадлежит самым достойным и способным. В качестве «Золотого века», который надлежит возродить с помощью реставрации ценностей языческих обществ, создается образ гармоничного сосуществования человечества и обожествляемой Природы.

Образы лидеров, являющихся персонификацией положительных качеств представителей различных течений в «родноверии». Мифологизированный образ Лидера в неоязыческой среде может создаваться в соответ-

ствии с сюжетной схемой героического мифа: Лидер (Вождь) преодолевает испытания (в виде «борьбы с режимом» и сопутствующих лишений, интеллектуального и духовного самосовершенствования) и приобретает необходимые качества культурного героя (особые знания, паранормальные способности, служащие спасению «Народа» и всего человечества). При этом главный герой, в ряде случаев, изначально является язычником; испытания развивают его способности, не меняя мировоззрения. Главное отличие образа Лидера, распространяемого в среде толерантных неоязычников: имеет место позитивная самоидентификация — противостояние «врагам» не фигурирует в качестве условия обретения необходимых Лидеру качеств [6].

Заметим, что и в других странах возникновение и развитие неоязычества, вследствие стремления части образованной публики преодолеть кризис идентичности, вызванный, очевидно, отличными от распада советской идеологии причинами. В странах Европы и Северной Америки распространены викка, Асатру, реконструированные обряды коренных американцев и даже попытки возрождения религий Древнего Египта. Попытки конструирования идентичности на основании представлений о традиционной культуре отмечены и в Африке.

В Тропической и Южной Африке можно выделить три направления развития неоязычества: распространение заимствованных из стран Европы и Северной Америки разновидностей неоязычества (представленных, в частности, Языческой Федерацией Южной Африки — PFSA); возрождение бытовавших прежде культов (или учреждение новых), в том числе, подразумевающих человеческие жертвоприношения (в частности, в Нигерии и Танзании); формирование новых групп, копирующих принципы организации традиционных тайных обществ, но преследующих криминальные цели (т. н. «культизм» на кампусах университетов в Нигерии) [1, 7, 11, 12, 13, 14].

В Бенине, а также и в Нигерии, при весьма значительном распространении христианства и ислама, языческое наследие не столь активно вытесняется на периферию культурной жизни и сохраняет свое влияние в качестве одного из системообразующих факторов. При этом существуют прежние и возникают новые сообщества, а, значит, и идентичности. Б.И. Шаревская приводит характеристику такого рода сообществ — тайных обществ — деятельность которых в Нигерии имеет и политическое измерение [10].

По образу и подобию «традиционных» тайных обществ в современной Нигерии формируются нелегальные молодежные объединения.

Участникам российской экспедиции (в том числе, автору данного исследования) довелось услышать в 2006 г. на кампусе Ибаданского Университета жутковатую историю о том, как участники так называемого «культа» — нелегального объединения молодежи, своеобразного современного тайного общества — шантажировали одного из профессоров, угрожая принести его в жертву в том случае, если он не поставит положительные оценки нескольким студентам-культистам. Как следует из работ зарубеж-

ных ученых, это — явление намного более сложное, чем просто создание неоязыческих сект. И более того, неоязыческая составляющая проявляется здесь не только и не столько в обращении к каким-либо божествам, сколько в заимствовании принципов организации и методов тайных обществ и создании своеобразных обрядовых практик.

В современной Нигерии практически в каждом из высших учебных заведений (иногда и в средних!) отмечаются следы деятельности так называемых «культов», как правило эти проявления связаны с насилием. Справедливости ради следует особо отметить, что изначально деятельность этих молодежных объединений не носила открытого антиобщественного характера.

С начала 1980-х гг., однако, деятельность «братств» стала приобретать все более и более насильственный характер и тайна стала частью их образа жизни. Среди видов деятельности культистов: кражи, вымогательство [11], торговля наркотиками и оружием [14]. Женские «культы» начали выступать в роли банд сутенеров и проституток.

В число специфических видов деятельности культистов входят вербовка новых членов и инициации. Первый шаг в процессе инициации — клятва в верности и обещание хранить тайну. Предполагается, что во время обряда посвящения глаза новичка будут закрыты, пока произносятся заклинания. Новые участники подвергаются жестокому избиению как средству испытания их выносливости и способу их ожесточения. В день посвящения новые участники должны выпить напитки, в состав которых входит кровь [11]. Иногда им дают задания, такие, как изнасилование пользующейся популярностью студентки или даже сотрудницы университета. Инициация культисток может включать в себя участие в некоторых безнравственных действиях. Среди «Распутниц» и «Амазонок», например, новые участницы могут быть обязаны принять участие в серии из шести быстро чередующихся сексуальных контактов. Также их могут заставить драться с другими сильными девушками или юношами. Экстремальный характер такого рода обрядов, на наш взгляд, свидетельствует о трансформации в современных условиях элементов традиционных мировоззренческих систем и практик (обрядов перехода), осмысленных И.В. Следзевским [9]. Во время инициаций новым участникам преподают навыки общения с другими членами культа на языке кодов, понятных посвященным. После посвящения новые члены культа участвуют в действиях, которые являются групповой нормой.

Поскольку деятельность университетских культов приобрела характер преступно-мафиозной, постольку перед группировками встала задача охраны «своей» территории от посягательств со стороны «чужих» групп. Часто это завершается столкновениями. Для покушения на «врагов» (будь то члены конкурирующей группы или неуступчивый преподаватель, отказавшийся завышать оценки культистам) используются так называемые «убий-

цы» (hitmen) — как правило, члены того же культа, но из других учебных заведений, что затрудняет их опознание и поимку [11].

Естественная или насильственная смерть одного из членов культа влечет за собой проведение прощальной церемонии. Цель этой церемонии — разрыв связи между покойными и живыми членами, особенно между проходившими инициацию в одно и то же время [11].

Причин для существования такого явления множество. Сама социальная атмосфера в современных нигерийских вузах способствует процветанию культов: наблюдается упадок традиционной академической культуры, отсутствуют интеллектуальные дебаты и другие традиционные формы деятельности, присущие традиционной культуре университетских кампусов. С другой стороны, культизм зачастую получает поддержку некоторых представителей администрации и профессорско-преподавательского состава: во-первых, потому, что и они в свое время были приняты в эти братства, и во-вторых, потому, что члены культов привлекаются для борьбы с неугодными лидерами студенческих союзов (для недовольства студентов есть множество причин, одной из которых являются нарушения при приеме экзаменов. Финансовую поддержку культам оказывают их участники, получившие образование и добившиеся определенного успеха в жизни. Культи получают поддержку и со стороны некоторых политиков, ибо их участники выполняют функции телохранителей, терроризируют неугодных активистов студенческих движений, оказывают поддержку во время выборов на государственном уровне (особенно в тех случаях, когда кандидат — закончивший университет член культа). Политики (а также чиновники и судьи), в свою очередь, защищают интересы студенческих группировок или отдельных участников этих формирований (например, помогая избежать уголовного преследования) [11].

Что касается идеологической стороны этого явления, в определенной мере, это — порождение общих тенденций в современной национальной культуре Нигерии: один из аспектов связан с интерпретацией традиционных верований некоторыми представителями африканской интеллектуальной элиты, апеллирующими к религиозному наследию в поисках основы национальной (и расовой!) идентичности. Такого рода построения отмечались исследователями еще в середине прошлого века, в частности, в исследовании Б.И. Шаревской [10].

В определенной степени, культизм оказывается одним из частных случаев реализации установки на возрождение старинных паттернов культуры, распространяющейся среди представителей влиятельных социальных групп. А.Н. Мосейко констатирует: «У элитарных кругов нового африканского общества возникла реакция отката от европейских ценностей и обращение к ценностям традиционного общества, к наследию африканских культур» [8]. Университетский культизм характеризуется следующими признаками, свидетельствующими в пользу интерпретации в данном кон-

тексте: помимо огнестрельного и холодного оружия в арсенал культистов входят амулеты, талисманы и иные «магические» средства [11]; рифмы и ритмы музыки, которую они слушают, бывают настолько сходны с рифмами и ритмами традиционной африканской военной музыки, что Дж. Кенни в своем исследовании трактует это явление в терминах «ре-традиционализации африканской культуры» [13].

Таким образом, и в данном случае, возможно вести речь об одном из способов конструирования идентичности представителями образованной части общества.

Литература

1. *Воляк П.* Белое гетто // Вокруг света. 2010. № 1.
2. *Евгеньева Т.В.* Архаическая мифология в современной политической культуре // Полития. — М., 1999. №1.
3. *Евгеньева Т.В.* Культурно-психологические основания формирования образа «другого» в современной России // «Чужие» здесь не ходят. Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России. / Отв. ред. Т.В. Евгеньева. — М., 2004.
4. *Евгеньева Т.В.* Предисловие // Формирование и функции политических мифов в постсоветских обществах. — М., 1997
5. *Евгеньева Т.В.* Социально-психологические основы формирования политической мифологии // Современная политическая мифология: содержание и механизмы функционирования / Сост. А.П. Логунов; Т.В. Евгеньева. — М., 1996.
6. *Кавыкин О.И.* «Родноверы». (Самоидентификация неоязычников в современной России). — М.: Ин-т Африки РАН, 2007.
7. *Кочакова Н.Б.* Традиционные культуры народов Нигерии. — М., 2008.
8. *Мосейко А.Н.* Человек в традиционных обществах Африки. Образы мира — коллектив — личность // Обычай. Символ. Власть. — М., 2010.
9. *Следзевский И.В.* Оперирование символическими и языковыми знаками в бесписьменных африканских культурах: автоматизм поведения или особая логика осмысления мира? (По следам одной дискуссии с И.Е. Синицыной) // Обычай. Символ. Власть. — М., 2010.
10. *Шаревская Б.И.* Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. — М., 1964.
11. *Adeyemi, J.K.* The Menace of Cultism in Nigerian Tertiary Institutions // New Directions in Higher Education. (Ed. by R. NATA). N.Y., 2005.
12. *Beckford, James A.* Cult Controversies: the Societal Response to New Religious Movements. L. — N.Y., 1985.
13. *Kenny, J.* The Idea of an African University: the Nigerian Experience . CRVP, 2006.
14. *Moore H.L., Sanders T.* Magical Interpretations, Material Realities: Modernity, Witchcraft and the Occult in Postcolonial Africa. Routledge, 2001.

Фальсификация истории России в контексте идентичности: новая плоскость противостояния¹

Фальсификация российской истории в настоящее время на ценностно-смысловом уровне — процесс, призванный разрушить культурно-историческую основу нашего государства, возможности формирования гражданской идентичности, уничтожить защитные механизмы и средства адаптации общества к вызовам современности. По своей сути это явление может быть приравнено к ведению экстремистской деятельности — с теми же целями и задачами, но осуществляемой другими средствами и методами.

Ключевые слова: гражданская идентичность, фальсификация истории, экстремизм, молодежная политика, федеральный список экстремистских материалов, социологические исследования.

История любого государства является той основой, которая позволяет формировать идентичность граждан, воспитывать чувство патриотизма у подрастающего поколения. Одним из средств разрушения идентичности является фальсификация истории как процесс сознательного искажения исторической действительности, негативной оценки и интерпретации событий отечественной истории. Фальсификация истории происходит бурно в периоды трансформаций, идеологических и политических противостояний, когда существующая гражданская идентичность либо уже разрушена, либо находится в состоянии разрушения. Наиболее наглядным примером подобной ситуации является фальсификация истории в странах Прибалтики и на Украине, когда пересмотру подвергается история советского периода, а политика России определяется как «захватническая» и «оккупационная».

А.В. Дождиков

¹ Статья подготовлена на базе результатов проекта «Политико-психологический анализ политического сознания современной российской молодежи: механизмы трансляции социальной и исторической памяти» по государственному контракту № 16.740.11.0694 от 08 июня 2011 г. в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.».

В нашей стране на протяжении постсоветских лет наблюдается всплеск фальсификации истории. На государственном уровне предпринимаются меры, направленные на борьбу с данным явлением. В последние годы противостояние фальсификаторов и борцов с фальсификацией перешло в новую плоскость.

Указом Президента Российской Федерации от 14 февраля 2012 г. № 183 указ от 15 мая 2009 № 549 «*О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России*» признан утратившим силу. Однако необходимость борьбы с фальсификацией истории была актуальной и остается таковой сейчас, поскольку продолжают действовать мировые силы, заинтересованные в геополитическом ослаблении России [1]. Однако отказ от работы данного органа свидетельствует лишь о следующем:

успешная борьба с фальсификациями возможна, если согласован общий формат дискуссии и общие методологические принципы работы даже при отсутствии единства мнений. А с участием персоналий в составе комиссии, диаметрально протитивостоящих друг другу не только по политическим ценностям, но и специфике деятельности — чиновники, журналисты, профессиональные историки, депутаты и политологи, — работа становится просто невозможной, погружает в пучине согласований и административной рутине;

противодействие фальсификации истории только силами публичной политики в современных условиях или за счет работы академического сообщества — так же является невозможным. Большинство российских граждан не знакомо даже с основными научными трудами по данной теме, а публичные мероприятия силами одних только журналистов превращаются скорее в трибуну для откровенных фальсификаторов, активно работающих над имиджем «обиженных и угнетенных»;

традиционные форматы политической коммуникации, в которых поднимается тема «борьбы с фальсификацией», непонятны и не принимаемы современной российской молодежью — основной мишени фальсификаторов.

Может быть, имеется другой механизм и другое направление деятельности по противодействию фальсификации истории? Ответить на этот вопрос мы постараемся в рамках данной статьи на основе анализа мнений целевой аудитории — российской активной молодежи, в частности, участников форума «Селигер» [2].

Большинство респондентов по социальному статусу относится к студенчеству — эмоциональной и политически активной части российской молодежи. Рассмотрим вначале отдельные примеры тех мифов, которые выделили участники опроса в отношении истории России по группам, используя, в том числе, прямые цитаты:

I. Мифы об истории России (общие мифы).

1. Русские всегда были самой пьющей нацией.
2. Миф о врожденном национализме, ксенофобии, склонности к фашизму у русских.

3. Русские — культурно отсталая раса, истребившая элиту и неспособная к самоуправлению и демократии.

4. Россия — страна тиранов и рабов.

II. Мифы о современном периоде времени.

1. Миф о том, что Россия напала на Грузию 8.08.2008.

III. Мифы о Новейшей истории.

1. Русские (Советский Союз) начали (развязали) Вторую мировую войну.

2. Миф о нападении (подготовке нападения) СССР на Гитлеровскую Германию.

3. Миф о массовых репрессиях 30-х годов: о гигантском числе (несколько десятков миллионов) репрессированных.

4. Миф о тождестве гитлеризма и сталинизма.

5. Миф о советской оккупации Восточной Европы.

6. Миф о том, что Вторую мировую войну выиграл не СССР (уменьшение роли СССР в победе).

7. Организация голодомора на Украине русскими и лично Сталиным.

8. Миф о нападении России на Польшу в 1920 году.

9. Миф о том, что УПА (украинская повстанческая армия) и бандеровцы боролись с фашизмом.

10. Миф о зверствах и насилиях армии СССР на оккупированных землях после Второй мировой войны.

11. Миф о том, что Великую Отечественную войну выиграли уголовники и «штрафбаты».

12. Миф о генерале Власове — борце за свободную Россию.

IV. Мифы о истории России до XX века.

1. Миф о злодеяниях Ивана Грозного.

2. Миф об отсутствии татаро-монгольского ига.

3. Миф о существовании «протоукраинской нации» (протоукров).

4. Миф о «военно-оккупационном» русском режиме в Грузии и недобровольном присоединении к России.

5. Миф о том, что Минин и Пожарский сорвали вступление России в лоно западной цивилизации.

6. Миф о том, что москвиты — помесь угро-финов и татар, а не славян.

7. Миф Фоменко и Носовского о том, что история имеет всего 1000 лет и современная «научная» хронология является фальсификацией.

8. Миф о том, что русские (славяно-арии, русо-анты и т. п.) произошли от (атлантов, инопланетян, гиперборейцев и т. п.).

Именно при изучении современных мифов и источников их распространения, упоминаемых студентами, в рамках исследования был сделан вывод о том, что тема «*фальсификации истории*» очень совпадает с другим «идеологическим» направлением деятельности современного российского государства.

Анализ современных списков экстремистских материалов, показывает, что две трети публикаций размером больше листовки содержат одновременно призывы к осуществлению экстремистской деятельности и умышленное искажение исторических фактов и событий.

Работ фальсификаторов, характерных для так называемого «русского национализма», к сожалению, достаточно много [3].

Результаты социологического опроса показали, что в большинстве случаев (примерно 70%) интернет-публикаций, в отношении которых можно вынести смысловое определение «искажение истории», логично предположение в тексте статьи и оправданий деятельности экстремистской направленности. Посмотрим, какое юридическое определение «экстремизма» имеется в российском законодательстве и насколько здесь имеются связи с фальсификацией истории.

«В Российской Федерации наряду со специально принятым Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» действуют статьи УК об ответственности за ряд преступлений, которые именуется экстремистскими: публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); организация экстремистского сообщества (ст. 2821 УК РФ); организация деятельности экстремистской организации (ст. 2822 УК РФ)» [4]. Однако, как справедливо отмечает автор там же: «Отсутствуют четкие критерии отнесения деяний к экстремизму; сформировано чрезмерно широкое понятие экстремизма; в число экстремистских включены деяния, не обладающие экстремистским характером».

«Экстремизм — какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Строн» [5].

Насильственное изменение конституционного строя и посягательство на общественную безопасность являются главными целями в фальсификаторской деятельности, той ее части, тесно связанной с экстремистской.

Фальсификаторы истории представляют существующий строй «несправедливым» и баланс социальных отношений — дискриминационным, смещенным в пользу какой-либо социальной группы. И обосновывают это обстоятельство, используя псевдоисторические и паранаучные концепции. В этом контексте сознательное искажение исторических фактов и событий с целью оправдания экстремизма и терроризма, побуждения к насильственным действиям в адрес социальных групп должно считаться преступлением, приравненным по тяжести к покушению на основы государственного строя, равно как и распространение фальсификаторских материалов в любой из доступных форм.

Категория — «сознательное», то есть «умышленное», здесь является ключевой. Именно наличие умысла позволяет говорить о преступлении. Поскольку искажение исторических событий и фактов может произойти в результате: неправильной научной теории, обобщения фактов, сделанных на их основе выводов; неправильного перевода, понимания или интерпретации исторических источников; искажения исторических фактов в целях исторического моделирования, обучения или более детального изучения объекта исследования; намеренного искажения исторических фактов в художественных произведениях, обусловленного творческим вымыслом автора (если при этом само произведение не является экстремистским).

Экстремистская деятельность всегда обусловлена прямым умыслом. Однако в отношении фальсификации истории — вопрос более сложный.

«При косвенном умысле интеллектуальный момент тот же, что и в прямом, однако виновный предвидит не закономерную неизбежность, а лишь реальную возможность наступления последствий в данном конкретном случае. С точки зрения волевого элемента, виновный не желает, но сознательно допускает их наступление или относится к ним безразлично [6, с. 93—94].

Фальсификация истории в целях оправдания экстремистской деятельности имеет признаки косвенного умысла. Фальсификатор может напрямую не призывать к осуществлению экстремистских, уголовно наказуемых деяний. Однако его умопостроения могут использоваться соответствующими лицами для вербовки сторонников и оправдания экстремистских актов.

Иными словами, если использовать аналогию с армией, ведущей боевые действия, экстремист является непосредственным организатором, бойцом, командиром, а фальсификатор — «политкомиссаром».

Таким образом, развивая дальнейшие дефиниции критерия «умысел» в случае с фальсификацией истории в целях оправдания экстремистской деятельности, мы можем говорить о том, что этот умысел — заранее обдуманный (даже паранаучный труд требует времени на подготовку).

Фальсификация истории в информационных ресурсах позволяет массово набирать сторонников, создает идейную среду для экстремизма, апеллируя к комплексу ущербности, неполноценности личности (при вербовке) или социальной группы.

Подвергать уголовному преследованию собственно за фальсификацию истории — представляется бессмысленным, т. к. определить грань между умыслом, добросовестным заблуждением, историческим моделированием, искажением в учебных целях достаточно трудно. Но, безусловно, в рассмотрении преступлений экстремистской направленности использование идеологических конструкций, основанных на фальсификации истории, должно быть признаноотягчающим обстоятельством.

В России юридическое определение того, какие действия считаются экстремистскими, содержится в статье 1 Федерального Закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». В целях противодей-

ствия использованию исторических фальсификатов это определение может быть дополнено пунктами со следующей примерной формулировкой:

«умышленное искажение истории страны и истории народов, ее населяющих, совершенное в целях оправдания и призывов к экстремистской деятельности»;

«публичное (в том числе с использованием средств массовой информации и Интернет) отрицание, искажение результатов Второй мировой войны, международных норм и соглашений, связанных с запретом на идеологию, символику, публикацию нацистских и сотрудничавших, приравненных к ним организаций и движений».

Однако необходимо предостеречь о возможности «охоты на ведьм» в рамках борьбы с фальсификацией истории при помощи «антиэкстремистского законодательства».

Естественно, не может быть приравнена к экстремистской деятельности научная работа с историческими источниками и материалами о современной политической жизни государства и общества, равно как и использование материалов в научно-образовательных и просветительских целях. Большинство экстремистских материалов можно отнести к материалам, отражающим социально-политические настроения определенных общественных слоев.

От возможных обвинений связи с фальсификаторством должны быть освобождены работы по воспроизведению, тиражированию и передачи информации в рамках ограниченной целевой (научной, учебной) аудитории.

Иными словами, републикация книги «Моя Борьба» Гитлера, других теоретиков и основоположников нацизма, равно как и публикация современных материалов, признанных экстремистскими, должна быть пресечена, если предполагает открытый доступ.

Но в то же самое время в целях изучения и противоборства экстремизму часть данных материалов должна быть доступна представителям профессионального сообщества, объединенного общими этическими нормами и правилами, когда каждый участник которого несет ответственность за свою деятельность. Этот участник должен рисковать в случае злонамеренного использования данных материалов как минимум своей репутацией (доступом в профессиональное сообщество), а в некоторых случаях — возможностью уголовных и административных санкций.

Таким же образом, не может быть приравнена к экстремистской деятельности публикация целостных научных работ, художественных произведений (в прозе или стихах) авторов, признанных российской и международной научной и литературной общественностью, даже при содержании отдельных высказываний, которые, будучи взятыми единично, могут интерпретироваться как экстремистские.

В то же самое время выборочное цитирование, цитирование с искажением, цитирование с собственными комментариями, компиляция цитат,

направленные на оправдание экстремистской деятельности, на введение в заблуждение потребителя информации, на подмену авторской позиции позицией компилятора, бесспорно, также должны квалифицироваться как фальсификаторская деятельность. При условии свободного распространения данной информации в ненаучных, необразовательных и непросветительских целях.

По мнению автора, противодействие фальсификации истории в новых условиях может базироваться на трех основных компонентах.

Во-первых, это изменение в законодательстве РФ об экстремизме с обязательным уточнением понятия *«фальсификация истории России в целях оправдания экстремистской деятельности»*.

Во-вторых, создание профессионального сетевого сообщества антифальсификаторов и экспертов в области фальсификации истории, экспертов-политологов, криминалистов, психологов.

В-третьих, работа постоянно действующей общественной организации, отслеживающей факты фальсификации истории и направляющей материалы в правоохранительные органы с учетом экспертиз представителей сообщества профессиональных историков, политологов, социологов, лингвистов и криминалистов.

Литература

1. *Нарышкин С.Е.* Современный мир: история не остается безучастной // *Власть*. — 2011. — № 12. С. 4—10.
2. Опрос «Фальсификация истории — мина замедленного действия» проводился с 20 апреля по 1 июня среди зарегистрированных пользователей сайта «Селигер-2011». По состоянию на 18.00 1 июня 2011 года было зафиксировано 1600 ответов респондентов. Опрос «Оценка уровня удовлетворенности участников Форума качеством тренинговой программы» проводился с 1 июля по 2 августа (период работы Форума «Селигер-2011»). По состоянию на 3 августа 2011 было зафиксировано 963 анкеты.
3. Федеральный список экстремистских материалов, размещенный на официальном сайте Министерства юстиции российской Федерации — <http://www.minjust.ru/ru/activity/nko/fedspisok/> Печатная версия — «Российская газета». Федеральный выпуск №5498, 8 июня 2011 г.
4. *Бабий Н.А.* Методологические подходы к установлению уголовно-правового соотношения между насилием, терроризмом, экстремизмом и агрессией // *Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции*. — 2009. — № 1. С. 113—132.
5. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Заклучена в г. Шанхае 15.06.2001) // *Дипломатический вестник*. — 2002. — № 3. С. 51—56.
6. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / Под ред. А.И. Рарога. — М., 2004. С. 93—94.

В.В. Усачева

«Похищение Европы»: образ Запада и национальная идентичность россиян

В статье на основе анализа интернет-форума сайта ИноСМИ рассматривается, как современная российская интеллигенция интерпретирует понятия Запад, Европа, Россия и т. п. и как образ Запада и Европы влияет на процессы самоидентификации россиян. Статья не фокусируется на исторических корнях образа Запада в России, скорее обращает внимание на то, какую функцию образ Запада играет в логике построения национальной идентичности россиян.

Ключевые слова: национальная идентичность, Запад, Европа, Россия, типы идентичности.

За последние десятилетия в российском обществе произошло кардинальное изменение взгляда на Европу. С момента падения железного занавеса исчез тот мифический флер, который окружал Европу в течение десятилетий. Россияне перестали мифологизировать ее. Общую тенденцию можно определить как разочарование и крушение иллюзий. Любопытный пример — в середине 1990-х годов рекламные ролики Банка «Империал» были посвящены историческим личностям. Один из них показывал Александра II. Ролик заканчивался фразой: «В 1861 году, в Лондоне была пущена первая линия метрополитена, а в России отменено крепостное право». Основное послание было понятно аудитории — как мы сильно отстали от Европы. В апреле 2006 года новостная программа «Сегодня» телеканала НТВ показала сюжет о выставке «Инквизиция. Средневековые орудия пыток», проходившей в музее Петропавловской крепости Санкт-Петербурга. В заключение журналист сказал, указывая на «Стул ведьмы» — оснащенный шипами и наручниками стул с блоками для фиксации положения жертвы и с железным сиденьем, который в ряде случаев раскалялся огнем: «Кресло для допроса использовалось до середины XIX века. Просвещенная Европа... В России примерно в это время уже отменили крепостное право...» [11]. Фраза «просвещенная Европа» произносилась с сарказмом, откровенно демонстрируя смену вектора.

С момента распада Советского союза национально-государственная идентичность россиян претерпевала перманентные изменения. Период после дезинтеграции Советского Союза во многих исследованиях характеризуется как комплексный социокультурный кризис (И.Н. Ионов, И.В. Следзевский, Т.В. Евгеньева), одной из сторон которого выступает кризис социальной идентичности [1, 2, 4, 5, 13, 14]. Социокультурный кризис как конфликт ценностей проявляется в форме идентификационного кризиса личности. Кризис идентичности является результатом постепенного разрушения представлений, лежащих в основе самоидентификации личности: представления о собственном целостном, устойчивом «Я» (утрата самоидентичности, начинающаяся нередко с исчезновения «признания» со стороны окружающих), представления о непрерывности своего существования во времени и пространстве ввиду исчезновения четких представлений о том и о другом (сужение пространства и времени), а также разрушение системы личностных смыслов (потеря смысла жизни). [1, с. 39] Процессы распада Советского Союза и превращение России в суверенное государство вели к изменениям традиционной советской и российской идентичности. Прежние общественные цели потеряли свой смысл, что привело к дестабилизации общества и разрушило общую национальную идентичность «советского человека».

Многочисленные отечественные исследования на протяжении 1990-х годов фиксировали изменения системы ценностей и идентификационных приоритетов в процессе самоидентификации жителей России. Исследования Института социологии РАН демонстрируют, что формирование общегражданской идентичности продолжается. Пока что в ней одновременно сосуществуют с одной стороны — ценности представительной демократии, активация личной инициативы, с другой — не исчезают патерналистские настроения [10, с. 47]. С.П. Перегудов отмечает, что наиболее ярко неустойчивость новой идентичности россиян проявилась в отношениях к Западу и западной демократии, а также в разделении россиян на «традиционалистов» и «модернистов». [8, с. 142] Подобное разделение перекликается с традиционным разделением российской интеллигенции на славянофилов и западников.

Неустойчивости национальной идентичности россиян способствуют и процессы глобализации, которые приводят к размыванию национально-государственной идентичности не только в России, но и во многих других странах мира, не переживших столь масштабных изменений за последние десятилетия. Складывание национальной идентичности в России совпало по времени с кризисом национального государства как такового, что еще более усложняет процессы самоидентификации россиян.

Между тем ряд ученых утверждает, что в ближайшие два десятилетия в национальных моделях идентичности сохранит свое значение «классическая» типология, основанная на различении двух полярных по своим цивилизационным основаниям типов: «западного» и «незападного». [12, с. 46]

При этом «западный» тип модели идентичности может стать своего рода универсальной моделью идентификации в глобализирующемся мире. В его основе индивидуализм, рациональность, частная собственность, правовое сознание, идея нации и представление об универсальном характере институтов либеральной демократии и свободного рынка. [12, с. 47]

«Незападный» тип идентичности включает национально-цивилизационные модели, сложившиеся за пределами европейской политико-культурной традиции. Его характеризуют коллективизм, доминирование регламентирующих образ жизни клановых и личных неформальных отношений, опора на исторически сложившиеся религиозные традиции [12, с. 47].

Необходимо отметить, что образ Запада, как квинтэссенция западного типа идентификации, долгие годы был если не доминирующим, то крайне влиятельным для самоидентификации русского общества, в особенности образованной его части — интеллигенции. При этом понятие «интеллигент» используется в значении, близком к слову «интеллектуал», опуская как морально-ценностные трактовки, свойственные российскому толкованию слова «интеллигент», так и сложные элементы в историческом развитии этого понятия. В настоящее время большинство российских интеллектуалов, интеллигенция конструируют идентичность россиян в сравнении и сопоставлении, противопоставлении «европейским ценностям».

Как отмечает А.А. Казанцев, созданная интеллигенцией «русская идея» строится по отношению к Западу и модерну: «Современная рациональность, на которой основывается «русская идея», связана с культурой модерна (в том числе, политико-философской), созданной на Западе» [6, с. 103].

В свою очередь образ России активно используется для построения европейской идентичности. Замечательный пример использования образа России для создания региональных (а не только национальных) идентичностей — анализ, сделанный в книге И. Нойманна, о роли России в создании идентичности целого региона — Центральной Европы [15].

Восприятие России в Европе, как и Европы в России вписывается в хорошо известную схему противостояния, оппозиции Востока-Запада, одного из метанарративов европейского континента. Как указывает И. Нойман, мифический Восток исторически был одним из значимых других в формировании европейской идентичности [15, с. 103]. И это тот образ, с которым сталкиваются участники форума ИноСМИ, читая переводы западной прессы. И складывающийся у них образ Запада становится своего рода зеркальным отражением образа России в западных СМИ или формируется, отталкиваясь, отражаясь от образа России на Западе.

Польский исследователь Томаш Зарыцкий, анализируя использование образа России для конструирования польской идентичности, пишет о том, что обе страны — и Польша, и Россия — могут рассматриваться как периферии по отношению к широко понимаемому Западу. Структурная экономическая слабость по отношению к центру является образующим элемен-

том любой обозначаемой в общих чертах периферии. Различия в уровне экономического развития обычно коррелируют с различиями в других сферах и отражаются на самопредставлениях сообществ в символическом, дискурсивном пространстве [16, с. 596].

Имидж отсталости и неполноценности, свойственный периферии по отношению к центру возникает и часто доминирует в том, как периферии видят себя сами, и в том, как они выглядят со стороны. Эта ситуация создает, в свою очередь, хорошо известную проблему всех периферий: комплекс неполноценности, который присущ, кажется, всем без исключения перифериям на различных уровнях их геополитической организации: континентам, государствам, регионам или городам, также как периферийным социальным группам без четкой пространственной идентификации. Конфронтация экономического, политического и культурного влияний, более высокие стандарты жизни, эффективная организация политической и экономической жизни, и в целом богатство центра по сравнению с маргинализацией, бедностью и структурными проблемами, свойственными периферии, всегда способствуют росту психологического дискомфорта [16, с. 597].

Преодоление комплекса неполноценности — одна из ключевых проблем, с которой сталкивается каждая периферия и в особенности ее элита. Зарыцкий показывает, как большинство польских слабостей, включая отсталость, бедность, коррупцию, общую слабость гражданского общества и т. п., начинают казаться почти незначительными, или, по крайней мере, весьма обычными в европейском контексте, по сравнению с гигантскими масштабами социальной, экономической и политической отсталости России [16, с. 599—600].

Характеристика источника

Для поставленных задач мы проанализировали материалы читательского форума популярного интернет-проекта InoSmi.ru (www.inosmi.ru), который специализируется на переводе на русский «наиболее ярких и заметных» материалов зарубежных СМИ. Редакторы и переводчики просматривали около 600 СМИ в 2006—2007 гг., сейчас — количество изданий выросло до 1300 в день, в основном из европейских стран и США. Читательский форум данного проекта можно представить как «перевернутое отражение» европейских и западных представлений о самих себе, о западных ценностях и культуре, о критериях принадлежности к ним и в целом к Европе, к Западу, его читатели пытаются сформулировать ответ на вопрос, кто принадлежит к Европе, а кто чужой европейской культуре.

Для анализа был выбран наиболее популярный раздел форума, объединяющий статьи по теме «В мире». За период с апреля 2005 года по август 2006 было опубликовано 3998 статей.

Середина первого десятилетия нового века была отмечена очевидным ростом антизападных настроений в российском обществе. Тому были по-

литические причины. Проводившаяся в 2001-2004 гг. стратегия сближения с попыткой построить союзнические отношения с США окончилась неудачей. Постепенно нараставшее раздражение односторонними действиями администрации Джорджа Буша достигло критической точки в период «цветных» революций. Планы по дальнейшему расширению НАТО на постсоветском пространстве только усиливали антизападные настроения в России. С 2004 г. Россия все чаще выступала с критикой действий Запада, демонстрируя свою независимую позицию и позиционируя себя как системного игрока, часть «цивилизованного мира». Эта независимость обеспечивалась улучшением социально-экономической ситуации в России и уверенным ростом российской экономики в тот период, соответственно выросло и благосостояние населения, что придавало больше уверенности в отстаивании своих позиций участникам форума.

Характеристика аудитории

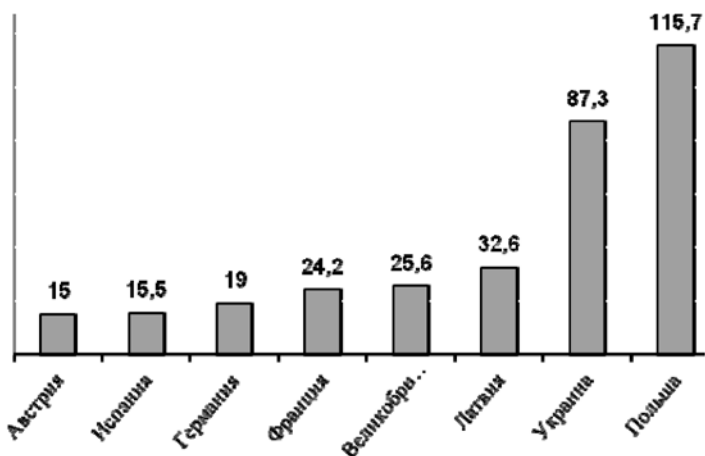
Для того чтобы оставлять свои мнения о прочитанной статье на сайте, необходимо зарегистрироваться. На начало сентября 2006 года 12536 постоянных пользователей было зарегистрировано на сайте. Единственным условием для участия в дискуссии была регистрация с присвоением «ника». Остальная информация (ФИО, пол, возраст, место проживания, e-mail address, профессия) — факультативна. Таким образом, часть участников форума оставляли закрытой свою информацию. Тем не менее, анализ данных остальных участников показывает, что большинство пользователей — мужчины, женщины составляют приблизительно четверть. Большинство родились в 1970-х гг., меньше в 1960-х и в начале 1980-х. Представлены регионы России от Калининграда до Хабаровска. Среди участников есть русские, постоянно проживающие в европейских странах, США, Канаде. Также активны участники из Литвы, Латвии, Украины и Польши.

Язык общения — русский (для участников с отсутствием возможностей печатания на кириллице существует опция транслитерации), встречаются сообщения на английском и польском. Форум модерировался.

Характеристики материала (количественный анализ)

Количество публикаций из той или иной страны зависит от выбора редактора, а количество ответов, откликов на статью демонстрирует интерес со стороны пользователей. И количество статей выбранных из разных стран, и индекс популярности показывают, что мнение тех, кого пользователи форума называют «англо-саксы», то есть жители и граждане Великобритании и США, привлекает наибольшее внимание редакторов и переводчиков, при этом пользователи, в избранный для анализа период времени, больше комментариев давали на публикации польских СМИ и так называемых «стран ближнего зарубежья», то есть бывшего СССР.

*Индекс интереса читателей по странам
(средний показатель комментариев на статью)*

Исследование показывает наиболее высокий уровень интереса аудитории к статьям польских и украинских авторов. Пользователи пишут больше комментариев к статьям, авторы которых осуждают российскую политику, «переписывают», с точки зрения форумчан, российскую историю, и выражают более или менее явные антироссийские и даже русофобские установки и настроения.

Косвенно, данные свидетельствуют о возрастающем внимании со стороны украинских, польских, и латвийских СМИ к России в тот период. Возможно, это объясняется антироссийскими установками как составной и важной частью их национальной идентичности. В более широком смысле, Россия играет функционально очень важную роль «врага», антимодели, которая может способствовать национальной консолидации и государственному строительству (в случае Украины, Латвии, Литвы) или дает возможность подчеркнуть «цивилизованный характер» и развитость собственной страны (в случае Польши).

Такой повышенный интерес друг к другу между странами Новой Европы (Польша, страны Прибалтики, в целом центральная и Восточная Европа) и Россией демонстрирует ярко выраженный аспект постоянного мониторинга слабостей другого, особенно тех, которые могли бы доказать низкий уровень цивилизации, развития, и главное наличие или отсутствие ключевых черт «европейскости».

И если в отношении к Западу у российских читателей присутствует очевидный комплекс неполноценности, то к странам Восточной Европы, особенно бывшим республикам СССР, включая страны Балтии, наблюдается комплекс превосходства, высокомерное отношение, что, скорее всего, может быть объяснено «имперским комплексом». Страны Восточной Европы и Балтии для участников форума недо-европейцы, которые по прихо-

ти Запада, и чтобы насолить России, объявлены европейцами, благодаря вступлению в Евросоюз и НАТО.

Постимперский комплекс прежде всего базируется на памяти и представлениях о былой славе. В случае России выражается, прежде всего, в патерналистском и просто высокомерном отношении к бывшим республикам Советского Союза, восточноевропейским странам.

Переводные статьи, представленные на сайте ИноСМИ, чаще содержат негативный образ России, который обсуждается (обычно критикуется) пользователями форума, в результате производит их собственное представление о Европе. Различные образы «мы» и «они» — *мы* как часть Европы, *мы* как противостоящие Европе — выкристаллизовываются в процессе обсуждения на этом форуме. Два противоположных представления о европейском «другом» — как модели для подражания или как врага, чья цель разрушить российскую идентичность — соперничают на этом форуме, в умах людей и их представлениях о Европе.

Образ «идеальной Европы» сводится к следующему: Европа как Христианский мир, с высоким уровнем жизни, демократией (понимаемой скорее как абстрактная идея, нежели комбинация институтов гражданского общества, организаций и демократических механизмов), правами человека, богатым культурным наследием. Для многих россиян открытие «реальной» Европы со всеми достижениями и проблемами явилось своего рода разочарованием и утратой иллюзий.

Как описал это С. Караганов: «Наша страна, вырвавшись из пут коммунизма, рванула к Европе, но выяснила, что ее не очень ждут и, главное, что Европа стала постевропейской, не той, к которой мы стремились. В результате Россия тоже утратила старый вектор движения» [7].

Современная Европа и европейцы «не обладают нравственным правом поучать нас и что-то требовать». Участники форума припоминают Европе все ее исторические прегрешения, как колониализм и расизм («все европейские народы мучили, грабили, убивали, поработали»), их обвиняют в самодовольстве и пренебрежительном отношении к другим народам, их культуре, моделям поведения, («европейцы вообще не считают, что им нужно чему-то учиться»). Демократия, которую продвигают европейские СМИ для участников форума — псевдодемократия, лицемерный набор двойных стандартов, защищающий идеологию потребления, корыстные интересы западного общества («они нас научили, что самая крепкая дружба в международных отношениях — это дружба за деньги»).

При этом участники форума постоянно испытывают некоторый дискомфорт между образом европейца, который у них сложился в реальной жизни (личные знакомства, деловые партнеры и т. п.) и образом европейца, который складывается при чтении средств массовой информации. Несовпадение этих образов они склонны объяснять ангажированной работой западных СМИ. И даже их низким профессиональным уровнем. Выражается в том, что боль-

шинство статей написаны как по шаблону: «... Видимо есть что-то подобное у западных журналистов, типа краткого словаря-пособия «Как правильно писать о России» в форме покет-бука...». Кроме того, участники форума, вслед за значительной частью интеллектуальной элиты, рассматривают подобные публикации как часть информационной войны, борьбы за зоны влияния, а в век новых технологий ничего не бьет так сильно, как масс-медиа.

Недоверие к западной демократии и подозрительность к самому понятию «демократия» подкрепляется разницей в оценках периода 1990-х годов в России между западными СМИ и участниками форума. Подавляющее большинство из них называют кошмаром все, что творилось в этот период. С точки зрения западных журналистов — это был период, когда россияне еще твердо стояли на пути «построения демократического общества, гражданских свобод». Отсюда возникают подозрения в содержании термина демократия, так как истинный смысл и истинная ценность его меняются в зависимости от изменения позиции декларирующего, они стали простым элементом спекуляции на гражданских и нравственных чувствах аудитории: «В сегодняшнем мире для совершения любого рода гадостей — от постановки в государстве нужного тебе правительства до прямой агрессии — мало быть просто сильной страной. Нужно еще быть страной демократической».

Стоит отметить, что участники форума все же разделяют «демократию», которую называют «так называемой» и пишут только в кавычках и настоящую или истинную демократию, как некую идеальную модель, которую, судя по комментариям, представляют себе смутно.

Запад как собирательный образ воспринимается участниками форума как нечто враждебное России: после Горбачева можно с уверенностью утверждать, что инициатором взаимной подозрительности, переходящей в ненависть, выступает именно западная сторона; Запад обманул ожидания россиян, которые «искренне верили и хотели начать новую эру мира без противостояния и ради этого в одностороннем порядке сделали все возможные уступки и принесли жертвы». Читатели в большинстве своем уверены в том, что Запад не устраивает экономическая и политическая независимость России, а успешное экономическое развитие России воспринимается как проблема, следовательно, они против устойчивого экономического развития. По отношению к Западу господствует недоверие: «Страх перед Россией — действительный или деланный — отражение собственной подсознательной враждебности». С другой стороны, есть сомнения в существовании такого обобщенного понятия как «Запад»: «...А что такое, собственно, Запад? Европа плюс Америка равняется любовь? Нет у Европы никакой любви к Америке, кроме как по расчету. А Америка Европу просто использует. И все друг другу врут...». Запад, как и Европа, остаются для участников форума неоперациональными понятиями, плохо рационализированными. Так, Запад может быть примером хорошего и плохого, другом и врагом, он не един, как и сама Европа. В нем есть дружествен-

ные страны, элементы или народы, которые с иной точки зрения или в иной комбинаторной логике могут быть плохими и т. п.

Среди участников форума четко выделяются две группы, одну из которых условно можно назвать западниками или либералами, а другую — консерваторами (неоконсерваторами) или традиционалистами. Последние явно преобладают. В целом «либералы» больше внимания уделяют позитивным сторонам образа Европы, Запада и западного образа жизни, подчеркивая высокий уровень жизни, защиту гражданских прав и свобод, демократические институты (такие как партии и парламент), независимость судебной системы, свободу СМИ и т. д. «Неоконсерваторы» обсуждают все эти положительные стороны Запада и доказывают моральное и культурное превосходство и преимущества России, указывают на негативные аспекты «Воображаемой Европы», которые, в общем-то, те же самые, что и XIX веке: духовное обнищание, любовь к наживе, двойные стандарты в международных отношениях, нетерпимость к России, отказ от истинно христианских ценностей и т. д.

Но обе эти группы объединяет понимание того, что Европейский союз — новая форма легитимированной современной Европы, и что в обозримом будущем для России в ней места нет. Современная Европа состоит из государств, которые являются членами Европейского союза и НАТО или государств, которые могут стать членами этих блоков при желании. В этом случае Россия для Европы и Европа для России всегда будет чем-то внешним. Присоединение России к Европе в данном контексте становится таким же маловероятным, как присоединение Китая или Индии.

По всей видимости, ответом на подобный отказ в «евроидентичности» является, отмечаемое социологами, укоренение в массовом сознании россиян представлений о российской «евразийской», «евроазиатской» идентичности, хотя содержательное наполнение этих понятий остается неопределенным [9]. Чрезмерная умозрительность понятия евроазиатской идентичности объясняет, почему большая часть современных интеллектуалов не в силах отказаться от своей европейской идентификации: «Легко предлагать «вернуться лицом к Азии», развлекаться всякими евразийскими фантазиями. Выписаться из Европы нельзя, даже если очень хочется. И сделанного за последние более чем 300 лет не вернешь» [3].

В целом, анализ материалов форума подтверждает тот факт, что базовые понятия для формирования национальной идентичности россиян нерационализированы, а, следовательно, неизбежно будут носить мифологизированный характер.

Литература

1. *Евгеньева Т.В.* Культурно-психологические основания формирования образа «Другого» в современной России // «Чужие» здесь не ходят. Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России. — М.: Институт Африки РАН, 2004. — С. 39—57.

2. *Евгеньева Т. В.* Социально-психологические основы формирования политической мифологии // Современная политическая мифология: содержание и механизмы функционирования / Сост. А.П. Логунов, Т.В. Евгеньева. — М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т., 1996. — С. 22—32;
3. *Иванов В.* Другая Европа // Известия. 14 июля 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/315434>
4. *Ионин Л.Г.* Идентификация и инсценировка // Социологические исследования. — 1995. — № 4. — С. 3—14.
5. *Ионин Л.Г.* Культура и социальная структура // Социологические исследования. — 1996. — №2. — С. 3—12.
6. *Казанцев А.А.* Грамматика «русской идеи», или как создавать новые идеологии в России // Полис. — 2010. — №3. — С. 100—113.
7. *Караганов С.* Защитник и угроза в одном лице // Российская газета (Федеральный выпуск). N4294, 14 февраля 2007 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2007/02/14/karaganov.html>
8. *Перегудов С.П.* Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации Российского государства // Полис. — 2011. — №3. — С. 141—163.
9. Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации. — М.: ИМЭМО РАН, 2004.
10. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад // Полис. — 2008. — № 1-3.
11. Сегодня, НТВ, 29 апреля 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ntv.ru/novosti/86350/>
12. *Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И.* Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. — 2010. — №3. — С. 40—59.
13. *Следзевский И.В.* Социокультурные основания формирования политических мифов. // Мифология и политика. Материалы семинара 21 октября 1997 г. — М.: Фонд «РОПЦ», 1997. — С. 19—25.
14. *Следзевский И.В.* Мифологема границы: ее происхождение и современные политические проявления // Современная политическая мифология: содержание и механизмы функционирования. / Сост. А.П. Логунов, Т.В. Евгеньева. — М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. — С. 52—62.
15. *Neumann Iver B.* Uses of the other: «The East» in European Identity Formation. — Manchester: Manchester University Press, 1999.
16. *Zarycki Tomasz.* Uses of Russia: The Role of Russia in the Modern Polish National Identity // East European Politics and Societies. — 2004. — №18. — С. 595—627.

З.Р. Усманова

Модели социокультурной идентичности жителей Северного Кавказа: федеральное и региональное измерения¹

В статье раскрываются особенности самосознания населения кавказских республик, политического восприятия ими такого социокультурного, историко-политического и государственного конструкта, как Россия. Описаны механизмы формирования гражданской идентичности кавказцев, а также ее место и роль в целостной системе идентификационных параметров. Эмпирические данные получены в результате политико-психологического исследования федеральных и региональных представлений в темпоральном и пространственном измерениях. Исследование проводилось в республиках Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия и Чечня. Раскрыта содержательная сторона политического восприятия, а также приведено сравнение образов страны и региона проживания.

Ключевые слова: социокультурная идентичность, механизмы формирования идентичности кавказцев, гражданская идентичность, этническая идентичность, политические представления, политическое сознание, политическое восприятие.

На протяжении последних двадцати с лишним лет в России происходит формирование такого типа общества, который отвечал бы современным социально-политическим реалиям. В сложившихся условиях острой потребности в обретении новых политических принципов, интегрирующих разнородное российское общество в рамках единой концепции нации и государства, интерес к проблеме российской идентичности определяется серьезными вызовами повседневности, среди которых сохранение целостности государства, локализация его политического и культурного влияния. В настоящее время далее констатации факта кризиса идентичности и представлений о фрагментированном, распадающемся про-

¹ Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Политико-психологические механизмы формирования национально-государственной идентичности в современной России», грант РГНФ №12-03-00307

странстве исследователи не продвинулись. Между тем, жить и развиваться может только тот народ, который имеет целостное представление о себе, о том, кто он и куда идет, поскольку только на административных скрепах государство долго держаться не может. По мнению Т.В. Евгеньевой, обозначение России как «центра силы» требует целенаправленного формирования «сверхидентичности» (национально-государственной идентичности), объединяющей территории, этносы, конфессии, поколения вокруг общих представлений и ценностей [2, с. 12—26].

Особенно актуальным становится изучение идентичности в поликультурных средах, характеризующихся многоуровневостью и многокомпонентностью политического сознания жителей. Данный тезис подтверждается результатами политико-психологических и политико-социологических исследований, которые свидетельствуют, что самоидентификация жителей Северного Кавказа основана на многоуровневом взаимодействии эмоциональных, когнитивных, поведенческих, а также иррациональных элементов политического сознания [4, с. 83—91].

Процесс самоидентификации жителей Северного Кавказа подвержен значительному влиянию событийных факторов повседневности, что влечет искажение общей системы представлений. Исследование психологических механизмов гражданской идентификации, определение места и роли ключевых компонентов политического сознания — представлений о стране, государстве и республике проживания, образов «своих» и «чужих», посредством которых происходит идентификационный выбор среднестатистического кавказца, сложная задача в современный период.

Естественно в данной связи предположить, что специфика идентификационного конструирования (локализация смыслов, этнизация, сужение социального пространства до «своего» региона [5, с. 91]) является благодатной почвой для актуализации системных различий в механизмах формирования, а иногда и кризисной деформации идентичности жителей юга России.

Изучению компонентов политического сознания, восприятия «России» и «республики проживания» гражданами национально-территориальных образований в России посвящено исследование, проведенное сотрудниками кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова в рамках проекта «Политико-психологические механизмы формирования национально-государственной идентичности в современной России» в 2006—2012 гг.

Теоретической базой исследования выступила концепция политико-психологических трансформаций идентичности, предложенная Евгеньевой Т.В., согласно которой идентичность, как значимый фрагмент политического сознания, конструируется путем поиска баланса «неосознаваемых компонентов политико-культурной матрицы (национальный менталитет, стереотипы, архаические идентификационные формы, неосознаваемые элементы социальных представлений индивида о собственной групповой

принадлежности и т. д.), культурно-символических компонентов (доминирующие в обществе ценности и образы, символическое пространство идентификационного выбора), конструируемых компонентов (возможность государства воздействовать на идентификационный выбор и политическую самоидентификацию граждан)» [1, с. 122–123].

Методической базой исследования послужили глубинные интервью и проективные рисуночные тесты («Россия — мой дом», «Представления о России и республике проживания», картографический тест «Карта России»), представленные следующей выборкой — 180 респондентов из трех возрастных групп (18–30, 31–50, 51–75 лет) в шести субъектах РФ — республиках Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия и Чечня.

Под гражданскими идентификационными представлениями мы понимаем специфические психические проекции объектов политической реальности в сознании личности, с которыми устанавливается персональная взаимосвязь. Очевидно, что эмоциональная составляющая апперцепции предполагает субъективные психические реакции личности:

1) позитивацию (актуализацию позитивных черт) предполагаемого объекта идентификационного выбора;

2) негативацию (усиление негативных черт), в случае, если индивид нацелен на разрыв идентификационной связи («ненавистная, и ненавидящая нас страна»).

В рамках модели исследования, мы считаем, что критически важным для понимания гражданской идентичности кавказца является многоуровневый образ «страны России», интегрирующий совокупность базовых эмоциональных характеристик восприятия населения страны и государства, установки относительно федеральной и региональной власти и политики, восприятие конструкта «мы» в фокусе многообразия «чужих» и «врагов». «Чужими» в сознании кавказцев, как показало исследование, могут оказаться и граждане России, обладающие иными социокультурными установками и представлениями о должном или же нежелательном поведении, являющиеся носителями иной культуры (непонятной или не воспринимаемой самими кавказцами). Такое негативное восприятие, маркирование и поддержание культурной дистанции с «иными» гражданами своей страны описано Е.С. Кристиной: «В российском общественно-политическом дискурсе присутствуют и «внутренние другие» — то есть те, кто, являясь фактически частью внутреннего социального и политического пространства, воспринимаются при этом как чужеродные по отношению к данному пространству элементы» [3, с. 123].

Для населения СКФО специфичным является распад гражданско-государственного идентификационного образа на две линии — «государство Россия», в широком понимании «моя страна, страна, в которой я живу», и «регион проживания» («родина», «малая родина»). «Государство» в данном значении обладает расширенным фреймом восприятия, агрегируя в

смысловом плане как собственно политологическое «государство» и «политику», так и пространственные и темпоральные характеристики «страны», «народа».

Поэтому мы избрали для анализа идентификационной модели жителя российского Кавказа такие значимые ее компоненты, как:

- представления о стране «Россия», «государстве»;
- представления о регионе проживания (республике);
- пространственно-территориальные представления («территориальная ограниченность идентичности» — Россия, СКФО, республика проживания, город/село);
- представления о власти и лидерах федерального и регионального уровней;
- представления о «своих» и «чужих».

Проанализировав выявленные ассоциации и разделив их на представления о реальной политической действительности и представления о желаемой действительности, можно выделить несколько взаимосвязанных линий представлений о России в политическом сознании жителей северного Кавказа.

Первая (2/5 части ответов респондентов) связана с наличием негативных характеристик страны — *«большинство людей живут мечтами, а на деле бедствуют», «Россия — везде бардак, нет порядка», «Россия — террор, фашисты, разврат, водка», «деградирующее общество», «Россия это деньги, которые уплывают», «Россия для меня, это мусорная свалка».* В этой группе можно выделить подгруппу респондентов (локально-ориентированных), которые экстраполируют региональные образы на всю Россию, что связано с отсутствием или размытостью образа страны. Они не демонстрируют обособленческих настроений и отчуждения, а скорее не обладают целостным представлением о России, предполагая, что по всей стране жизнь, и соответственно, социально-политическая проблематика одинакова. В некоторых случаях, обладая такими знаниями, респонденты не придают им значения, акцентируясь только на своем регионе. Такие респонденты изображали на рисунке карту России, но прорисовывали детально только республику, в которой они живут. Среди негативных ассоциаций приводили только региональные проблемы, персонифицировали региональных лидеров. Государственно-политический конструкт «Россия» для них скорее формален, чем идейно-обусловлен — *«власть многое скрывает от народа», «процветание коррупции, терроризма, наркомании, отсутствие перспектив, безработица», «недоступное коррумпированное образование», «для меня Россия лишь название государства, а живу я в своих проблемах, в проблемах моей родины — республики Карачаево-Черкесия».* Это примеры локализации смыслов на неосознаваемом уровне.

Вторая (1/5 часть ответов респондентов) связана с наличием нейтрально окрашенного образа страны — *«небо, облака, кремлевская стена», «ре-*

ки, леса, горы, природа», «университеты, санатории, красная площадь, здания», «большая страна, много народа». Эта группа респондентов лояльна к образу страны, воспринимает ее как статичную конструкцию, состоящую из суммы формальных компонентов — территория, государственность, ресурсы. Но, в отличие от локально-ориентированных респондентов, данная группа формальность образа России экстраполирует на проявления патриотизма и надежды на улучшения жизни в регионе проживания за счет помощи «более сильных и благополучных регионов» — «я не знакома с людьми из других регионов,... но уверена, что там дело обстоит лучше».

Третья (1/5 часть ответов респондентов) связана с наличием ярко окрашенного патриотизма, упоения образом сильной и великой страны, и особенно российского народа — «солнце, небо, желание мира», «радушие российского народа», «огромная богатая страна, ресурсы, процветание». Для этой части респондентов положительное наполнение представлением о стране придает образ народа, культурно-исторические факторы, героическое наполнение образа страны, нежели повседневные события.

Четвертая (1/5 часть ответов респондентов) связана с сомнениями по поводу целостности страны и наличия сильной политической власти. Представления изобилуют присутствием внешних управленцев и теневых безличных властных структур. Это пример экстранаправленных ассоциаций, связанных с внешнеполитическими представлениями о стране и отражающих масштаб переживаний респондентов.

Относительно представлений о желаемой российской действительности мнения респондентов можно сгруппировать по признаку наличия либо отсутствия таковых. Так, **первая тенденция** связана с отсутствием будущего страны — «дальше еще хуже, я нарисую просто мрак», «будущего нет!», «если ничего не изменится, даже боюсь представить», отрицанием положительных перемен, отсутствием надежды и негативными ассоциациями.

Вторая тенденция демонстрирует нейтральное отношение к будущности, и выглядит как констатация действительности, которую невозможно изменить — «никаких изменений не будет, но мне хотелось бы улучшений», «многое нужно менять, но для это нужны усилия,(...) нельзя с уверенностью рассчитывать на благополучное будущее».

Третья и наиболее часто встречающаяся **тенденция** (2/3 части ответов респондентов) опирается на ожидание будущих улучшений — «все будут заняты своим делом», «Россия — расцветет, люди изменят свое отношение друг к другу. Я очень горжусь, что я гражданка России», «ресурсы будут использоваться с умом», «надеюсь увидеть светлое будущее, развитое государство», «люди начнут жить мирно, желаю всей России благополучия и развития духовной сферы».

И, наконец, **четвертая тенденция** демонстрирует четко прорисованные варианты будущего. В отличие от первой тенденции, причиной которой выступает дезориентация, неспособность систематизировать свои

ожидания будущего и влекущая простое отрицание его в негативной окраске, тут респонденты предлагают разные варианты развития событий, причем от «процветания и мирового лидерства» до «полного упадка и развала страны».

Если провести сравнительный анализ ответов респондентов из шести кавказских республик, можно обнаружить некие отличительные черты и особенности механизма формирования социокультурной идентичности жителей той или иной республики.

Таблица 1

Характеристика основных идентификационных параметров в массовом политическом сознании жителей некоторых республик СКФО (общее количество упоминаний — свыше 100%).

идентификационный параметр	Республика Дагестан	Республика Ингушетия	Республика Карачаево-Черкесия	Республика Северная Осетия
этническая принадлежность	34,3%	100%	68,7%	19,4%
конфессиональная принадлежность	55,2%	15,5%	34,2%	4,7
гражданская принадлежность	33,1%	25,4%	57,4%	66,6%
место проживания	19,6	12,5	35,7	29,6
личностные характеристики	60,7	87,5	42,8	69,2
профессиональная принадлежность	39,2	12,5	51,2	71,4
половозрастная принадлежность	14,2	25,0	42,7	64,1
семейно-ролевая принадлежность	71,4	45,5	21,4	80,1
патриотизм	3,5	38,5	7,1	9,5
активизм	7,1	7,2	14,3	7,1
род деятельности	5,3	37,5	28,5	10,2
другие идентификации	3,6	7,4	5,3	2,5

Распределение основных идентификационных параметров в сознании жителей кавказских республик показано в таблице 1, но наиболее интересным является факт их иерархии и различной степени значимости для респондентов из разных республик.

Таблица 2

Место гражданских и политических идентификационных параметров в иерархической структуре самоидентификации жителей некоторых республик СКФО (проценты указаний на первом месте — до 100%).

идентификационный параметр	Дагестан	Ингушетия	Карачаево-Черкесия	Северная Осетия	Среднее значение
этническая принадлежность	22,3%	87,5%	43,7%	0	38,3
гражданская принадлежность	12,6%	0	21,5%	54,9%	22,4
конфессиональная принадлежность	41,7%	12,5%	18,7%	0	18,2
территориальная принадлежность	22,1	0	6,1	31,1	14,8
личностные идентификации	1,3	0	10,0	7,3	4,7
другие идентификации	0	0	0	6,7	1,6

1. Из таблицы видно, что в числе первичной и наиболее значимой идентификации респонденты указали этническую принадлежность, и это самый высокий показатель среди идентификационных параметров кавказцев на сегодняшний день. Но распределение подобных ответов между республиками неодинаково, и это позволяет сделать логичный вывод о том, что наиболее сплоченные республики объединены именно по этническому признаку. Так, к относительно мононациональным республикам в традиционном и ценностно-идейном смысле можно отнести республики Чечня, Ингушетия, к республикам, где титульных национальностей не очень много и есть один-два общих для населения языка общения, а ценностно-идейное и культурное наполнение повседневности наиболее тождественно, можно отнести Карачаево-Черкесию и Кабардино-Балкарию. И самая поликультурная, имеющая общую идейную направленность, и одновременно специфические культурно-традиционные особенности множества национальностей, является республика Дагестан. Именно этот фактор — фактор первенства общих смысловых конструктов, перед традиционно-культурными и особенными компонентами, иллюстрирует наличие вышеуказанных распределений этнической идентификации.

Противоположный подход к идентификации наглядно виден у представителей РСО-Алании и Ингушетии. Респонденты-ингуши демонстрируют акцент на этничности (общее количество упоминаний — 100%), потому что ценностно-идейная составляющая, культура, традиции, повседневный уклад жизни и даже язык в их республике едины для всего населения. Осетины же

редко акцентируются на этничности (общее количество упоминаний 19,4%), потому что внутри республики проживает несколько субэтнических общностей, кроме того, жители разделены по религиозному признаку (часть жителей исповедуют ислам, часть православие). Тем не менее, объединяющим признаком для осетин выступает территориальный фактор — привязка к земле. Все респонденты указали в числе идентификационных параметров «*житель Осетии*» (1/3 случаев упоминаний в числе первичных идентификаций), а этничность отошла на задний план. Относительно Карачаево-Черкесии ситуация схожа с Аланией, население представлено тремя крупными этническими группами, но все жители исповедуют ислам, потому идеологическое наполнение повседневности тождественно, ввиду чего обращение к этничности является достаточно частым (общее количество упоминаний 68,7%). Конфликтное наполнение повседневной жизни связано с конфликтами на национальной почве, и логичным является столь частое обращение к индивидуализирующему и самоопределяющему фактору этничности. Ну а Дагестан представлен множеством национальностей и этнических групп, каждая из которых имеет отдельный язык или диалект, имеет специфическое культурно-идейное и символическое пространство, и потому объединяющим для населения фактором выступает чаще не этничность, а привязка к земле — «*Я дагестанец, житель Дагестана*», и религиозная идентичность, причины акцентуации которой будут разъяснены ниже. Потому мы наблюдаем достаточно низкое обращение к этническому фактору в числе определяющих — 22,3% (при общем количестве упоминаний 34,3%).

2. На втором месте среди самоидентификаций жителей СКФО оказалась гражданская идентификация. Как видно из второго рисунка, такой процент получился благодаря усредненному значению, а максимальный показатель принадлежит респондентам из РСО — Алании, что подтверждает вышеприведенное утверждение о преобладании в их сознании над-идентичности, сглаживающей этноконфессиональные противоречия.

3. Конфессиональную принадлежность в качестве первостепенной указали 18,2% респондентов. Как правило, это респонденты-мусульмане, но частота упоминаний в различных республиках не одинакова.

Так, респонденты из РСО-Алании ни разу не акцентировали внимание на религиозном факторе, очень низок был показатель и среди ингушей, среди представителей Карачаево-Черкесии процент выше. И наиболее выражено данная идентификация присутствует в сознании дагестанцев. Почему так происходит, догадаться легко, ведь Дагестан самая многонациональная среди северокавказских республик. Кризисные процессы идентификации, происходящие на всей территории России, связанные с разрушением ценностно-идейных представлений о стране СССР и длительным замещением их на новый государственно-формальный конструкт «Российская Федерация», привели к тому, что новое поколение должно было каким-то образом заполнить часто противоречивую действительность

неким целостным и непротиворечивым содержанием. Таким содержанием для Дагестана не могла выступить только этническая принадлежность, так как люди живут в поликультурном пространстве, объединены скорее языком межнационального общения — русским языком, и одновременно не близкой для общероссийской культуры — этнокультурой малых народов. Ни тот, ни другой смысловой конструкт не могли полностью заменить стабильную государственность. Кроме того, значительные социально-экономические проблемы в регионе, соседство с республикой Чечня, где длительное время сохранялась напряженная военная обстановка, создавали чувство неудовлетворенности, «покинутости» народа. Религиозная же идеология, идеология ислама, пришлась наиболее подходящей и удобной для заполнения ценностного вакуума. Она приобрела большую популярность на Кавказе в настоящее время и особенно скорыми темпами в Дагестане, заполнив образовавшиеся пробелы в самосознании жителей. Чувство недовольства повседневной жизнью, государством, деятельностью местной власти или силовых структур, исходя их религиозного мировоззрения, опирается на более справедливые основания и формирует чувство баланса и ощущение стабильности в повседневной жизни.

Ввиду наличия большого количества эмпирических данных, изложить их в полном масштабе в рамках данной статьи представляется сложным. Поэтому мы сгруппировали относительно тождественные представления респондентов, исходя из принципа схожести ключевых характеристик идентификационных конструктов «Россия» и «республика проживания» в их сознании.

Респонденты из Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии ассоциируют со словом «Россия» (в 80% случаев) такие положительные характеристики, как — «1/7 часть мира», «великая держава», «мой дом, родина», «сила, государство», «мощь, страна возможностей», «богатая природными ресурсами». В то же время, есть пессимистичные ассоциации: «зависимая сырьевая экономика, страна контрастов».

Со словом «власть» респонденты связывают множество положительных характеристик, фактически идеализируя ее — «мудрость», «справедливость, сила», «возможности», «авторитет, воля», «президент», «премьер», «Путин», «Медведев», «Федеральное Собрание».

Негативные ассоциации встретились лишь в 7% случаев — «клановость, беспредел, бюрократия», и связаны скорее с локальной проблематикой. Интересным является наличие таких ответов, в которых респонденты приписывают власть специфичным для южного региона образованиям (в 40% случаев) — «местечковым королькам», «силовым структурам», «криминалу и т. п.». Такая диспропорция в ответах, свидетельствует о наличии большого недовольства местной властью и возложением надежды на перемены на власть федеральную.

Региональный патриотизм проявляют свыше 71% респондентов, они ассоциируют свою республику с множеством положительных характеристик — «традиции Кавказа», «великолепие родной природы», «стремление к лидер-

ству», «дружба и взаимопонимание», «культурное разнообразие». В то же время, часть респондентов (36%) высказали негативные ассоциации — «грязь, отсталость, бедность», «местный беспредел», «самоуправство, дотации», «агрессия».

На вопрос, хотите ли вы покинуть свою республику, отрицательно ответили 57% респондентов — «не хочу, поскольку я патриот, и хочу изменить недостатки, которые есть на земле моих предков», «нет, наоборот, хотелось бы развить культуру, экономику нашего региона, поставить крепкий фундамент для нашего будущего поколения», «нет, мировоззрение и мышление жителей других регионов России существенно отличается от кавказского, климатические условия тоже — люблю тепло и буду жить на юге».

Ответили положительно 43% — «да хотел бы, так как дома нет перспективы», «да, хотела бы, потому что нет связей и нет перспектив», «да, потому что особых перспектив нет, зарплаты низкие, преобладает частная собственность».

Оценки своей республики в основном негативные в плане экономики и развития (57%), но при этом высокопатриотичные (43%), выглядят следующим образом — «глубоко дотационный, но перспективный регион, где приоритетным направлением развития является туризм», «регион, со сложной политической ситуацией, на которую, в большей части, оказывают влияние межнациональные отношения», «если посчитать грубо, то из 5 республик Кавказа — наш регион занимает 4 место по развитию», «регион перспективный в плане ресурсов, туризма и прочего, но как любой субъект РФ на Кавказе требует развития и привлечения финансовых ресурсов, капиталовложений».

Также, значительная часть респондентов критически относится к особенностям характера, глубинным культурным предрасположенностям и социально-поведенческим установкам жителей своего региона (42%) — «вспыльчивость», «агрессивность», «высокомерие», «лень», «национализм», «понты (!), бычье (!)».

Масштаб пространственно-территориального оценивания России демонстрирует наличие комплиментарной идентичности. Так, в рамках нынешней территории России ее принимают 60% респондентов, 20% ограничили пределы России территорией своей республики и города проживания и незначительная часть — территорией Москвы.

Общероссийский патриотизм проявили свыше 59% респондентов. Гордость у них вызывают — «достижения в культуре, науке», «освоение космоса», «Победа в Великой Отечественной войне», «Олимпиада — 80», из современных достижений «Сочи — 2014».

Следует отметить, что респонденты довольно часто (60%) упоминали миротворческую и освободительную деятельность России в качестве предмета гордости — «участие России в Грузино-Абхазском конфликте», «миротворчество в Южной Осетии».

Предметами разочарований выступают противоположные представления о недостаточной заботе России о Кавказе, в 40% ответов респонденты указали на отрицательные примеры внутривнутриполитических решений, региональные конфликты («переселение кавказских народов в период СССР», «Чечен-

ская война»), а также сильное неприятие негативных действий в отношении своего народа («национализм», «терроризм», «отношение к кавказцам в России»).

Коллективными «чужими» в 35% ответов для жителей Карачаево-Черкесии выступили «представители разных религиозных сект», «атеисты, националисты», а в 30% ответов представители не своей национальности «евреи, армяне».

Респонденты из Ингушетии и Чечни ассоциирует со словом «Россия» исключительно положительные смыслы — «родина», «устойчивая», «государство мира», «великая страна», «моя страна», «страна, которая мне будет рада», «сильная держава, великая держава».

Негативные ассоциации связаны с чувством обиды на Россию за события, причинившие страдания народам Кавказа. Из числа персонажей-антигероев наиболее часто упоминались Сталин И.В. (70%), генерал Ермолов А.П. (65%), Ленин В.И., Ельцин Б.Н. и другие. Причинами отрицательного восприятия этих личностей служат исторические события (Сталина И.В. — депортация чеченцев и ингушей в феврале-марте 1944 года в среднюю Азию и Казахстан, а генерала Ермолова А.П. — длительная Кавказская война).

Со словом «власть» респонденты связывают имена Путина В.В. (45%), Медведева Д.А. (34%), Аушева Р.С. (91%) — бывшего в 1992—2002 гг. президентом Ингушетии и множества местных лидеров, что свидетельствует о признании действующей власти. Позитивная эмоциональная окраска ответов указывает на достаточно высокий уровень доверия власти, возложение на местную власть значительных надежд на развитие и процветание региона. Этот факт является отличительной особенностью политического сознания чеченцев и ингушей в сравнении с респондентами из других кавказских республик, где уровень доверия региональной власти значительно ниже, чем федеральной.

Региональный патриотизм проявляют 93% респондентов, они ассоциируют свою республику со следующими положительными образами — «древняя культура, башни», «ислам», «развитие, сильная республика», «честь, первенство, отвага», «гостеприимство, благородство, доброта», «традиции», «богатство природы», «гордость, любимый край, дом».

В то же время, незначительная часть (12%) респондентов высказали негативные ассоциации — «нестабильная обстановка».

На вопрос, хотите ли вы покинуть свою республику, отрицательно ответили 73% респондентов — «нет, я в ней родился, буду жить, и умру в ней, если не я, то кто? Я люблю свою республику», «не хотел бы, не могу оставить свой дом и свою семью, они очень сильно нуждаются во мне. В дальнейшем, я надеюсь, все будет хорошо, и регион будет мирным, стабильным и процветающим».

Ответили положительно — 27% — «хотел бы временно, чтобы учиться и получить более качественные знания».

Оценки экономического развития своего региона менее негативные, чем у представителей КЧР и КБР (37%) («одно из последних, слабое звено»), но

при этом более патриотичные (73%), и выглядят следующим образом — «в современной России Ингушетия занимает, если не первое, но и не последнее место. Древние башни Ингушетии являются ценным потенциалом России», «думаю важное, это стратегически богатый регион, очень богатый природными ресурсами, культурой. Россия (!) не лучше и не хуже других регионов», «голос нашего народа никогда не терпит общего горя народов Кавказа, наш народ всегда занимал достойное место в обществе, наши предки оставили много ярких страниц в истории России», «Дикая дивизия разбила Железную дивизию, выходцы из Ингушетии воевали в составе советской армии, мои отцы участвовали в формировании истории России». На неосознаваемом уровне респонденты стремились нивелировать отрицательные впечатления от своего региона и преувеличивали положительные (вытеснение негативного образа).

Также, значительная часть респондентов очень тепло и с чувством патриотизма характеризует свой народ и республику — «мужество, благополучие, жизнь», «доблесть, народ, земля, патриотизм», «наша дружба, Магас, вера», «гордость, культура, импульсивность», «верность, стойкость», «сопереживание, мудрость», «отвага, сплоченность и т. д.».

Негативные ассоциации по отношению к национальным особенностям жителей своего региона отсутствовали.

Разница в оценках России и республики проживания по социально-экономическим и политическим критериям развития всеми респондентами показана в таблице 3.

Таблица 3

Оценки России и Республики проживания по методу критериальных оппозиций (семибалльная шкала).

положительные критерии	оценки России / оценки Республики			
	Дагестан	Ингушетия	Карачаево-Черкесия	Северная Осетия
перспективность	5,7 / 5,3	5,8 / 6,5	5,8 / 4,9	5,7 / 4,3
сила	4,8 / 4,3	6,1 / 5,7	5,7 / — --	5,8 / — --
дружественность	4,9 / 4,2	5,5 / 5,6	5,6 / 4,1	5,8 / 5,4
уважение	5,3 / 5,0	5,8 / 6,5	5,4 / 5,3	5,4 / 5,7
независимость	5,1 / — --	6,0 / — --	5,4 / — --	5,5 / — --
открытость	5,0 / 5,8	6,0 / 6,1	5,3 / 4,2	5,1 / 5,7
богатство	4,7 / — --	4,6 / — --	5,2 / — --	5,1 / — --
влиятельность	5,0 / — --	5,4 / — --	5,2 / 4,5	5,4 / — --
единство	5,1 / — --	5,8 / 6,1	5,0 / — --	5,6 / — --
привлекательность	5,0 / 4,1	5,0 / 4,5	4,8 / — --	5,3 / 5,1

Окончание табл.

положительные критерии	оценки России / оценки Республики			
	Дагестан	Ингушетия	Карачаево-Черкесия	Северная Осетия
развитость	4,6 / — --	6,2 / 4,8	4,6 / — --	4,8 / — --
надежность	4,5 / 4,0	4,2 / 4,5	4,3 / — --	4,5 / 4,2
безопасность	4,5 / 4,6	4,6 / 4,6	4,2 / 4,5	4,5 / 4,8
справедливость	-- — / 4,8	-- — / 6,2	-- — / 4,5	-- — / 4,7
благополучие	4,5 / 4,4	5,4 / 5,2	4,1 / — --	4,7 / — --
спокойствие	4,0 / — --	4,8 / — --	4,0 / — --	4,1 / — --
сплоченность	4,7 / — --	5,2 / — --	4,0 / — --	5,6 / — --
отрицательные критерии	оценки России / оценки Республики			
	Дагестан	Ингушетия	Карачаево-Черкесия	Северная Осетия
тревожность	-- — / 2,8	-- — / 2,6	-- — / 3,5	-- — / 3,8
несправедливость	3,9 / — --	3,3 / — --	3,8 / — --	3,9 / — --
слабость	-- — / — --	-- — / — --	-- — / 3,9	-- — / 3,7
разобщенность	-- — / 3,9	-- — / 3,0	-- — / 3,7	-- — / 3,8
непривлекательность для жителей других регионов	-- — / 2,9	-- — / 4,0	-- — / 3,6	-- — / 3,2
неблагополучность	-- — / — --	-- — / — --	-- — / 3,5	-- — / 3,7
зависимость от федерального центра	-- — / 3,1	-- — / 3,8	-- — / 3,4	-- — / 2,9
отсталость	-- — / 3,9	-- — / — --	-- — / 3,2	-- — / 2,9
бедность	-- — / 2,9	-- — / 1,5	-- — / 2,2	-- — / 2,1
невлиятельность	-- — / 3,5	-- — / 4,0	-- — / — --	-- — / 4,0

Особенность ответов респондентов состояла в том, что около 50% из них отказались оценивать Россию по вышеуказанным критериям, они оценили только свою республику. Возможно, причиной этого явилось внутреннее переживание и страх дать низкие оценки или даже неспособность оценить Россию в целом. Тем не менее, некоторые критерии своих республик респондентами, в значительном количестве случаев, были пропущены. К таким игнорируемым критериям относятся — открытость, уважение, влияние, привлекательность для жителей других регионов, сила, благополучие, спокойствие. Предположительно, отсутствие ответов

можно интерпретировать как боязнь непринятия своей культуры на территории всей России (кроме региона проживания), либо нежелание констатировать низкую степень уважения (что является неприятным фактом лично для человека) по отношению к своей республике, к которой респондент испытывает патриотические чувства и причастность.

Подвергнув анализу федеральные и региональные представления, мы пришли к выводу, что актуализация конструкта «Россия» в политическом сознании населения кавказских республик имеет как формальные, так и идейно-смысловые основания.

Таким образом, формирование их политической идентичности может рассматриваться в логике трех альтернатив:

Первая альтернатива — лояльная общероссийская гражданская идентичность, кризис которой становится стартовой точкой фрустрационных процессов в сознании жителей северного Кавказа в современный период.

Вторая альтернатива — негативная гражданская идентичность, заменяемая региональной идентичностью — совокупностью представлений о российском государстве, сформированных в период двухтысячных годов в рамках отрицания российской идентичности на основе актуализации некоторых символических компонентов локальной и этнической идентичностей на фоне чувства «обиженности» и «покинутости» малых народов.

Третья альтернатива — синтез представлений о российском государстве, стране, патриотизме и гражданственности, осознания единства с рядом традиционных представлений, актуальных локальной и этнической идентичностей.

Литература

1. *Евгеньева Т.В., Титов В.В.* Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // Полис. 2010. №4.
2. *Евгеньева Т.В.* Политико-психологические аспекты формирования национально-государственной идентичности россиян. Политическая психология, культура и коммуникация / Редкол.: Е.Б. Шестопал (отв. ред.) и др. — М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.
3. *Крестинина Е.С.* Образ «другого» в структуре современной идентичности российского общества // Полис. 2011. № 4.
4. *Муртузалиев С.И.* Проблемы идентичности кавказцев и россиян. Изд. 2-е, испр., — Махачкала: «Формат», 2010.
5. *Попова О.В.* Политическая идентификация в условиях трансформации общества. — СПб.: Изд-во СПУ, 2002.
6. *Титов В.В.* Национально-государственная идентичность российской молодежи в начале 21 века: монография. — М.: Макс Пресс, 2012.

НАШИ АВТОРЫ

Бажанов Валентин Александрович — д. филос. н., профессор, заведующий кафедрой философии Ульяновского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ.

E-mail: vbazhanov@yandex.ru

Бродовская Елена Викторовна — д. полит. н., зав. кафедрой политологии и конституционного права Института политики, права и социального развития МГГУ им. М.А. Шолохова.

E-mail: brodovskaya@inbox.ru

Бухаров Денис Николаевич — аспирант Байкальского государственного университета экономики и права.

E-mail: bucharov_den@mail.ru

Васенина Ирина Владимировна — к. соц. н., доцент, социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: irvasenina@yandex.ru

Гондаренко Марина Вячеславовна — аспирант кафедры философии Ульяновского государственного университета.

E-mail: mmaarriinnaa87@mail.ru

Гречко Петр Кондратьевич — д. филос. н., заведующий кафедрой социальной философии Российского университета дружбы народов.

E-mail: p.grechko@rudn.ru

Дождиков Антон Валентинович — к. полит. н., начальник научно-методического отдела Национального института «Высшая школа управления».

E-mail: antondnn@yandex.ru

Евгеньева Татьяна Васильевна — к. и. н., доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: Etv133@mail.ru

Зверев Андрей Леонидович — к. полит. н., доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: zveandr@mail.ru

Иванова Светлана Вениаминовна — д. филос. н., директор ФГНУ «Институт теории и истории педагогики» Российской академии образования, главный редактор журналов «Ценности и смыслы», «Отечественная и зарубежная педагогика».

E-mail: cennostiismisli@gmail.com

Кавыкин Олег Игоревич — к. и. н., старший научный сотрудник Института Африки РАН.

E-mail: atrociter@mail.ru

Кухтевич Татьяна Николаевна — д. филос. н., профессор, социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: irvasenina@yandex.ru

Селезнева Антонина Владимировна — к. полит. н., ст. преподаватель кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: ntonina@mail.ru

Семко Светлана Витальевна — аспирант социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: milana.semko@gmail.com

Смакотина Наталия Леоновна — д. соц. н., зав. кафедрой глобальных социальных процессов и работы с молодежью, факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: smakotina@mail.ru

Титов Виктор Валериевич — к. полит. н., младший научный сотрудник кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: titov-msu@mail.ru

Усачева Вероника Владимировна — к. полит. н., старший научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии Института Африки РАН.

E-mail: veronius@rambler.ru

Усманова Заира Романовна — аспирант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: rassol2007@yandex.ru

SUMMARY

ON CITIZENSHIP, NATIONAL IDENTITY, SECURITY

Svetlana V. Ivanova

Doctor of philosophical sciences, Director of FSSI «Institute of theory and history of pedagogy of the Russian Academy of education, the editor-in-chief of the magazines «Values and meanings», «Domestic and foreign pedagogy».

E-mail: cennostiismisli@gmail.com

The author designates a few pain points in the problems of civil-national identity, which have an influence to the problems of foreign and domestic policy of the state, strengthening of statehood and national security.

Keywords: national civil identity of a personality, national security, the Russian statehood.

HISTORICAL MEMORY AND NATIONAL IDENTITY IN CONTEMPORARY RUSSIA

Tatiana V. Evgenyeva

PhD (history), associated professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, faculty of political science, chair of political sociology and psychology.

E-mail: Etv133@mail.ru

The article deals with the role of historical memory in the process of national identification. The analysis is based on the idea of national identity as at the same time of social and cultural phenomenon and a product of deliberate design. The article states the presence in Russia of an unsurmounted until today identity crisis, which affected first of all the young generation of Russians. In conclusion the author declares the need for state historical policy whose images and symbols could contribute to the process of self-identification of the young Russian citizen.

Keywords: historical memory, historical policy, historical myth, historical symbol, identity, identity crisis, national identification, images of space and time, image of hero, image of the enemy.

INFLUENCE OF POSTCOMMUNIST TRANSFORMATION SYSTEMS OF IDENTITIES ON THE PROCESS POLITICAL RESOCIALIZATION CITIZENS: THE ANALYSIS OF BASE TENDENCIES

Elena V. Brodovskaya

Doctor of political science, Head of the Chair of Politology and Constitutional Law, Institute of Polity, Law and Social Development, Sholokhov Moscow State University for the Humanities.

E-mail: brodovskaya@inbox.ru

In article the interconnected processes of transformation of identity and political resocialization citizens in the conditions of postcommunist transformation are considered.

Keywords: postcommunist transformation, identity, identity crisis, political resocialization.

IDENTITY OF MAN, OR HOMO PROFESSIONALIS

Pyotr K. Grechko

Doctor of philosophical sciences, Head of the Chair of Social Philosophy
Peoples' Friendship University of Russia
E-mail: p.grechko@rudn.ru

The author analyses professionalism as a normative value system and in the alienated sense — as an ideology. Man had not only created by work, he is still being created by it. Profession is defined as the knowledge-based occupation presupposing special training and experience. Identity is interpreted as a kind of internalizing unity with some values, norms, beliefs, and ideals, in the given case — with those of profession, finally giving us identity of man. Professionalism shows the rest of society its most probable future. Professionals differ from lay people by brightly expressed reflexivity of their way of thinking and behaving. The author speaks in support of the prospect of becoming professional society.

Keywords: profession, occupation, professionalism, a professional, professional values, ideology, identity, reflexivity.

PROPERTY AS PRIORITY VALUE AND MEANING IN THE CONTEXT OF HUMAN IDENTITY PROBLEM

Denis N. Buharov

Postgraduate student of the Department of philosophy, Baikal State University of Economics and Law.
E-mail: buharov_den@mail.ru

The article discusses positive and negative aspects of human desire to consumer values. The author stresses the fact that formed type of human identity depends on this desire. It's substantiated that a person focused on possession of a thing, internally assimilates with it and thus departs from the awareness of his own essence. It's argued that the question of human identity should be set as a problem of choosing of priority value by a man.

Keywords: personal identity, value, the succession of values, object, sense, selfishness.

THE PROBLEM OF COGNITIVE DISTORTIONS IN THE ASSESSMENT OF RISKS AND THE ADOPTION OF INNOVATIVE SOLUTIONS

Valentin A. Bazhanov

Doctor of philosophical sciences, Professor, head of the Department of philosophy of the Ulyanovsk state University
E-mail: vbazhanov@yandex.ru

Marina V. Gondarenko

Postgraduate student of the Department of philosophy of the Ulyanovsk state University
E-mail: mmaarriinnaa87@mail.ru

The paper deals with problems which arise in the process of prognostic assessment of innovation risks and social implications of these innovations. Accent is laid upon the role of intellectual misleading and blunders which distorts the result of prognosis and decision making.

Keywords: epistemology, social dynamics, synergetic, probability, prognosis, the image of future, risks, decision making, innovations, expert methods, intuition, forsyte, cognitive distortions, intellectual blunders.

Summary

REGIONAL IDENTITY OF THE PERSONALITY IN THE CONDITIONS OF SOCIOCULTURAL CRISIS

Andrey L. Zverev

PhD (political), Associate Professor of the Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.
E-mail: zveandr@mail.ru

This article analyzes the process of self-identification of the personality in the conditions of sociocultural crisis when habitual ideas of the person of surrounding reality fall are replaced with temporary ideas of and the place in fast-changing space. With particular emphasis on the analysis of process of destruction of the Soviet model of identity and updating of local identity of the personality: ethnic and regional in the conditions of sociocultural crisis. Are allocated and considered a number of key components personal identity in the conditions of sociocultural crisis: the spatial, temporary and personified characteristics.

Keywords: regional identity, ethnic identity, sociocultural crisis, identity crisis.

PROTEST PROCESSES OF THE CONSUMER SOCIETY IN FOCUS OF SOCIOCULTURAL ANALYSIS

Natalia L. Smakotina

Doctor of science sociology, Professor, head of the Department of global social processes and work with the youth of the faculty of global processes, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: smakotina@mail.ru

Svetlana V. Semko

Postgraduate student of the faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: milana.semko@gmail.com

At this stage of the consumer society it is possible to observe various protest processes. The article considers two protest processes of the modern consumer society — downshifting and childfree. According to recent studies, the number of voluntarily childless increases in both the U.S. and Europe, and at the same time society is becoming more loyal to the phenomenon, and therefore, is possible predict further growth in the number of childfree. In article special attention is paid to the peculiarities of downshifting in Russia and in USA and Europe. Downshifting in each country acquires specific features: in England has environmental implications, in Australia the focus shifted in the direction of change of housing and residence, in Russia is linked with a move to the countries with lower standards of living.

Keywords: consumer society, protest process, downshifting, childfree, voluntarily childless, antinatalism.

IMAGES OF «ONE'S» AND «ALIEN» AS AN ELEMENTS OF NATIONAL-STATE IDENTITY OF RUSSIAN YOUTH IN THE BEGINNING OF XXI CENTURY

Victor V. Titov

PhD (political), Researcher of the Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.
E-mail: titov-msu@mail.ru

This article analyzes the images of «ours» and «aliens» in the political consciousness of the contemporary Russian youth, their impact on the formation of nation-state identity generation of young Russians in the beginning of the 21st century. With particular emphasis

on the territorial and political dimension of the Russian state — the image of «their» geopolitical space, as well as the characteristics of foreign policy — the idea of foreign «allies» and «enemies» of Russia.

Keywords: national-state identity, young generation, patterns of self-identification, political images

THE SOCIAL POTENTIAL OF RUSSIAN STUDENTS: ACCORDING TO THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Irina V. Vasenina

Ph.D. (sociology), associate Professor, Department of sociology, Lomonosov Moscow State University.

Tatiana N. Kuhtevish

Doctor of philosophical sciences, Professor, Department of sociology, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: irvasenina@yandex.ru

Drawing on the extensive empirical data, the authors analyze the social potential of students in the Russian society and reveal the mechanisms of its formation. This makes the contemporary analysis of social appearance of students an extremely important because it can serve as a basis for the adjustment and development of social policy, for the formation of specialized federal, state and city programs for the expanded reproduction of society through the development of the necessary properties of the younger generation of Russians.

Keywords: students, value orientation, education, labour motivation, success, family values, extremism, patriotism, knowledge of the language, traditional values

POLITICAL REPRESENTATIONS OF RUSSIAN YOUTH AS BASES OF FORMING NATIONAL-STATE IDENTITY

Antonina V. Selezneva

PhD (political), assistant professor of the Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: ntonina@mail.ru

The article presents the results of the author's research of the political representations of Russian youth. We interpret the data as bases of forming national-state identity. The author draws attention to the temporal aspects of representations about Russia, select representations about past, present and future, about «Gold Century», «friends» and «enemies» as the parameters of analysis.

Keywords: youth, political representations, political psychology, national-state identity.

NEO-PAGANISM IN RUSSIA AND SUB-SAHARAN AFRICA AS A WAY OF IDENTITIES' CONSTRUCTION

Oleg I. Kavykin,

PhD (history), senior researcher of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: atrociter@mail.ru

The article is about construction of Russian neo-pagans' identities compared with identities of members of informal (criminal) youth associations in Nigeria which construct the identity on the basis of samples provided by secret societies.

Keywords: identity, Russia, neo-paganism, Africa, cults, secret societies.

Summary

THE FALSIFICATION OF RUSSIAN HISTORY IN THE CONTEXT OF IDENTITY: A NEW PLANE OF CONFRONTATION

Anton V. Dozhdikov

PhD (political), Head of the Scientific and Methodical Department of the National Institute «High School of Management».

E-mail: antondnn@yandex.ru.

The Falsification of Russian history on value-semantic level is a process designed to destroy the cultural and historical basis of our government, opportunities for the formation of the civil identity, the protective mechanisms and means of adapting to the challenges of our society at the present time. At its core, this phenomenon can be likened to the conduct of extremist activity — with the same goals and objectives, but carried out by the other means and methods.

Keywords: civil identity, falsification of history, extremism, youth policy, the Federal list of extremist materials, sociological research.

«THE STEALING OF EUROPE»: IMAGE OF THE WEST AND RUSSIAN NATIONAL IDENTITY

Veronica V. Usacheva

PhD (political), Senior Research Fellow, Centre of History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

E-mail: veronius@rambler.ru

The article analyses the Forum's materials of the popular internet-project InoSmi.ru, which specializes on translation into Russian of the most striking and notable materials of foreign mass media, for the purposes to investigate the images and concept and interpretation of the West, Europe and Russia by modern Russian intellectuals; and how the images of the West and Europe can influence on the self identification of the modern Russians. The article is not focused on the historical roots of the Russian images of Europe and the West but on the functions they play in the logic of Russian national identity.

Keywords: Russian national identity, West, Europe, Russia, West-East relations.

THE MODELS OF SOCIO-CULTURAL IDENTITY OF THE PEOPLE OF THE NORTH CAUCASUS: FEDERAL AND REGIONAL DIMENSION

Zaira R. Usmanova

postgraduate student, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: rassol2007@yandex.ru

In the article there are explained the peculiarities of self-consciousness of Caucasians and their political perceptions of social, cultural, historical, political spheres of Russia. Described the formation mechanisms of Caucasians' civic identity, and the place and role of civic identity in the system of identification parameters. Empirical data is collected during the political-psychological research of federal and regional perceptions in temporal and territory dimension. The research was undertaken in the following republics: Dagestan, Ingushetia, Karachaevo-Cherkessia, Kabardino-Balkaria, North Ossetia and Chechnya. Reveals the content side of the political perception, and compares the images of the country and region of residence.

Keywords: socio-cultural identity, mechanisms of identity formation of the Caucasians, civic identity, political identity, ethnic identity, political representation, political consciousness, political perception, North Caucasus.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации принимаются авторские материалы — *научные (практические) статьи, обзоры (обзорные статьи), рецензии*, соответствующие **тематике** журнала.

Общие требования

В редакцию следует направлять материал на бумажном носителе с личной подписью автора (почтой) и в электронном виде (по электронной почте) на русском языке.

Заглавие материала должно быть адекватным его содержанию и по возможности кратким.

Материал предоставляется в текстовом редакторе Microsoft Word. При этом встроенные в текст иллюстрации нужно предоставить в виде отдельных файлов (не сгруппированными). Сноски размещаются в [квадратных скобках] в тексте, нумерация должна соответствовать списку литературы, расположенному в конце статьи в алфавитном порядке. Примечания и комментарии оформляются (круглыми скобками) и размещаются в конце статьи. Иностранное написание слов приводится в скобках, кроме ссылок на литературу. Библиографическая часть аппарата статьи должна быть представлена библиографическими ссылками и обязательно библиографическим списком в конце материала (раздел «Литература») и соответствовать требованиям ГОСТ. Размещение сносок внизу страницы не допускается. Объем авторского оригинала не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков, включая пробелы), или 30 машинописных страниц формата А4, размер шрифта 14, гарнитура Times New Roman, интервал 1,5, выравнивание по ширине, абзац выделяется красной строкой 1,25 см.

К материалу обязательно прилагается краткая аннотация объемом не более 600 знаков и ключевые слова на русском и английском языках.

Также необходимо предоставить краткую информацию об авторе для раздела «Наши авторы» на русском языке. На английском языке необходимо указать ФИО автора, название статьи, место работы и должность.

Автор отвечает за достоверность сведений, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники.

Редакционная коллегия информирует авторов
о принятии их материалов к публикации

Адрес редакции: 115035, г. Москва,

ул. Садовническая, д. 58/60, стр. 1

E-mail: cennostiismisli@gmail.com

Тел.: 8(495)951-28-70

Примечание. Статьи, подготовленные аспирантами, соискателями ученой степени кандидата наук, принимаются к рассмотрению только при наличии письменной рекомендации научного руководителя (заведующего кафедрой).

Журнал не взимает плату за публикацию статей аспирантов.

Подписка на журнал «Ценности и смыслы»

осуществляется в любом почтовом отделении Российской Федерации

Объединенный каталог «Пресса России»

Подписной индекс **42194**

Подписка на журнал через интернет-каталог

«Российская периодика» www.arpk.org

Подписной индекс **42194**

Оформить подписку на электронную версию журнала или найти отдельные статьи наших авторов можно в *Научной электронной библиотеке* www.elibrary.ru

	Подписка на журнал		4 2 1 9 4					<small>(индекс издания)</small>					
	"Ценности и смыслы"							Количество комплектов:		1			
	на 2013 год по месяцам:												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
	—	X	—	X	—	X	—	X	—	X	—	X	
Куда													
		<small>(почтовый индекс)</small>					<small>(адрес)</small>						
Кому													
		<small>(фамилия и инициалы)</small>											

							ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА						
					ли-тер		на журнал		4 2 1 9 4				
							<small>(индекс издания)</small>						
							"Ценности и смыслы"						
	Стои-мость		подписки		___руб. ___коп.		Количество комплектов:		1				
		переадресовки		___руб. ___коп.									
на 2013 год по месяцам:													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
—	X	—	X	—	X	—	X	—	X	—	X		
Куда													
		<small>(почтовый индекс)</small>					<small>(адрес)</small>						
Кому													
		<small>(фамилия и инициалы)</small>											

Приобрести номера журнала можно по адресу:
115035, г. Москва, ул. Садовническая, д. 58/60, стр. 1.
Тел. 8(495)951-28-70